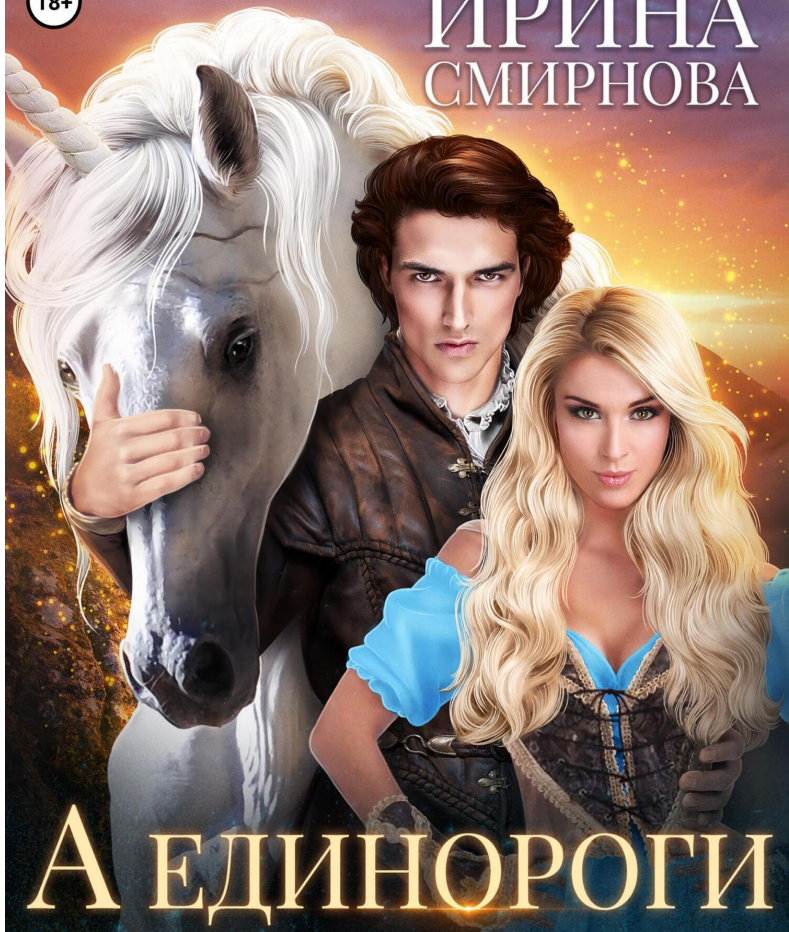

18+

ИРИНА
СМИРНОВА

А ЕДИНОРОГИ
БУДУТ?

Ирина Смирнова

А единороги будут?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68958954

SelfPub; 2023

Аннотация

Вы когда-нибудь мечтали перенестись в другой мир? Признайтесь честно! Хотя раз, но было. И, конечно, вокруг вас скакали эльфы на единорогах, вампиры падали вам под ноги, гномы подпрыгивали, чтобы чмокнуть вас в щечку... понятное дело, если вы девушка. Хотя гномы – они такие затейники... И, естественно, королевство было на краю гибели, а лучше весь мир... и тут вы! Неотразимы, храбры, прекрасны, на единороге. Спереди эльф, сзади вампир и внизу гном подпрыгивает... И всей толпой – мир спасти. А потом вечная молодость, бессмертие, богатство... М-да. ОБА ТОМА в одной книге!

Содержание

Вступление	4
Глава 1	17
Глава 2	34
Глава 3	51
Глава 4	68
Глава 5	85
Глава 6	101
Глава 7	119
Глава 8	136
Глава 9	151
Глава 10	167
Глава 11	184
Глава 12	201
Глава 13	219
Глава 14	239
Глава 15	258
Конец ознакомительного фрагмента.	277

Ирина Смирнова

А единороги будут?

Вступление

Вы когда-нибудь мечтали перенестись в другой мир? Признайтесь честно! Хоть раз, но было. И, конечно, вокруг вас скакали эльфы на единорогах, вампиры падали вам под ноги, гномы подпрыгивали, чтобы чмокнуть вас в щечку... понятное дело, если вы девушка. Хотя гномы – они такие за-тейники...

И, естественно, королевство было на краю гибели, а лучше весь мир... и тут вы! Неотразимы, храбры, прекрасны, на единороге. Спереди эльф, сзади вампир и внизу гном подпрыгивает... И всей толпой – мир спасти. А потом вечная молодость, бессмертие, богатство... М-да.

Я тоже мечтала, само собой. Время от времени.

Вот как-то раз сижу я у себя на кухне, под любимым рыжим абажуром, с кружкой чая и интересной книгой. Про вампиров-зомби, представляете? Это же надо было додуматься... И вдруг раз, лампочка в абажуре протрещала что-то, подмигнула мне на прощание и погасла.

Я встала, вытянула вперед руки и пошла к выключателю, чтобы зажечь люстру. Дорогу примерно представляю – ми-

мо холодильника и потом налево. И вот когда начала тянуть руку, то...

...в себя я пришла совсем в другом месте.

Я лежала в кровати, огромной такой, сочно-розовой, причем и на мне самой, судя по маячащему перед глазами рукаву, было что-то шелковое такого же отвратительного цвета. Кровать находилась в нише – слева, спереди и сзади была стена, над головой – довольно низкий потолок, а справа – зал... Честно! Настоящий огромный зал и где-то вдалеке – дверь. Она была приоткрыта, и там стояли двое – мужчина и женщина. Они переговаривались на непонятном... а, нет, вру, на более-менее понятном мне языке. О какой-то Алисе, опять завалившей очередной экзамен и позорящей семью.

Ух ты! Похоже, сбылась мечта идиота! Ну надо же... Отлично, значит, скоро появятся эльфы, вампиры, единороги... Дракона еще можно – всегда мечтала полетать...

– Она пришла в себя, леди, – мелодично-бархатным баритоном почти пропел мужчина и кивнул в мою сторону.

Женщина обернулась, и с лицом барыни, собирающейся одарить милостыней нищенку на паперти, подошла к кровати.

– Милая, как ты себя чувствуешь?

Голос у нее был приятный... был бы приятным... если бы не был таким сладко-вульгарно-томным. У меня даже зубы свело, но я постаралась натянуть на лицо улыбку:

– Спасибо, вроде бы хорошо. Вы не могли бы мне объяс-

нить...

– Всему свое время, – женщина тоже улыбнулась.

Надеюсь, моя улыбка выглядит более естественно, чем ее, потому что у нее была типичная дежурная «американка» во все тридцать два зуба, цель которой именно в том, чтобы показать наличие этих зубов.

– Сначала Рикиши вас осмотрит, чтобы исключить все сомнения.

Женщина чуть отошла в сторону, и рядом со мной оказался мужчина, вернее, юноша.

Гладкая чистая кожа, четкий рисунок губ. Миндалевидный разрез глаз вместе со странным именем сразу навевали мысли о востоке. Правда, тогда парень должен был быть черным, как вороново крыло, но глаза и волосы у него были цвета... молочного шоколада...

Я с тоской вспомнила шоколадку, недоеденную мною, и недочитанную книгу, и... Ну, зато на работу завтра не надо, и то хорошо.

Рикиши осматривал меня очень бережно, как антиквар – хрупкую хрустальную вазу. Сначала он, едва прикоснувшись своими длинными пальцами к моему запястью, послушал пульс. Потом попросил меня сесть, поводил рукой перед глазами. Нахмурился.

Я чувствовала себя прекрасно, не считая легкой пунцовости щек – к присутствию такой красоты рядом необходимо было привыкнуть. А еще я с усилием сдерживала перепол-

няющие меня разнообразные желания. Например, пощупать этого Рикиши – проверить, точно ли он настоящий. Ущипнуть себя – вдруг я проснусь? Повизжать от восторга – я в другом мире! Залезть от страха под кровать – мамочки, где я и что тут делаю?! Зажмуриться и тереть глаза, пока все не исчезнет...

Но мое физическое состояние было отличным. Однако я все равно напряглась – может на фоне небольшого расстройства психики мне мое прекрасное самочувствие только мерещится?

– Леди, внимательнее, пожалуйста, – юноша снова принялся медленно, плавно водить у меня перед глазами пальцами. А я, наконец, поняла причину его переживаний – в первый раз я смотрела на него, а не на его руку.

– Позвольте, я помогу вам встать.

Меня вновь очень бережно приобняли за плечи, от чего мое сердце забилося в груди, как взбесившаяся муха, и я оказалась стоящей босиком на довольно теплом полу.

– Как вы себя чувствуете, леди? – забота в голосе парня прозвучала настолько искренне, что я поверила и улыбнулась ему по-настоящему:

– Прекрасно!

– Ну, вот и замечательно, – напомнила о своем существовании женщина. Она тоже была шатенкой с карими глазами, но в ней не было ничего напоминающего шоколад. И разрез глаз у нее был привычный, европейский. Обычные боль-

шие глаза, маленький пухленький ротик, аккуратный подбородок, чуть вздернутый вверх носик... Бюст третьего размера, тонкая талия и широкие бедра. Тьфу!

Для полного счастья местная мода была нацелена на подчеркивание ее достоинств – тугой корсет платья затягивал талию еще больше, глубокий вырез сверху и плотный каркас лифа снизу выставляли часть груди напоказ... Пышная юбка на кринолине завершала картину.

На ее фоне я выглядела стриженным чахлым пони, серой мышкой... в ярко-розовом безвкусном балахоне!

– Рикиши позаботится о вас и все вам объяснит, – дамочка радостно зацокала в направлении к двери и, обернувшись, добавила: – У вас есть три месяца, поторопитесь.

Я вопросительно уставилась на парня, ожидая пояснений. Тот вздохнул и махнул рукой в сторону большого шкафа:

– Давайте начнем с переодевания.

Начинать надо было со смены гардероба, но это я оставила на потом. Я тихо материлась, в основном про себя, потому что когда я попробовала сделать это вслух, у Рикиши глаза стали как у обиженной мышки возле норки, и он посмотрел на меня с таким укором во взгляде, что мне стало стыдно.

Чулки и подвязки я с трудом осилила. В платье меня, в итоге, парень запихал. Но когда он принялся затягивать корсет, я поняла, что сейчас помру прямо у него на руках во цвете лет.

– Леди, вы глубоко выдохните, и все получится.

Приободряльщик нашелся...

– Что получится? Мне не только выдохать, но еще и вдыхать надо!

– Леди, поверьте мне, все не так грустно, как вам кажется! – этот паразит еще и улыбается, судя по голосу.

Наконец, корсет мы победили, и я кинулась к зеркалу, чтобы оценить причину своих страданий. Нет, конечно, с недавно покинувшей нас дамочкой сравнивать все равно пока еще не стоило, но выглядела я просто потрясающе!

– А право выбрать себе самой цвет платьев, ночнушки и постельного белья у меня есть? – поинтересовалась я, изучая свое отражение и прикидывая, что темно-зеленое мне пошло бы гораздо больше нежно-салатового. А уж в красном, со своими русыми пышными локонами, была бы вообще неотразима.

– Конечно, леди! После обеда я провожу вас в швейную мастерскую.

– Замечательно. А теперь расскажи мне...

Но юноша попробовал уклониться от ответа:

– Давайте поговорим после обеда, леди, пожалуйста. Будет не очень хорошо, если вы опоздаете.

Не знаю, что он имел в виду под опозданиями, но мы просто перешли в соседнюю комнату, где стоял приличных таких размеров столик, как раз с мою кухню, сервированный скорее под легкий перекус, чем под обед. Правда, тут же появился потрясающей красоты юноша с супницей в руках. По-

том был такой же красавец с дымящейся картошкой. А разнообразное мясо и так уже стояло на столе, тонко нарезанное.

Местные столовые приборы не сильно отличались от тех, с которыми я уже была знакома. Я даже ложке для оливок не удивилась. А уж скрученную в валик влажную салфетку вообще восприняла как родную.

Рикиши, как и полагается настоящему джентльмену, ухаживал за мной, а я посматривала краем глаза, чтобы не опозориться, какую вилку или ложку он берет. Искусство красиво питаться всегда давалось мне с трудом, но азы столового этикета я освоила еще в детстве и обновляла время от времени на корпоративных ресторанных посиделках. Отличия были настолько несущественные, что к концу обеда я совсем расслабилась.

– Приятно, что мне не придется тратить много вашего времени на знакомство со столовыми приборами, – резюмировал Рикиши, отодвигая мой стул из-за стола и помогая мне встать.

– Я рада, что вам приятно, – почти пропела я и, цепко ухватив юношу под руку, проворковала ему на ухо: – А теперь быстро рассказывайте: что, где, когда и, главное, зачем!

– Простите, леди?.. – парень попытался изобразить ничего не понимающего простачка, но это явно было не его амплуа, да и мой суровый взгляд не предвещал ничего хорошего.

– Ну... в общем...

– Не юли! – гаркнула я на весь коридор, и меня тут же затащили в мою спальню.

– Леди, вы – копия дочери моей госпожи, Алисы, – и уставился на меня так, как будто выдал страшную тайну, которая все проясняет.

– И?!.. – мой многообещающий взгляд стал еще более многообещающим.

– Ну...

– Рикиши!

Парень обреченно вздохнул и выдавил еще пару крупиц бесценной информации:

– Ей скоро придется проходить испытание...

– И?!..

– Она его завалит, – обреченно выдохнул парень и умоляюще уставился на меня.

Но я была неумолима.

– Вам надо пройти это испытание вместо нее.

– И?!..

– И все! – парень затих и нахохлился, смотря на меня как на палача.

– Преимущества для меня? – я решила перейти к наводящим вопросам, раз просто так мне информацию не выдают даже под давлением.

– Вы будете признаны наследницей леди Марими.

Удалившись за ширму, я стянула с себя нижнюю юбку, чтобы спокойно плюхнуться на кровать и предаться размыш-

лениям. Что-то тут не сходилось.

– А куда денется дочь леди Марими?

– У леди нет дочери, она удочерит вас. Дочь есть у моей госпожи...

Я подождала, но подробностей не последовало. Допрос с пристрастием продолжился.

– Женщина, которая была здесь с тобой, это кто?

– Моя госпожа... леди Сонола, – добавил он, после того как я зло на него прищурилась.

– Странно, мне показалось, что мы с ней ровесницы, – хмыкнула я, пряча за ехидством обычную женскую зависть.

– Леди Соноле триста двадцать восемь лет, – огорошил меня парень. То есть дама еще лучше сохранилась, чем я думала.

– А ее дочери? – уж не знаю, зачем мне эти сведения. Просто стало любопытно.

– Леди Алисе всего шестьдесят четыре, она еще совсем девочка, – фраза должна была прозвучать ласково-умиляюще, судя по всему. Но, по лицу парня было заметно, что под определением «совсем девочка» он тактично замаскировал «милая дурочка». А может, даже и не милая.

Тут я спрыгнула с кровати и подошла к зеркалу.

Нет, мне, конечно, не шестьдесят четыре, но... Я уже давно не девочка, да и девушкой меня в тридцать два года называть можно с натягом.

– Вам будут давать специальное лекарство, омолаживаю-

щее, – Рикиши правильно понял мои сомнения и добровольно прояснил ситуацию.

– Так, значит, у вас тут в наличии девочка Алиса, которой надо вот–вот проходить некое испытание и, по мнению окружающих, она это испытание завалит. Верно? – парень кивнул, а я продолжила наводить порядок у себя в голове. – Поэтому вы зачем–то вытаскиваете меня, чтобы я прошла это испытание за нее, и в награду меня удочерит какая–то местная госпожа, так?

– Не какая–то, а леди Марими, – уточнил парень. Возможно, для него это и было важное уточнение, мне же пока было все равно.

– А если я его завалю? – с плюсами понятно, смутно, но хоть что–то... А как у нас обстоят дела с минусами?

– Вас вернут обратно в ваш мир ровно в тот момент, когда вы... – голос Рикиши слегка дрогнул, и мне это очень не понравилось.

– Когда я?..

– Я не должен вам это рассказывать, – парень выпрямился с выражением лица «я – кремень и тайну унесу с собой в могилу».

М–да... Темнит. Плохо.

– А что за испытание?

Странно, вообще–то обычно выдается спасение мира, а тут... тест–драйв на профпригодность, что ли?

– Экзамен для поступления в академию: обществоведе-

ние, древнейшая история, изящная словесность, экономика и бытовая магия.

Я от души выругалась, закрыв глаза, чтобы не видеть осуждающего взгляда Рикиши, и упала на кровать.

– Сроки?

– Три месяца.

– Таблетки, программки, анаболики... что-то усиливающее работоспособность и память?

Рикиши грустно помотал головой:

– Можно работать пару дней без сна, но потом вы уснете на эти же пару дней. Можно внушить вам любую информацию неограниченного объема, но вы не сможете ею полноценно пользоваться. Такой способ удобен, если надо дословно воспроизвести сложный текст, не очень задумываясь над его смыслом. Вам же надо уметь оперировать имеющимися знаниями.

Я снова витиевато и не очень цензурно высказалась, даже не отрывая головы от подушки.

Итак.

Плюсы – омолаживаемся.

Минусы – опять учиться!

Все остальное – пока не ясно, плюсы или минусы. Я уже не девочка, чтобы подпрыгивать в небо от одного факта переноса в другой мир. И, потом, я дитя технологического прогресса, а тут явно средние века. Зато в наличии – магия. Я же ведь не ослышалась?

– Ты упомянул бытовую магию.

– Да, леди, надеюсь, что вы осилите необходимый для женщины из высшего общества минимум. Но если совсем ничего не будет получаться, обвешаем вас артефактами. Если магического потенциала нет, его никто не вправе требовать.

– А у тебя есть? – заинтересовалась я.

Юноша едва заметно улыбнулся и отрицательно помотал головой.

– Значит, три месяца, и если я заваливаю экзамен, меня переносят обратно в мой мир, в то же время, когда забрали?

– Да, леди, – Рикиши неодобрительно поджал губы. Почему–то ему очень не нравилось упоминание о моем возвращении в свой мир. Ну, ничего, выясню все потихоньку.

Да, эльфов нет, вампиров нет, единорога пока тоже не предъявили, но ведь я же ничего не теряю? Вернут ровно в то же время и на то же место. Три месяца без любимой работы проживу, как и она без меня. Домашних животных я не держала, даже мужа. Так почему бы не попробовать. Смыться обратно я же всегда успею, правильно?

– А если нет, то меня удочеряют... и?

– И вы поступаете в Академию благородных девиц при Министерстве по Иномирным Связям.

– Э–эм?! – я даже голову приподняла. – И что мне грозит после его окончания?

– Брак с каким–нибудь иномирным представителем и

шпионская деятельность на пользу Яхолии.

– Ы–ы–ы–ы! – только и смогла я выдать из себя и упала обратно.

Глава 1

В вас когда-нибудь пытались за три месяца впихнуть то, что обычные люди проходят за несколько лет? За двадцать-тридцать, если быть точной. Когда я узнала, что у меня месяц за десятилетку, такой стахановкой себя почувствовала, ну прямо убиться веником. Лечь и убиться...

Никаких эльфов, вампиров и даже единорогов мне не встречалось, только Рикиши и иногда Сонола. Она приходила всегда неожиданно и незванно, как ревизор, усаживалась в уголочке и наблюдала за моими мучениями. Потом тихо исчезала, и в комнате сразу становилось легче дышать.

Я пару раз попыталась поговорить с ней о своем будущем и настоящем, но никакой новой информации не получила. Все те же две последовательности: сдадите – дадим осмотреться и, если вас все устроит, удочерим, не сдадите – вернем обратно. Второй вариант от меня никуда не денется, так что я налегала на первый.

Уж не знаю, зачем, возможно просто характер такой. Чем невыполнимее выглядела цель, тем отчаяннее мне хотелось ее добиться.

Нет, не так страшен черт, как его малюют, если уж быть честной. Звучало все устрашающе, но на самом деле не сравнить с нашей средней школой, когда в тебя за десять лет пытаются впихнуть невпихуемое и еще ногой утрамбовывают,

чтобы побольше влезло.

«Экономикой» тут называлась некая смесь математики и умения логически мыслить. Задачи на поиск оптимальных и выгодных для семейного бюджета решений. Я щелкала их как орешки, даже повышенной сложности, тут Рикиши мог быть за меня спокоен.

«Изящная словесность» – умение красиво и правильно писать письма, то есть вместо «дебил» – «акциденция современности», вместо «заткнись» – «умерьте ваш пыл», тормознутого назвать рутинером и далее в том же духе. Здесь в ходу были немного другие синонимы общеизвестных выражений, но идея – та же.

Красивые словесные обороты мы учили по той же схеме, что и раньше в моем мире – через стихи и романы. Заодно, по тем же романам, я учила и сам мир...

Читаю я довольно быстро и, хотя при переносе мое скорочтение и пострадало, но Сонола быстро его восстановила магическим путем. Это, слава местным богам, тут не возбранялось.

Если мозги в состоянии переваривать одну книгу в день, значит, можно дать средство для впитывания этой книги.

Способности к бытовой магии у меня были очень скорбными, так что мне выдали гору артефактов и мануалы по их использованию. Ничего сложного, кроме наработки опыта. За три месяца вполне реально, если работать над этим ежедневно.

Я даже вполне легко освоила здешнюю географию – где какая страна находится, кто там живет, политические и экономические связи. Даже энциклопедии про соседние миры полистала, в надежде найти про свой. Но не повезло.

Забуксовала я на местной истории... Не давалась она мне, хоть плачь.

Рикиши уже и таблицу вместе со мной составил, и даты мы с ним выписывали, и графики рисовали. С какого и по какое какой король правил, как звали его жену – хранительницу королевской семьи, канцлера – хранителя королевской печати и кардинала – хранителя королевской души. И главного мага... И...

Меня тошнило. Практически буквально тошнило от избытка информации в голове. Их было много – имен, непривычных и неудобовыговариваемых, к которым прилагались фамилии, даты рождения, даты восшествия на престол, даты отказа от престола или даты смерти. А еще были войны, бунты, революции... Казни величайших преступников, чьи имена я тоже зачем-то должна была помнить!

В общем, спустя два месяца стало ясно, что я сдам все, но завалю элементарное... То, что здесь знают даже дети, потому что все это впихивается в них чуть ли не с рождения.

Сонола явилась как всегда неожиданно, посидела, посмотрела на мои мучения и спокойным таким будничным голосом произнесла:

– Рикиши, мне кажется твою ученицу надо слегка прости-

мулировать с помощью плетки, – после чего развернулась и вышла.

А я осталась сидеть, хлопая глазами, и пытаюсь понять, что она имела в виду?

Мой бессменный учитель по всем предметам слегка побледнел, отложил в сторону мел, которым он рисовал на доске очередной график и сделал приглашающий жест рукой в сторону двери:

– Прошу, леди.

Я шла с ним под руку по коридору и думала о том, что если сейчас хоть кто-то попытается тронуть меня хотя бы пальцем... Я так кого-то простимулирую, что мало не покажется.

Мне казалось, что по пути подготовилась ко всему, но оказалось, что я ошибалась.

– Рикиши... – произнесла Сонола все тем же буднично-спокойным голосом, и парень, скинув камзол, стянул через голову рубашку, потом наклонился и расстегнул сапоги...

Я, закаменев, не отводила от него глаз. Все происходящее было пугающе-непонятно, но... Медленно раздевающийся Рикиши был прекрасен. Мне казалось, что я уже привыкла к нему, к его смущенному румянцу, когда я несколько грубовато выражалась, к его ласково-поощрительному: «Все правильно, леди, вы – молодец!», к его легкой полуулыбке, когда я пыталась острить. Я не могла воспринимать его как объ-

ект вожделения хотя бы потому, что тогда не смогла бы нормально учиться. Да он и не пытался со мной заигрывать... При такой—то красивой хозяйке.

Да, на Яхолии было рабство, ведь тут были войны. Примерно пять сотен лет назад, четыреста девяносто два года, если быть точным, был захвачен и поработен целый мир. Мир Рикиши.

Теперь это отдельное государство в содружестве Яхолия, в котором живут яхолианцы. А исконное население превратили в рабов, вывезли, распродали... и «чтобы не потерять национальный колорит», сводят, как породистых собак.

Но одно дело просто знать, что тебя обучает красивый, умный и начитанный раб. Знать и никак не связывать это знание с Рикиши. И совсем другое – видеть, как он полностью раздевается, безропотно ложится на скамейку, вытягивает вперед руки и молча ждет. Слышать тяжелый свист плетки, разрезающей воздух. Слышать звук соприкосновения тела и длинного извивающегося хлыста. Видеть, как это совершенное тело вздрагивает, как напрягаются и резко расслабляются мышцы. Видеть красную полосу—отметину на чистой белой коже...

Очень хотелось отвести взгляд в сторону или просто зажмуриться, но не получалось. Даже не потому, что Сонола что—то намагичила, нет... Просто я понимала, что эти удары достаются ни в чем не повинному Рикиши из—за меня. Из—за того, что я не смогла выучить этих проклятых королей.

– Все! Хватит! – рыкнула я где-то на втором десятке.

– Это я решаю, когда хватит, – Сонола ответила мне, даже не прерываясь, на выдохе, не повышая голоса.

– Тогда я уйду, – уверенно сказала я, продолжая стоять и смотреть, как плеть разливовывает спину Рикиши.

– Тогда я его запорю, – женщина ответила мне без тени сомнений, но наконец-то бросила быстрый взгляд в мою сторону.

– С другим учителем я заниматься не буду, – мой голос зазвенел от душившего меня напряжения.

– Значит, найдем другую ученицу! – хмыкнула Сонола все так же уверенно.

– Удачи, – с презрением выдала я, развернулась и вышла.

До экзаменов оставалось полтора месяца. Вряд ли они рискнут стащить откуда-нибудь еще одного близнеца своей драгоценной дурочки.

Пока шла по коридору, сжав кулаки до боли и зубы до скрежета, думала, что вся эта афера с самого начала шита белыми нитками по черной глади. И при этом, раз меня упорно обучают и даже стимулируют – им реально надо, чтобы именно я поступила в эту академию.

Упав на свое любимое место для размышлений и взбив под головой подушку, я попыталась успокоиться. В ушах по-прежнему свистела плетка, перед глазами была спина, раскрашиваемая в ровные красные полосы, в душе было пусто, на щеках – слезы. Хорошо, успела дойти до своей спальни...

Так, спокойствие, главное спокойствие, как завещал великий Карлсон. Надо верить в то, что я им нужна, и Рикиши не заперют в качестве стимула.

Самое противное, что я уже пару раз сознательным усилием давила в себе желание сесть за учебники по истории. Главное, ради себя любимой, я на такие жертвы не пошла бы ни за что, но ради Рикиши...

Так, а теперь успокоиться, расслабиться и не думать... не думать, не вспоминать, сосредоточиться на чем-то другом. Вот, вытянусь, лягу нога за ногу...

Ну почему тут брюки для женщин не предусмотрены?! Неудобно в этих их платьях, кто бы знал! М-да. Несчастные люди, не знают они тут про женские брюки.

А что на текущий момент знаю я?

Я уже знаю, что леди Марими – альменхеттен семьи Тарнизо. То есть представитель по связям с общественностью, наделенный правом принимать экстренно-важные решения, не обсудив их со всеми членами семьи. Круче нее только ее родители – старейшины семьи. Они могут опротестовать любое ее решение, пока их голоса семья считает разумными, то есть пока они по мнению родни находятся в здравом уме. Стариков я не видела, а вот с леди Марими имела честь визуально познакомиться – она возвращалась с прогулки по саду, когда я как раз направлялась немного проветриться.

Рикиши тогда упал на одно колено и стоял в такой позе, пока хрупкая фигурка не скрылась из виду. Мне она чем-

то напомнила эльфийку – тонкокостная, величественная, с застывшим выражением лица и прямой спиной. Нет, Сонола – стерва, конечно, но она была более живой по сравнению со своей двоюродной сестрой.

Кстати, Марими стала альменхеттен не так давно, заменив недавно умершую мать Сонолы. Интересно, ее выбрали потому, что она старше или по какому–то другому признаку?

Вообще, на Яхолии был патриархат, только очень... своеобразный. Мужчины занимались колонизациями других миров. Армия и внутренняя гвардия целиком состояла из мужчин. Корона и скипетр передавались тоже только по мужской линии. В Яхолии не было не то что королев, регентов при принцах женского пола!

При этом первой обязанностью короля после восшествия на престол была... женитьба. И на всех встречах с иноземными послами, на всех советах, на всех пактах... Короче на всех документах должно было быть указано, что королева не возражает.

Дальше патриархат временно сменялся равноправием – альменхеттен семьи могли быть как мужчины, так и женщины. А проблемами внутрисемейными вообще заведовали исключительно женщины.

Вот Марими решала внешние проблемы в семье, а Сонола – внутренние. И отсюда следовал первый, непонятный мне нюанс.

Да, меня будут выдавать за девочку из семьи Тарнизо – хо-

рошо. О том, что я дочь не Сонолы, а Марими, да еще и приемная, афишировать никто нигде не станет. Тут не принято разглашать внутрисемейные связи—. Представляют здесь так: «Алиса, третья ветвь древа семьи Тарнизо». То есть я могла быть дочкой Сонолы, Марими или внебрачным ребенком их незамужней сестры, с которой я пока еще знакома не была.

Но, главное, я ни разу не видела саму Алису!

Вот представив себя на ее месте... Не утерпела бы! Честное слово, хоть в щелочку бы подсмотрела! Хотя, может, в щелочку она и подсматривала, кто ее знает?

Она как раз главная непонятность всей аферы: «А что будет с Алисой?».

Вот сдам я все, поступлю в академию... Нет, ну это отдельный бред, который я пока обдумывать не готова. Хотя бред интересный – я люблю учиться. И, раз Алиса не любит, то в академии буду учиться именно я. Хорошо... А потом? Потом, когда начнется раздача бонусов в виде замужества? Понятно, что рано думать о том, как я буду печь хлеб, пока поле еще не засеяно, но меня вдруг очень сильно заинтересовал этот момент. Причем как–то так оглушительно сильно заинтересовал и, чем больше я размышляла, тем сильнее мне становилось не по себе.

Похоже, я слишком увлеклась доказыванием себе и другим, что смогу впихнуть себе в голову невпихуемое и не подавлюсь. Самое времечко прерваться и задуматься о дальнейшем. Что–то в картинке моего запланированного светло-

го будущего не сходится. По–моему, мне обязательно надо пересечься и познакомиться с этой Алисой.

Конечно, если меня не вернут домой... Нет! Рикиши я им точно не прощу!

Тут я с силой ударила кулаком по кровати и перевернулась, чтобы уткнуться носом в подушку, пытаясь спрятаться от вновь всплывших в памяти звуков и мелькающих картин.

Я уже была готова сорваться и бежать обратно, чтобы убедиться, что все живы, но тут дверь моей комнаты открылась, и вошел Рикиши. Тихо так вошел, по стеночке...

– Ты как? – я соскочила с кровати и бросилась к парню, наверное, слишком стремительно.

И тут же резко затормозила, потому что следом в комнату вошла Сонола.

– Сегодня я его пожалела, – произнесла она отвратительно ровным, спокойным голосом, за который дико хотелось убить. – Через неделю я хочу, чтобы вы без запинок ориентировались в событиях последних двух тысячелетий.

Не дожидаясь моего ответа, Сонола вышла, даже не хлопнув дверью напоследок. Она не злилась, просто констатировала факт.

– Так как ты? – переспросила я, глядя на смотрящего в пол Рикиши.

– Спасибо, леди. Жить буду, – кривая полуулыбка промелькнула на лице у парня. – Даже теперь точно знаю, сколько именно.

Не удержавшись, я залепила ему подзатыльник и наконец–то расплакалась.

Успокоилась я довольно быстро, причем совершенно самостоятельно. Рикиши тихо сидел рядом на краю кресла прямой, как струна. Молчаливый укор моей совести.

– Ну что, будем учить вашу проклятую историю? – буркнула я, вытирая глаза тыльной стороной ладони, чтобы не смотреть на парня.

Было немного стыдно. Вроде не девчонка, взрослая женщина, а разревелась на пустом месте. Не мой мир, не моя жизнь, не мой раб... В любой момент могу свалить и забыть.

– Леди, – Рикиши замялся, покусывая край губы. Несколько раз он порывался что–то сказать, уже даже открывал рот, но потом снова затихал и, наконец, выдохнул всего одно слово: – Спасибо.

Да... не мой... Но ради вот этого благодарного взгляда я готова совершить подвиг!

Следующая неделя у меня была очень насыщенная. Ведь другие предметы никто не отменял, хотя мне они и легко давались. Но почти все мои силы были брошены на заучивание чреды событий, происходивших в Яхолии последние две тысячи лет. Оказалось, что я даже кое–что запомнила из прошлых занятий. Что–то упорно ускользало из моей памяти, но если закрыть глаза и вспомнить свист плетки, то голова сразу начинала работать.

Рикиши теперь почти не участвовал в процессе моего обу-

чения. Только книжки менял и все. Я сама рисовала схемы, устраивала сама для себя контрольные опросы. Недовольно хмурясь, листала страницы в поисках подробностей. Задачей Рикиши было отвлечь меня на завтрак, обед, прогулку и ужин. И запинать спать вовремя.

Через неделю я была готова отгарабанить наизусть все, что было в этой долбанной Яхолии. В любом раскладе. Событие – год или год – события. Не знаю, за каким фикусом мне это все могло пригодиться, но я историю своего мира не знала так досконально, как этого.

Правда, именно Яхолии, а не завоеванных колоний. По ним тут были отдельные тома. И если вдруг выяснится, что их тоже надо было заучивать, я возьму их все сразу и уроню Соноле на голову. С размаху!

Она явилась после обеда, когда я, устав паниковать, отрешенно листала учебник по бытовой магии и обдумывала, откуда у меня появилась способность зажигать свечи. От злости? От омолаживающих таблеток? От длительного пребывания в местном климате? Но факт оставался фактом – я только что совершенно спокойно зажгла восьмую свечу. Так что минус один артефакт на экзамене.

– Ну надо же... У тебя даже магические способности проснулись?!

– А мы разве переходили на «ты»? – мгновенноотреагировала я.

– Я вторая ветвь дерева, а ты, если повезет, – Сонола произ-

несла последнее слово с такой интонацией, что сразу становилось понятно, как сильно она верит в мои способности, – станешь только третьей.

– А мне вот интересно, что будешь делать ты, – я старательно выделила голосом свое искреннее желание перестать «выкаты» друг другу, – когда мне повезет. Ты и твоя дочь.

– Тебя это не касается! – фыркнула Сонола, но в ее взгляде промелькнуло что-то... Точно, когда все закончится, надо пойти и познакомиться с Алисой. – Перейдем к проверке твоих знаний.

О! Определение «препод-зверь» очень подходило этой женщине. Она отрывалась по полной, она гоняла меня, листая страницы учебника. Проверяла не только то, что помнила сама, но и что уже успешно забыла, если даже знала.

Спустя полтора часа у меня заплетался язык, хотелось пить... и не воды, а крови! Крови конкретного человека.

– Что ж стимул был выбран верно, я рада, – с легким презрением в голосе выдала Сонола. – Кстати, если вдруг ты захочешь с ним позабавиться – я не против. Может, это тоже тебя простимулирует.

И все это в присутствии Рикиши, тварь такая. Причем, заметив мой злобный взгляд, она вдруг нагло так усмехнулась и подозвала парня к себе:

– Разденься, а то, возможно, в прошлый раз леди Икари не оценила твои прелести.

Рикиши, медленно, пуговица за пуговицей, расстегнул

камзол и дал ему плавно стечь на пол. Потом, глядя мне в глаза, также медленно обхватил руками края рубашки и потянул ее вверх... потихоньку оголяя напрягшийся живот, ребра, грудь.

Ну вот что я, мужскую грудь не видела?! Да сколько хочешь! На пляже, в бассейне, в кровати. Но, почему-то, как под гипнозом, сделала шаг в сторону Рикиши, а он как будто только этого и ждал, чтобы сдернуть рубашку полностью, кинуть ее на камзол и, положив руки на бедра, плавно провести по ткани брюк и потеревить узел тонкого пояса, удерживающего эту ткань. Я следила за его пальцами, одновременно тряся у себя в голове картинкой из памяти. Я уже видела то, что там, под штанами! Ви-де-ла! Так чего же я глаз не могу оторвать от этого кушака?! И жду... Жду...

Но Рикиши сначала наклоняется и стягивает сапоги, левый... затем правый. Я провожаю их взглядом. Каждый. И мое внимание снова возвращается к кушаку. Эта зараза еще минуту крутит им между пальцев и, наконец, одно движение, и штаны плавно соскальзывают вниз. Ничего неожиданного, ничего нового, ничего впечатляющего, кстати, тоже... Обычный размер, красивый, ровный, побритый... слегка возбужденный. И чего я тогда стою, как девственница в первую брачную ночь и люблюсь?!

– Вот теперь вижу – оценила, – где-то в отдаленном уголке сознания звучит голос Сонолы. – Пользуйся.

И дверь за ней захлопывается, а я остаюсь один на один с

полностью обнаженным парнем, которого хочу так, что скулы сводит.

Так. Спокойствие. Вдох. Выдох. Вдох... Нет, вот так, с барского плеча, по приказу. Так – не хочу.

– Одевайся, – я отворачиваюсь, делаю несколько шагов к окну и начинаю гипнотизировать природу, злобно так, как будто вот это дерево виновато в том, что я... Дура принципиальная, вот кто я!

– Леди? – в голосе Рикиши я слышу не только удивление, но и обиду.

Прекрасно его понимаю. Так старался порадовать свою хозяйку, чтобы соблазнить по ее приказу и надо же, такой облом.

– Я не хочу пользоваться тем, что принадлежит другому, – выдаю я первое, что приходит в мою голову.

И тут же оборачиваюсь, чтобы увидеть, как гаснут звездочки в глазах Рикиши, как исчезает его полуулыбка, как он... вянет буквально на глазах.

Пока я любовалась деревьями за окном, он уже успел натянуть штаны и рубашку, сейчас под моим взглядом он быстро застегивает пуговицы на камзоле. Сапоги оставлены напоследок. Носки и сапоги... Сначала левый, затем правый.

– Простите, вы позволите мне не сопровождать вас сегодня на прогулке?

Голос спокойный, но губы дрожат, а я стою и смотрю, как красиво двигается кадык на его шее.

– Леди?

– Да, можешь и на ужин не приходить.

Вот что я только что сказала? Зачем?! Я же хочу... Я хочу его. По крайней мере...

– Стой!

Рикиши замер, уже приоткрыв дверь комнаты, чтобы выйти.

– Я передумала. На ужине я хочу тебя видеть и позаботься, чтобы на столе было вино. Сладкое. Белое. И что-то из алкоголя, что ты любишь. Я собираюсь отметить победу разума над историей.

Рикиши посмотрел на меня с удивлением, но лишь кивнул:

– Да, леди, хорошо.

– И... – вообще-то я собиралась извиниться, но нужных слов подобрать никак не получалось, поэтому я просто добавила: – Сладкого очень хочется... Шоколадных конфет, например.

– Да, леди, хорошо, – слегка растерянно повторил Рикиши, но в его глазах снова зажигаются звездочки.

Я уже знаю, что меня кормят, добывая еду из моего мира. Не зря я в первый день так обрадовалась и одновременно удивилась привычному виду блюд. Так что и шоколадные конфеты достанут, и вино белое. Все достанут. Потому что я им нужна.

А вот мне нужен только один человек. И он принадлежит

другой женщине. Причем в буквальном смысле слова «принадлежит».

Но сначала по плану встреча с Алисой. А уже потом устройство моей личной жизни после сдачи их местного ЕГЭ...

Глава 2

Напряжение за ужином просто витало в воздухе. Вот Рикиши, с привычно скользящей по губам полуулыбкой, уточняет:

– Вам положить еще салата, леди?

А у меня перед глазами это же улыбающееся лицо... и отлетающая в сторону рубашка.

– Вам подлить еще вина? – и легкое, едва ощутимое касание тонких длинных пальцев, пока Рикиши забирает бокал из моей руки.

Электрический разряд по всему телу. Даже сердце замирает. А перед глазами он... обнаженный. И сердце начинает биться, только сразу слишком часто, слишком быстро, слишком... .

«Обычный парень, тем более – чужой», – уговариваю я себя, искоса поглядывая, как красиво он ест. Слежу за тем, как ловко он нарезает мясо.

Взмах длинных ресниц привлекает мое внимание к глазам. В первый день мне было все равно, а потом я привыкла, но сейчас для себя отмечаю, – иногда он их подводит, полностью обрисовывая контур. Чаще всего – ближе к вечеру. И с губами что-то делает, чтобы они казались ярче... Явно что-то делает, потому что сейчас мне взгляд от них не отвести – так манят. Особенно, когда он их облизывает кончиком

языка, медленно, по кругу.

Зараза! Похоже, меня пытаются соблазнить!

– Да, подлей!

Я тоже облизываю губы и на секунду прикрываю глаза, чтобы скрыть промелькнувшее в них удовлетворение – за мной тоже следят. Хотя...

Тут внутри меня все сжимается, и я едва сдерживаю вспыхивающее раздражение. Ему же приказали меня соблазнить, вот он и старается. И за мной следит, чтобы понимать, насколько продвинулся к успеху.

Не будет никаких соблазнений, ни в какую сторону. Просто продолжаем общаться так, как раньше. Я же даже не могу Рикиши доверять полностью! Вот мне надо пробраться к Алисе. Одной это будет сложно сделать, но просить его о помощи – опасно. Сошьет информацию Соноле, как и положено хорошему рабу.

Как только в моих мыслях появлялось это слово: «раб», причем не абстрактный какой-то, а этот вот конкретный парень напротив меня... Сразу или хотелось выскочить из-за стола и сбежать, или наглубить, или просто отвести взгляд в сторону и не смотреть... не смотреть на него, не думать о нем, как о привлекательном мужчине.

Чужой мужчина. Просто чужой мужчина. Чей-то муж, например. Красивый, умный, но чужой. И искать входы и выходы к Алисе я буду без его помощи!

Хотя я очень плохо представляю себе, как это будет вы-

глядеть. Ведь все то время, что я здесь живу, мое передвижение по дому было очень ограниченным и всегда... Всегда в сопровождении Рикиши. Ну, кроме сегодняшней вечерней прогулки.

Однако я все равно дышала свежим воздухом не одна, – замной наблюдала какая–то пожилая леди, прогуливаясь чуть в отдалении. Я отставала, – она тоже притормаживала, я шла быстрее, – она тоже ускоряла шаг, я уклонялась в сторону, – и она следом, я замирала, любуясь красотой беседки, и она останавливалась неподалеку. Мои «Добрый вечер», «Здравствуйте, а вы кто?» и «Э–ге–гей, давайте же знакомиться!» упорно игнорировались, так что привлекать ее внимание мне быстро наскучило. И пытаться скрыться от нее в кустах – тоже. Сад она знала явно лучше меня.

– Ты и сам тоже пей, – я с заботливым лицом пододвинула Рикиши бутылку с напитком розового цвета. По вкусу я бы это назвала малиновым шампанским, ну или лимонадом с добавкой алкоголя. Юноша принес бутылку с собой, сказав, что это вино из каких–то лепестков, которое он очень любит.

Переводчик, вставленный мне в голову при переносе (это я фигурально, если что!), иногда давал сбои. То есть я слышала странное слово, и вот что хочешь, то с этим и делай. Вот как было с «альменхеттен». Непереводимый набор букв и все тут. Но там, в контексте, было вполне понятно, и тем более в учебнике даже пояснение давалось. Сейчас тоже примерно ясно, что речь о каком–то цветке, раз есть лепестки.

«Эссузефи». Ужас какой! Я бы без переводчика тут язык бы сломала, точно. А так – говорю, понимаю, читаю, пишу... Удивительное рядом.

Да, наверное, еще поэтому я не паниковала целых два месяца – мне не верилось, что все по настоящему. Интересный неизведанный мир, куча книг, новые знания и постоянные незаметные чудеса, к которым быстро привыкаешь. Ну, как к электричеству, ноутбуку и мобильному.

Помнится, как-то выбегая на работу, забыла дома сотовый. Вот весь день себя как голая чувствовала. Непривычно, странно и... страшно! Вдруг что-то случится, а мне позвонить неоткуда!

Здесь же я привыкла к тому, что со мной постоянно рядом Рикиши, как мой мобильный.

И книги в библиотеке спускаются к тебе на стол сами, стоит только подумать, чтобы ты хотела почитать. Если запрос неоднозначен, то в воздухе появляется надпись «выбор более десятка книг, нести?». Такой вот аналог «окей гугла».

Одежда подгоняется по размеру по взмаху руки главного портного, да и вообще, шьется за один час, как только ты определилась с тканями и фасоном. Обувь – так же. Идеально, учитывая все изгибы, косточки, подъемы...

Еда... Еще в первые дни я продиктовала список того, что не буду есть ни при каких обстоятельствах и в дальнейшем просто наслаждалась. Готовить, накрывать на стол и мыть посуду было не надо. Можно высказать пожелание и полу-

читать заказанное, как в ресторане... Правда, последнее время меня потихоньку стали кормить местной пищей – на столе появились блюда не только из моего, но и из этого мира, и Рикиши очень ненавязчиво их мне подкладывал. Только сейчас, анализируя все, что происходило со мной в эти два месяца, я отметила этот факт. Меня приучали есть местную еду.

Значит, иномирную кафешку планируют прикрыть? Или, что более реально, меня планируют переселить туда, где иномирных ресторанов не предусмотрено. В академию.

– Спасибо, я наелась, – этой фразой надо было заканчивать завтраки, обеды и ужины. Причем, эту фразу мог произносить только старший по положению, и пока этот старший не наелся, – остальные должны были молча сидеть и изображать, что кушают. А главная печаль – как только эта фраза произнесена, все встают из-за стола и расходятся.

Так что Рикиши отодвинул свою тарелку, давно уже пустую, кстати. Я вложила свои пальцы в его протянутую ладонь, и, не смотря на все принятые мною решения, вновь почувствовала, как сначала внутри все вспыхнуло, выдав меня румянцем на щеках, а потом заledenело. Чужой. Раб. Нельзя верить. Даже промелькнувшему интересу в его карих глазах верить нельзя. Ему приказали меня соблазнить, вот он и старается.

– Скажи, я могу встретиться и поговорить с леди Алисой? – прямой путь иногда самый короткий. Я не собира-

уюсь скрывать свое желание познакомиться с этой барышней. Просто, если мне откажут, буду добираться до нее окольными путями.

– Не уверен, что леди Сонола это одобрит...

Спокойствие, главное – спокойствие. Я не буду уточнять вслух, где видела эту леди и ее одобрение.

– Тогда я хочу встретиться с Сонолой!

– Леди... – Рикиши как-то уж очень обреченно вздохнул и сделал приглашающий жест рукой в сторону, противоположную от моей комнаты: – Прошу...

Я шла и обдумывала, как буду медленно душить Сонолу, потом стучать ее головой об пол, потом втыкать ей иголки под ногти. Шла и накручивала себя, чтобы было не так страшно. А страшно – было.

Пока не случилось этой странной выходки со стимулированием, я жила в полусне, вроде бы и так в параллельном мире, но еще и, похоже, в перпендикулярном. Потому что меня мало интересовало все, что происходит, – я с головой погрузилась в учебники. Это было потрясающе, захватывающе интересно, ну как в командировку по повышению квалификации в другую страну! Во мне поддерживалась вера, что я в любой момент могу вернуться обратно, и я, счастливая, наслаждалась библиотекой другого мира.

Если бы меня держали в клетке, – это бы меня насторожило, но я ходила по дому и гуляла по саду. Я даже пару раз в город выезжала! В карете в сопровождении двух прислужи-

вающих мне за столом мальчиков и Рикиши.

Мне показали большой дворец, в котором собирались альменхеттен семей, живущих поблизости. Здесь же устраивали балы, праздники, а еще этот дворец служил гостиницей для высокопоставленных особ.

Мне показали местный базар, где торговали тканями, за которыми мы, в сущности, и выезжали. А еще: оружием, украшениями, фруктами, приправами, овощами... Почти привычно, если вы были хоть на одном восточном базаре. Даже одежда у местных аборигенов чем-то напоминала восток – длинные яркие платья и платки на головах у женщин и такие же яркие и длинные халаты у мужчин. Но не с шароварами, а с такими же штанами в обтяжку, как у Рикиши.

То есть я не была ограничена в передвижении, мне самой хотелось сидеть в библиотеке и читать, читать, читать... Особенно последнюю неделю.

Но после стимулирования я прозрела. Осознала, что заявленное на Яхолии рабство – не древний атавизм, а вполне себе существующая часть общественного строя. Это отрезвило получше любого ведра холодной воды на голову.

И то, что вокруг меня плетутся интриги, в которых я не разбираюсь, не участвую, не знаю даже, кто поставил на меня, а кто – против. Я – пешка. Причем, я даже не понимаю, пешка ли я, которую выдвигают в дамки, чтобы потом ею манипулировать, или пешка, которую хотят подставить, чтобы в дамки вышел кто-то другой.

Сначала Рикиши вел меня привычной дорогой, как будто в библиотеку, а потом вдруг резко свернул в какую-то потайную дверь, и мы покрались темными коридорами, по которым никогда до этого не ходили. Мой сопровождающий шел, постоянно оглядываясь, прислушиваясь... Пару раз дергал меня на себя и прижимал к стенке. Я не вырывалась и не задавала дурацких вопросов. Просто или быстро шла, или замирала и старалась даже не дышать.

Наконец, мы остановились у одной из двойных дверей, и Рикиши постучал.

– Войдите, – прозвучал женский, абсолютно мне незнакомый голос, и меня быстро затащили в большую залу. Единственное, что я успела разглядеть, это то, что все было в голубых тонах, и это не спальня. Но и не столовая, – стола не было. Скорее комната отдыха, огромная такая... С диванами и креслами вдоль стен, картинами и статуями. А в центре комнаты стояла леди Марими.

Рикиши сразу же опустился на колени прямо возле двери и застыл, уставившись в пол. Я же, придя в себя от неожиданности, изобразила местный поклон низшей аристократической ветви – верхней: прижала левую руку к груди и склонила голову.

– Что привело тебя ко мне? – у леди Марими и голос был какой-то неживой, чем-то напоминающий звон хрусталя.

Я вопросительно посмотрела на Рикиши. Меня сюда привело не что-то, а кто-то, но этот кто-то стоял на коленях и

старательно делал вид, что его тут нет. Вздохнув, я поняла, что отмазываться придется самостоятельно.

– Я хочу понять, в какой игре меня используют, а еще познакомиться с Алисой.

– Хорошие желания, похвальные, – прозвенела Марими. – Про интригу я тебе ничего рассказывать не буду, она тебя не касается...

– Как это «не касается»?! – возмутилась я до глубины души. – Очень даже касается.

– Когда взрослые играют, дети не должны мешать под ногами, – и пока я хватала ртом воздух от возмущения, потому что меня уже давно никто не называл ребенком, эта старушка продолжила: – Не волнуйся, если ты оправдаешь мои надежды, я о тебе позабочусь.

Успокоила!.. Позаботится так, как она считает нужным? Мне тридцать с лишним лет, и я давно уже самостоятельный и полноценный член общества. И не важно, что кто-то вдруг резко захотел выдернуть меня из одного общества в другое. Я не позволю, чтобы ко мне относились как к несмышленому малышу!

Женщина изучала меня, даже не скрываясь, оглядывала с ног до головы, наблюдала и... улыбалась. Раздражающе – покровительственно. Свысока.

Я глубоко выдохнула и попыталась успокоиться. Учитывая то, что Марими старше Сонолы, которой вроде бы триста двадцать восемь, то я, в свои тридцать два для нее действи-

тельно ребенок. Тем более, в этом мире я недавно и знаю его только по учебникам. И вообще не стоит портить хорошее впечатление.

– Успокоилась? – с исследовательским интересом в голосе поинтересовалась моя собеседница. – Эмоции надо учиться прятать, иначе в академии не выживешь. О том, чтобы ты до нее дожила, я позабочусь. А вот выживание там будет целиком на тебе.

Звучит не слишком оптимистично.

– А если я не хочу в эту вашу академию? Если я домой хочу?

Идеально очерченная бровь чуть приподнялась вверх, едва заметно, и женщина внимательно посмотрела сначала на меня, потом на Рикиши, потом снова на меня.

– Ах, да... по условиям спора я не должна тебе говорить, – Марими подняла глаза к потолку и потом снова стрельнула ими в мою сторону. – Так что давай сделаем вид, что разговора про твой дом не было.

Я тихо выругалась, едва слышно, но женщина все равно рассмеялась:

– Какая интересная комбинация слов. Надо будет запомнить. А теперь иди обратно, уже пора спать...

– Вы мне так и не ответили про Алису! – хорошо, про дом и спор я попробую из Рикиши выбить, но явилась я сюда с определенной целью и запутать себя не дам.

– Могу тебе ее показать, но познакомиться с ней будет

очень сложно, – Марими поджала губы, очевидно осуждая мою напористость.

– Почему?

Да, почему я должна выжимать информацию, вытряхивая из всех сведения по крупицам?! Начала говорить, вот и говори... Нет, заинтриговала и выдерживает паузу!

– Она спит.

Я сжала кулаки и зубы, сосчитала до десяти, потом снова до десяти... Потом...

– Ее усыпили, когда она вновь завалила экзамен, к которому тебя так старательно готовят. Мы искали подходящую кандидатку несколько месяцев, нашли троих. Так что имей в виду – у тебя есть соперницы. У нас с тобой. А теперь уходи. Следующий наш разговор будет только после того, как ты поступишь в академию.

– А если я не поступлю?

– Значит, мы больше не увидимся.

Я снова поклонилась.

Женщина подошла к Рикиши, положила руку ему на плечо и слегка погладила:

– Ты все сделал правильно, мой мальчик. Не вини себя.

Мальчик облегченно выдохнул и рискнул оторвать взгляд от пола. Молча.

– Надеюсь, твоя госпожа не узнает об этом.

– Я тоже надеюсь, леди, – едва слышно прошептал Рикиши и потом чуть погромче: – Я понял ваше желание, леди.

Не узнает.

– Можешь идти, – Марими милостиво кивнула ему в сторону двери и выразительно взглянула на меня. – Спокойной ночи, леди Икари.

– Спокойной ночи, леди Марими, – ответила я и вышла. Юноша выскользнул вслед за мной.

Мы молча дошли до моей спальни, после чего меня провало, и я высказалась. Долго, с удовольствием, от души... Обо всем...

Рикиши тихо стоял в дверях и краснел, как гимназистка–первокурсница.

Наконец, я выдохлась, сдернула ненавистную нижнюю юбку и упала на кровать.

– Что за хрень тут происходит, объясни мне, наконец?!

– Простите, леди Икари...

– Какие, к черту, соперницы?! Тут что, конкурс на звание любимой дочурки Марими?

– Можно и так сказать, – на лице Рикиши промелькнула едва заметная улыбка. – Не волнуйтесь, леди, вы обгоняете их по всем предметам.

– Их плохо стимулируют? – ехидно поинтересовалась я, и Рикиши сразу напрягся. Ну и ладно, уж и пошутить нельзя. – Про возвращение домой ты мне ничего не хочешь рассказать?

– Нет, леди, – Рикиши энергично помотал головой.

– А если подумать?

– Все равно «нет», леди.

– А если я буду тебя пытаться? – поинтересовалась я, приподнимаясь с кровати.

– Леди? – Рикиши замер и напрягся, внимательно следя за тем, как я крадусь в его сторону.

Я подошла вплотную и начала медленно расстегивать его камзол. Парень сглотнул, не отрывая взгляда от моего лица. Странно, в глаза Марими он не смотрит, на Сонолу тоже предпочитает поглядывать искоса, а вот мне, значит, в лицо смотреть можно?

Пуговка за пуговкой... Наблюдая, как расширяются его зрачки, как он нервно проводит языком по губам, как дышит... глубоко, размеренно, спокойно. Камзол отлетает в сторону.

– Руки!

Глаза Рикиши становятся еще больше, но он быстро понимает, что я хочу, и поднимает руки вверх. Рубашка летит вслед за камзолом.

Я провожу подушечками пальцев по груди.... Обвожу вокруг сосков. Парень смотрит на меня с изумлением, но молчит. Ждет.

И тут... я начинаю щекотать ему ребра, живот, грудь.

Он ловит обе мои руки за запястья и смеется. Я впервые за два с лишним месяца слышу, как он смеется. Заразительно так, весело.

– Вы жестокая женщина, леди...

Он наклоняется... Его лицо так близко, его губы почти рядом. Он выше меня, к тому же, тут в моде мужские сапоги на каблуках... а я босиком, потому что, сдергивая нижнюю юбку, скинула и туфли. Он нависает надо мной, удерживая за поднятые вверх руки. Я чувствую, какие сильные у него пальцы, несмотря на то, что он очень осторожен. Моя кожа на запястьях горит от соприкосновения. А спину, наоборот, приятно холодит. Да, я зажата между мужчиной, которого хочу до судорог внизу живота, и стеной. И мы замираем, глядя друг другу в глаза.

Внутри тоскливо, на одной ноте зарождается вой: «Он раб, чужой раб!». И тут же, где-то в голове, бегают маленькая капризная девочка и топает ногами: «А я все равно хочу, хочу, хочу!». Но взрослая, умудренная опытом женщина берет девочку на руки и пытается ее успокоить: «Мы что-нибудь придумаем, но если мы переспим с ним сейчас, то...»

Узнать мысли мудрой женщины мне оказалось не суждено, потому что Рикиши целует... целует так, что я растекаюсь по этой несчастной холодной стенке. Хорошо, что он успевает подхватить меня на руки и подсадить себе на бедра, чтобы мы продолжили целоваться. Я забыла обо всем и полностью отдалась процессу. Мягкие податливые губы, вдруг становящиеся сильными и властными, если я забываюсь, но тут же опять покоряющиеся моему напору.

Сердце то бешено стучит, то замирает. Губ мне уже мало, и я начинаю целовать скулы, шею, плечи... Целовать сама и

позволять целовать меня, откидывая голову назад.

Пелена возбуждения слегка спадает, когда я оказываюсь на кровати с задранной вверх юбкой, и ощущая касания сильных, но осторожных пальцев, разводящих мои ноги.

– Нет, – м–да, я сама не услышала свой шепот, надо обратиться с силами и сказать погромче. – Нет... – Погромче и поувереннее. – Рикиши, остановись!

– Леди? Я сделал что–то не так?

Ожидая ответа на свой вопрос, парень расстроено смотрит, как я поправляю платье и усаживаюсь в более целомудренную позу.

– Все отлично, – нет, изображать из себя недотрогу недопустную уже поздно, да и возраст не тот. – Просто... не сегодня, хорошо?

Жалко звучит, согласна, но что я могу поделать? Не говорить же ему прямо, что не хочу спать с чужим рабом? Пусть лучше будут жалкие оправдания, чем грубые. Не хочу, чтобы он снова завял на глазах! Мне так понравилось слышать его смех. Хотя целоваться с ним мне понравилось еще больше.

– Но почему? Вам ведь разрешили...

Ну зачем?! Зачем...

Рикиши мгновенно понимает, что сказал не то. И под моим умоляющим взглядом замолкает, не закончив фразу. Права Марими, эмоции надо научиться прятать.

Какое–то время сижу, вцепившись в платье, сминая ткань и жалея, что не могу сейчас с силой ударить по матрасу, вло-

жив всю злость. Надо прятать эмоции, надо...

– Не сегодня – это же не значит никогда, правильно? – в голосе юноши мне слышится надежда.

Для человека, соблазняющего по приказу, слишком искренняя. Как же было бы приятно верить, что он, и правда, меня хочет. Ну, уже не совсем меня.

Таблетки у них тут отличные, так что последние пару недель каждое утро, глядя в зеркало, я видела молоденькую двадцатилетнюю девчонку. Десять лет в минус за два месяца. Да, у нас бы такие таблетки пользовались бешеной популярностью.

А также минус куча болячек, которые я заработала благодаря прекрасной наследственности и потрясающе активному образу жизни. М–да... Спортивная ходьба до и от остановки автобуса, а еще раз в неделю – подвиг – выезд за покупками. И так с восемнадцати лет. Институт. Работа. Хорошая, стабильная, высокооплачиваемая, с перспективой роста... но, наскучившая до печенок.

Мужчины. Не так уж и много. Книги. Вот их было много... И время... Утекающее куда–то мимо.

А теперь я снова девчонка. Молодая, красивая, здоровая. И рядом мужчина. Мужчина, который мне нужен. В своем мире я бы даже не сомневалась. Но не в этом. Тут такая женская конкуренция, что я банально не верила Рикиши. А без этого никакого секса между нами не будет. Лучше буду удовлетворять себя сама, чем спать с мужчиной, который меня

не хочет. Как бы сильно мне его ни хотелось самой.

– Да. Не сегодня, значит, не сегодня, – улыбнувшись, я провела пальчиком по груди парня.

Он не заслужил мое доверие, но мое одобрение – заработал. Все–таки мальчик старался сделать мне приятно. И преуспел в этом. Ведь я с трудом смогла заставить себя остановиться.

– Спокойной ночи, Рикиши.

– Спокойной ночи, леди. С завтрашнего дня начнем тренироваться отвечать на вопросы.

Отлично. Ничего не узнала, только еще больше запуталась. Самое время снова отодвинуть подальше все эти странные непонятности и погрузиться в учебу.

Глава 3

– Зануда! Отстань... Я уже отвечала на этот вопрос!

– Вы отвечали на него вчера, леди, и ответ был неполным.

– Укушу! Убери от меня этот учебник!

– Леди, но вот тут видите, написано еще про то, что...

– Те, кто будут принимать экзамен, тоже читали этот учебник и они в курсе!

Но Рикиши хмурится и я со вздохом читаю абзац, вылетевший у меня вчера из памяти, и вновь отгарабаниваю весь параграф. Мой учитель—деспот счастливо улыбается.

– Все? Пойдем, погуляем, а? – умоляюще смотрю я на него, и он, смилостивившись, выводит меня на свежий воздух раньше на полчаса.

Последние дни до начала испытания мне просто хочется забросить все учебники, залезть под кровать, и чтобы меня никто не трогал. Ненавижу это состояние предэкзаменационного мандража. Когда вдруг резко информация в голове начинает исчезать и путаться. И потряхивает постоянно, как от озноба.

В институте я, обычно, оставшиеся два дня перед экзаменом читала художественные книги и гуляла. Как сейчас помню, на шестом курсе я приехала даже не от себя, а от какого-то левого парня, с которым познакомилась в метро. Сидела, смаковала воспоминания ночи, пока все остальные пере-

прятавали по пятому разу шпоры или бегали и приставали, выясняя дрожащим голосом ответ на седьмой вопрос. Или тридцать седьмой. Сдала на пять, правда, преподаватель потом очень долго косо на меня поглядывал. Еще бы – сложный экзамен, и тут я с влюбленно–отстраненным лицом. Вообще не от мира сего...

Ну, вот теперь я не в сем мире старательно пытаюсь объяснить, что мне нужно отвлечься от занятий, а не пытаться довпихнуть невпихнутое.

– Леди... – в голосе Рикиши звучат нотки, которые меня настораживают.

После того случая, когда я еле отбилась в последние секунды, мы больше не заходим так далеко. Причем не только из–за меня. Мой соблазнитель тоже делает вид, что все эти поцелуи и объятия нам только приснились. Он даже глаза вечерами подводить перестал, очевидно, обозначив этим вывешивание белого флага. Наивный... Мне он как раз больше нравится не накрашенный. Хотя...

Нет. Экзамен. Потом я вообще отсюда уеду, так что никаких сексуальных отношений с чужими рабами. Наверняка в академии будут равные мне мужчины, и я найду с кем развлечься.

А может, вообще, не сдам или сорвусь в последний момент и потребую вернуть меня домой. Да, мне надо успокоиться, расслабиться, почитать что–то отвлекающее.

– Леди, может быть вас завтра свозить в город?

– Это было бы чудесно!

Весь последний день до экзамена мы бродим пешком по каменным мостовым. Они довольно широкие, кстати. Даже те, по которым не ездят на повозках, а только скачут на лошадях. Здесь тоже есть понятие одностороннего и двухстороннего движения. И даже знаки есть! Например, лошадь, перечеркнутая красной чертой. То есть поворачивать на лошадях нельзя.

В первый раз этот знак я увидела рядом с домом, забором которому служили идеально ровно постриженные кусты местного растения. Мне оно напомнило шиповник, но только с более вытянутыми цветами, как у тюльпанов. Вот поворачивать на мостовую вдоль этого забора можно было только пешком.

Я прошла, наслаждаясь приятным ароматом и любуясь красивыми знакомыми и, одновременно, незнакомыми цветами.

Рикиши шагал рядом, поглядывая по сторонам. По случаю прогулки он нацепил шпагу, и это очень помогало расслабиться, забыть о том, что рядом со мной не совсем простой парень. Я никогда не видела рабов со шпагами.

В конце улицы мы вдруг резко развернулись и направились в обратную сторону. Сначала я не поняла, потом, обернувшись, увидела, что из небольшого бара выскочили трое мужчин в сильном алкогольном опьянении и, вообще, не очень представительной, но внушительной наружности.

Тут—то я призадумалась, насколько в городке должно быть небезопасно.

Но раз мне было позволено гулять, причем в сопровождении только одного Рикиши, значит, все уверены, что мне ничего не угрожает? Или... Или меня сейчас прирежут где-нибудь в подворотне? Нет, это у меня обострение паранойи. И дело даже не в том, что мой учитель не сможет меня предать. Сможет. Ну, гипотетически — сможет. Прикажут и предаст. Дело в том, что смысла в моем убийстве именно сейчас я не видела никакого. Для Сонолы не видела. Возможно, у покровительниц моих соперниц смысл был.

От всех этих мыслей прогулка потеряла свою привлекательность, и я объявила, что хочу домой. При этом внутри всю потряхивало в напряженном ожидании. Начиналась паника, больше похожая на нервный срыв.

Вот ведь как не вовремя, нет, чтобы завтра после экзамена.

— Да, леди, — Рикиши заранее подхватил меня под локоть, а через секунду я споткнулась о выступающий камушек, но не упала, а лишь слегка покачнулась в сторону моего сопровождающего. — Подозвать карету или вернетесь к ней сами?

— Подзывай, — я даже догадывалась, как это будет происходить.

Здесь не было мобильных, зато, при желании, можно было установить прямую связь из головы в голову. При наличии соответствующих артефактов, естественно. Нет, сильные ма-

ги могли такое проделывать и без всяких там побрякушек, но у Рикиши на шее красовался прекрасный кулон связи. Так что примерно спустя минут десять мы ехали в карете в сторону дома. Ну да, раз я живу в этом месте уже три месяца, наверное, мне можно называть большое поместье Тарнизо – домом. Тем более что другого у меня тут нет, а со своим миром...

Стресс подкрадывался ко мне со всех сторон, так что теперь я иногда плакала по ночам, уткнувшись в подушку, пытаюсь смириться с тем, что обратно вернуться не получится. Возможно, не получится.

Странно устроен человек. Пока я знала, что могу в любой момент вновь оказаться на своей кухне – хотелось читать, изучать Яхолию, доказывать что-то. И намеки Рикиши я упорно игнорировала, и гаденькую улыбочку Сонолы, но разговор с Марими выбил у меня стул из под ног, и я повисла... на ниточке. Одна–одинешенька в чужом мире без шансов вернуться обратно.

Не понимаю, что там со мной произошло, но что-то очень нехорошее. Все равно надо будет выяснить – может, это, по их мнению, нехорошее, а мне понравится? Нет, я продолжала надеяться, но уже больше по привычке и из чувства внутреннего противоречия. И плакала, когда оставалась одна. Недолго, но от души, чтобы не накапливался внутри тяжелый и удушающий груз тоски. Днем–то надо было быть как огурчик, причем не соленый, а свеженький.

После прогулки последовал немного запоздалый обед, а затем Рикиши вопросительно посмотрел на меня, предоставляя выбор. Можно подумать, я знаю, чем тут себя можно развлечь, кроме библиотеки? Но туда я точно не хочу.

– Хотите просто отдохнуть, леди? – по моему озадаченно–задумчивому взгляду мой учитель понял, что я просто не знаю, чем себя занять до вечера и пришел мне на помощь.

Следующие три часа я сидела в кресле–качалке и, попивая чай из кружки, слушала игру на местной вариации пианино. Слева – клавиши, справа – струны. То есть, можно играть в четыре руки, можно чередовать.

Сначала мне играл Рикиши, удивительно красиво, но печально. Потом его заменил один из парочки крутящихся на подхвате мальчиков. Музыка сразу изменилась, повеселела, и я даже смогла представить, что под подобное здесь пляшут. Уроки местных танцев мне, кстати, никто не давал. Очевидно, в академии отплясывать будет некогда.

А потом в комнату величественно вплыла уже знакомая мне пожилая леди. Я привстала, чтобы с ней поздороваться, но она даже не посмотрела на меня. Старушка уселась на место Рикиши, недавно сменившего паренька и до ее появления вновь игравшего что–то душещипательное. Оба развлекающих меня музыканта, опустившись на колени, замерли неподалеку от арфарояля.

Я тоже замерла, откинувшись на спинку кресла и прикрыв глаза. Звучащая мелодия закружила меня, взяла под руку и

пригласила на вальс. Настоящий, родной вальс, узнаваемый, прямо до слез... до дождя в душе. Откуда тут знают «Осенний вальс»?

Потом подумаю...

Нет, я не расплакалась, но тоска сжала мое сердце в кулак. Перед глазами промелькнула вся моя жизнь. Рано ушедшие, но любящие и любимые родители. Школа. Институт. Друзья... Работа.

Старушка давно ушла, а тоска по дому осталась. Хочу обратно! Как же я хочу обратно, непонятно, почему и зачем. Ведь там нет ничего, кроме оставленной на столе недочитанной книги, недоеденной шоколадки и любимого рыжего абажура. Надо будет хотя бы кота завести, что ли...

Я прислушалась к тому, что играет Рикиши, и вновь застыла от шока.

«Минули—сгинули слова наивные и унеслись в небеса, просто ли сложно ли, ситцем берёзовым ветер играет в лесах. Было ли, не было, нитками белыми сшиты сомненья твои...»

Эту песню в пик ее популярности очень часто гоняли по радио, в ресторанах, в ночных клубах. Голос исполнительницы мне не очень нравился, но песня цепляла припевом. А, однажды я услышала ее в баре, где мы всем отделом отмечали сдачу очередного проекта.

И вот сейчас под звучание арфы я как будто вновь слышала красивый женский голос под аккомпанемент гитары:

«Грустно ли весело, не будем вместе мы, белым качну я

крылом. Много ли, мало ли, о чём мечтали мы, смоем осенним дождём».

Странный выбор, разве что здесь просто не придумали такую же музыку, но с другими словами. Не верю я в такие совпадения.

«Мало ли, много ли, днями, тревогами я настою на своём. Вынесу, выстою, песню свою спою, но не с тобою вдвоём».

А выбор, возможно, правильный. Просто очень неожиданный для парня.

«Сильная, смелая, как лебедь белая, я становлюсь на крыло. Сложно ли, просто ли, зимами–вёснами всё, что болело – прошло».

Я потрясла головой, прогоняя грусть от вальса Шопена. Дом от меня никуда не денется. Если они обещали вернуть меня в момент исчезновения спустя три месяца, значит, смогут и спустя год... два... три!

Короче, я – сильная, смелая, но на голову...

– Леди, время ужинать! – Рикиши, как-то неожиданно оказался возле моего кресла и подал руку. Когда мои пальцы оказались на его ладони, меня вновь прошибло сначала разрядом, а потом...

«Вынесу, выстою, песню свою спою, но не с тобою вдвоём».

Жизнь – боль! Не хочу я с кем-то другим песни петь. Хочу конкретно этого и все тут. Сейчас прямо хочу! Вот здесь, на кресле... Дернуть на себя, завалить, стянуть с себя эту про-

клятую нижнюю юбку и панталочки с кружавчиками. Мне же каждую ночь снится это тело... без камзола и рубашки. А часто и без штанов. Иногда я просыпаюсь от свиста плетки в ушах, но обычно вижу перед собой его губы и глаза, в которых сверкает уверенность в своей неотразимости, но в глубине прячутся сомнения. Я видела, я знаю... Прячутся.

А вообще, я же даже не влюблена. Для этого надо знать человека, а мы, хотя и проводим вместе все время, по сути совершенно незнакомы. Так что... Завтра качну белым крылом и вперед, улечу в академию или в свой мир.

Главное, все эти мысли и желания промелькнули у меня в голове за секунды... За те секунды, что я, глядя в карие глаза, плавилась от жара внутри меня. Но мне вновь удалось успокоиться и прошествовать на ужин, подражая величественной походке пожилой леди.

– Кстати, а кто та дама, что осчастливила нас своим присутствием? – поинтересовалась я у Рикиши, отодвигая тарелку с салатом.

– Леди Августа, – произнес мой скрытный информатор и не добавил больше никаких подробностей.

Правда, учитывая наличие некоторого сходства, я решила, что это мать Марими. Было у этих леди нечто общее в осанке, в чертах лица, в движениях. Страшно подумать, сколько этой Августе, если она выглядит лет на шестьдесят–семьдесят. Когда еще более–менее можно себе позволить пободриться, но недолго. И морщинки на лице скры-

вать уже бесполезно – скорее они придают определенный шарм. То есть возраст, когда женщина смиряется с тем, что она бабушка, но еще не готова стать милой старушкой.

– Спокойной ночи, леди! Завтра мы не увидимся уже...

В голосе Рикиши звучит грусть, причем, как обычно, все искреннее, настолько, что хочется верить. И я верю. «Грустно ли весело, не будем вместе мы...»

– Откуда ты знаешь ту песню... последнюю?

– Ее часто напевала одна леди. Та, что жила здесь до вас.

Я замерла, пытаюсь осознать только что услышанное.

– То есть... Вы уже не в первый раз проворачиваете подобное?!

– Второй, – Рикиши кинул быстрый взгляд на меня и уставился в угол комнаты.

– И ее тоже учил ты?

Вау! Судя по неконтролируемому гневу, я не просто ревную. Я в бешенстве. Учил, соблазнял, гулял с ней по городу, играл на своей арфороялине. Сейчас прольется чья-то кровь!

Выдыхаем, успокаиваемся, улыбаемся. Ты тоже не была девственницей до встречи с ним. И он тебе ничего не обещал. Просто...

– Нет, ту девушку учил другой.

Уф-ф! Я сдулась, как воздушный шарик. Расслабила сжатые кулаки. Заметила, что ногти, оказывается, впивались в кожу.

Тут я вспомнила про упоминаемых Марими конкурентах. Нет, учить моих он точно не мог. Просто физически.

– А у той девушки тоже были соперницы, как у меня?

Поместье огромное, здесь даже жилых домов пять штук, так что можно хоть пансионат на десяток учениц открывать и пересекаться друг с другом девицы не будут.

– Да, леди, – в углу комнаты явно прячется что-то интересное, иначе, как еще объяснить тот факт, что Рикиши взгляда от этого места не отводит?

– И у каждой – свой учитель?

– Да, – парень, наконец-то, рискнул посмотреть мне в глаза: – Леди...

– Да?!

– Все будет хорошо! Вы справитесь!

– Спасибо, – я благодарно, но устало улыбнулась. Эмоциональные перегрузки порой выматывают сильнее, чем физические.

Наверное, надо было попрощаться с Рикиши, обнять его, что ли... Он ведь намекнул, что мы больше не увидимся. Хотя, судя по его взгляду, от меня ожидается нечто большее, чем объятия.

Но я стояла и просто молча смотрела на него, запоминала...

В конце концов, он ведь никуда не денется?! А если я завтра буду победительницей, значит, спокойно могу потребовать своего учителя и побыть с ним сколько захочу. Про-

сто... Сейчас я хочу побыть одна. Очень.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, леди.

Когда за парнем закрылась дверь, я упала на кровать лицом в подушку и разрыдалась. Плакала я долго, сначала навзрыд, потом тихо... и не заметила, как уснула.

Разбудила меня Сонола, непривычно рано, еще до рассвета.

– Одевайся и спускайся ко мне, – и, уже от двери, обернулась чтобы ехидно уточнить: – Найдешь, надеюсь?

Я презрительно фыркнула. Комнату, где пороли Рикиши, я найду с закрытыми глазами. Хотя шла из нее злющая и думающая о чем угодно, только не о том, чтобы запомнить дорогу. Но, может, поэтому она и записалась у меня на подкорке.

Так что, надев свое самое любимое платье – фисташковое с черными вставками, идеально гармонирующими с черной лентой в волосах и черными туфельками, я побежала вниз. В голове было пусто, никаких мыслей. В душе – никаких эмоций. Ровно до того момента, как за мной захлопнулась дверь, и я застыла, глядя на распятого у стены Рикиши.

– Пожалуйста, не делайте этого... За что?! – успела я услышать надрывный умоляющий шепот, обращенный к Соноле.

Она стояла ко мне спиной и рисовала на висящем перед ней обнаженном теле острыми ногтями. Очень острыми – я

видела стекающие капельки крови. Подойдя ближе, я поняла, что это не ногти, а специальные насадки на пальцы. Левое плечо и часть груди Рикиши уже были изрисованы волнистыми загадочными завитушками.

Тонкие красные линии на белой коже. Закушенная нижняя губа и капли пота над верхней. Застывший, ушедший внутрь себя взгляд. Странно, почему Рикиши так плохо? Человек, который смог вытерпеть несколько десятков ударов плеткой еле удерживается на грани сознания от неглубоких царапин?

– Хочешь, я подарю его тебе? – спокойно поинтересовалась Сонола, продолжая вырисовывать следующий завиток.

Я замерла, пытаюсь понять, как мне реагировать на такое роскошное предложение. Судя по лицу Рикиши, тот против смены хозяек. Не зря же он с мольбой смотрит то на бывшую, то на будущую?

Но сказать «не хочу», у меня язык не поворачивался, ведь это же будет ложь, откровенная и небезопасная. Потому что в другой раз могут уже не предложить.

– На каких условиях? – придется торговаться, тянуть время, наблюдать и размышлять.

Жаль, я не знаю, во сколько у меня экзамен – может, это такой хитрый способ отвлечь меня? А потом засчитают пропуск или опоздание как несдачу. Обидно будет.

– Совершенно безо всяких условий, – хмыкнула Сонола и улыбнулась. Чувствуется, что ей действительно весело, и это

пугает. – Сдаешь все на отлично, подписываешь документы о поступлении в академию и мальчишка твой.

Стимуляция? Приз? Награда? Но, вместо радости у меня предчувствие грандиозной подставы. Нахмурившись, я пытаюсь придумать, как действовать дальше. А победная улыбка на лице Сонолы слегка меркнет. Благотворительница впросительно посмотрела сначала на меня, потом на Рикиши и вдруг зло усмехнулась:

– Ты не сказал ей? Она до сих пор не знает, кто ты?!

Вместе со злостью в голосе Сонолы – изумление, которое она даже не пытается скрыть. Запустив пальцы в волосы своего раба, она заставила его поднять голову и посмотреть на нас. Сердце замирает от жалости, и это не фигуральное выражение. Юноша отвратительно выглядит, причем, я совершенно не понимаю, почему. Кожа становится все бледнее и бледнее, к тому же начинает отдавать легкой синевой. Блеск в глазах давно исчез, губа прокушена до крови, пот стекает по лицу... Четкое ощущение, что парень испытывает ужасную боль.

– Что он мне не сказал? Что с ним происходит?!

Вопросы, много вопросов. Меня начинает потряхивать от волнения. Я не понимаю ничего... Абсолютно ничего!

– Пожалуйста, не поступайте так со мной. Пожалейте... Не надо, умоляю! – шепот Рикиши пробирает до мурашек.

Я слушаю и сверлю Сонолу злобным взглядом, а она вновь ухмыляется, самодовольная красавица. И произносит, гля-

дя на меня, медленно, четко, снимая с пальцев свои царапки–насадки:

– Смотри, как ему плохо. Но, я готова подарить его тебе, если ты успешно сдашь экзамен. А теперь нам пора!

Звучит очень странно. А что будет с ним, если я не сдам? Что будет со мной?! Я уже приоткрыла рот, чтобы уточнить хотя бы насчет Рикиши. Но Сонола подхватила меня под руку и потащила к двери, потом обернулась и с наигранным сочувствием в голосе промурлыкала:

– Потерпи, малыш, твоя новая хозяйка скоро вернется. Тебе некого винить за случившееся, кроме самого себя... – тут она повернулась ко мне и интимным шепотом, на ухо, уточнила: – Скажи по секрету, он хотя бы успел соблазнить тебя?

Я чуть ли не отпрыгнула, пытаюсь вырваться из цепких рук, и беспомощно обернулась на повисшего без сознания Рикиши.

– Ничего не рассказал и не соблазнил! – никогда не думала, что смех красивой женщины может вызывать отвращение до рвотных спазм внутри живота. – О! Я очень надеюсь, что ты всех обскачешь, иномирная лошадка, – меня передернуло от такого сравнения, а Сонола продолжила с ехидством в голосе: – Надеюсь, вам повезет, и мальчик успеет пару раз порадовать тебя. Хотя... – тут эта злобная самка собаки попыталась изобразить сочувствие, глядя то на дверь, за которой остался Рикиши, то на меня, но при этом просто урча от

удовольствия: – Вряд ли он доживет даже до твоего возвращения. Ведь я ни разу не покормила его за последние сутки.

У меня в голове все кипит в попытках понять что происходит, мозги плавятся, предположения одно другого бредовее сменяют друг друга.

Извернувшись, я ворвалась обратно в комнату, подбежала к Рикиши и поднесла к его губам свое запястье. Время остановилось. Жду... Недолго...

Длинные острые клыки, как иголки, протыкают мою кожу, касание холодных сухих губ и жадные глотки в недолгой тишине.

– Теперь у него тоже нет выбора, – довольный голос Сонолы пронзает меня гораздо острее, чем осиновый кол в сердце. – Не сдашь, – он умрет. Сдашь, – проживет еще какое-то время, деградируя потихоньку.

Я не очень понимаю второе, но зато прекрасно осознаю первое условие. Меня привязали к этому миру. Мало того, вновь идеально простимулировали. Я вляпалась, как будто мне действительно двадцать. Очевидно, их таблетки омолаживают не только внешность, но как-то влияют на способность здраво рассуждать.

Хотя... Я вспоминаю так и недочитанную мною книгу о вампирах-зомби. Нет... Не может быть! Но именно благодаря этой книге моя первая здравая мысль после слов Сонолы: «Ведь я ни разу не покормила его за последние сутки», была именно про вампиров. И ведь угадала! Рикиши явно

выглядит лучше. Ну, не считая губ, измазанных в крови. В моей крови...

– Идем! Тебя никто ждать не будет, – Сонола снова довольно грубо схватила меня за руку и потащила за собой.

– Я – буду, леди, – шепчет мне вслед Рикиши, и у меня внутри растекается приятная сладкая истома.

М–да, на экзамене я буду думать о чем угодно, только не о самом экзамене. И это хорошо.

Глава 4

Сонола притащила меня к какой-то кладовке – узенькая маленькая дверца в конце темного коридора на самом верхнем этаже дома. Я сначала решила, что это дверь на чердак, но нет – каморка размером с обычный лифт. Вдвоем мы затолкались туда с трудом, учитывая размеры наших нижних юбок. Захлопнув дверь, Сонола заперла ее на щеколду. Небольшую такую, аккуратную, позолоченную или действительно золотую, но все равно – щеколду. У меня в спальне был вполне себе приличный французский замок с ключиком, а тут...

Затем Сонола пошептала в маленькую воронку-рупор, и я ощутила, что мы куда-то падаем. Или поднимаемся? Или летим? На всех скоростях, так что внутренности стремительно перемещаются в пятки.

Я закрыла глаза и попробовала расслабиться. Ничего не получалось – перед глазами стоял Рикиши. Слава всем богам моего, его и этого мира – напившись моей крови, он стал выглядеть заметно лучше.

– Как вы сумели поработить вампиров? – поинтересовалась я сквозь плотно стиснутые зубы.

Неприятное ощущение падения продолжалось.

– Вампиров? Ах, да, у вас их так называют. Рикиши – нетопырь второго уровня, – Сонола произнесла это таким

тоном, как будто мне сразу должно было стать все понятно.

Увидев мое озадаченное лицо, она усмехнулась, презрительно и с вызовом. И ничего не ответила. Как раз в этот момент мои органы вернулись на свои места, правда содержимое желудка, еще вчерашнее, – ведь позавтракать я так и не успела, решило выйти посмотреть, что тут происходит. Пришлось вновь закрыть глаза и глубоко подышать, как в самолете во время посадки.

Пока я приходила в себя, Сонола, привычная к таким прыжкам (а я даже не сомневалась, что мы куда-то перенеслись в этой камерке) открыла щеколду и распахнула дверь...

Ну, точно! Перед нами был небольшой, тускло освещенный кабинет. А прямо напротив нас у стены стоял диван, на котором с уверенным видом сидело трое мужчин.

Вдруг свет в нашей коробочке предупреждающе замигал красным, и мы быстро выдавились наружу. Двери тут же сами захлопнулись и через минуту опять распахнулись. Из местного аналога лифта вышла еще одна пара женщин. Причем... не удержавшись, я тихо ойкнула, – одна из них была точным моим отражением, но в другом платье.

Мужчины явно увлеченно что-то обсуждали до нашего появления: глаза у них все еще горели азартом, и один из них договаривал последнюю фразу. Но потом они сидели молча и смотрели, как в кабинет вывалились сначала мы, потом мой двойник со своей дуэньей и, ожидаемо, еще через минуту – третья пара, моя копия и сопровождающая ее леди.

– Что ж, – седой импозантный мужчина приподнялся с дивана и подошел к нашему женскому обществу. Внимательно оглядев трех претенденток на роль Алисы, он скривился, как от зубной боли и, поджав губы, буркнул:

– Сходство, конечно, есть, но...

Более молодой из тройки, даже не вставая с дивана, согласно кивнул:

– Темперамент не совпадает ни у одной. Ну разве что... – он ткнул пальцем в стоявшую слева от меня девушку. – Начнем с нее. Остальные могут пока сесть.

Я огляделась в поисках места, куда бы я смогла пристроить свою пятую точку, да еще и с учетом пышных юбок. Нашла четыре стула и два кресла. Естественно, я выбрала более мягкий и просторный вариант, положила ногу на ногу, облокотилась на подлокотник и максимально отрешилась от происходящего.

Девушку допрашивали. Натуральным образом допрашивали! Она отчаянно отбивалась, выдавая информацию по крупницам. Я с благодарностью вспомнила занудство Рикиши, потому что, судя по лицам мужчин, ответы девушки их не радовали. Они были точными, но очень краткими.

Спустя сорок минут седой устало махнул рукой:

– Сойдет... Но давайте оценим остальных.

Проигнорировав мое присутствие, мужчины накинулись на скромно сидящую на стульчике вторую кандидатку. Если первая отвечала уверенно и по существу, пусть и кратко, то

эта мямлила ответы едва слышным шепотом. Путалась, запиналась, краснела, бледнела...

– Вернуть обратно! – резюмировала тройка судей, и девушка начала на глазах растворяться.

На стене кабинета появилась смутная размытая движущаяся картинка – пешеходный переход, светофор, высокие многоэтажки вокруг. Моргающая неоновая вывеска на одном из зданий. Странные, незнакомые буквы. В середине дороги появляется пока еще нечеткий силуэт, быстро уплотняющийся – кто-то в длинном черном балахоне с капюшоном, скорее всего бывшая конкурентка. Я попыталась разглядеть ее лицо под капюшоном, поэтому не сразу заметила, как из-за поворота вылетел вагончик на колесах, канареечного цвета. Женщина тоже не успела его заметить. Визг тормозов, удар, вскрик...

– Ну что ж, минус одна. Жаль, – спокойно констатирует седой и смотрит на меня. – Давайте теперь побеседуем с вами, леди.

У меня внутри пусто и холодно. Глотать тяжело – спазм почти до удушья. Ладони вспотели, но о платье их не вытрешь – останутся следы. Страшно. Вот она, разгадка. Возвращение обратно. Нафик нужно, скажем дружно!

Выдыхаем. Успокаиваемся. Улыбаемся!

– С удовольствием, господа!

Седой с одобрением посмотрел на меня, потом перевел взгляд на Сонолу:

– Она чем–то напоминает тебя в молодости.

Услышав такой комплимент, мы обе одновременно возмущенно фыркнули.

Дальше я начинаю вещать. На каждый заданный вопрос я заливаюсь соловьем, с благодарностью вспоминая Рикиши. Вообще у меня такое чувство, будто он сидит рядом со мной, и мне от этого легко, спокойно, и я уверена, что у меня все получится.

Не знаю, что там у меня в моем мире должно было случиться. Током меня ударить или холодильником накрыть, не важно. Мне их возвращения не понравились.

– Ну что ж, леди, поздравляю! – улыбаясь мне, седой, одновременно делает взмах рукой и девушка, совпадающая с неизвестной мне Алисой темпераментом, начинает размышляться...

Судя по умоляющим выкрикам, ее это не радует. Меня тоже. Я старательно не смотрю на стену, изучая обстановку кабинета. Нагло пересекаюсь взглядом с пристально изучающим меня молодым судьей, потом все–таки решаю изобразить смущение – патриархат же, вроде как. Тем более перед глазами все расплывается. Главное, носом не шмыгнуть. А то хороша леди.

Ну, прожили эти две женщины на три месяца больше, чем им было отведено. Отлично же. Но жалко! И себя жалко... И рыжий абажур, который я уже никогда не увижу. И книжку... И... шокола–а–адку...

Седой протянул мне расшитый кружевом шелковый платочек. Я благодарно кивнула, утирая слезы, но не рискуя выморкаться в такую красоту.

– Отныне вы третья ветвь древа семьи Тарнизо, Икари Элис Тарнизо. Завтра вас отвезут в академию, и там вам придется снова пройти собеседование. Я буду входить в состав приемной комиссии, и там мы увидимся впервые, понятно, леди?

Я кивнула. Но, судя по пристальным мужским взглядам, этого было мало.

– Да, господин, я все поняла.

Звучала фраза унижающе противно, и внутри у меня все сжалось. Но я тут же вспомнила небольшое поучительное кино на стене. Это сразу помогло взять себя в руки и выдохнуть.

– С собой в академию можно будет взять только самое необходимое, и, естественно, неодушевленное. Никаких котиков, собачек...

Я напряглась. Похоже, пришло время предупредить, что у меня есть свой ручной... Как там Сонола назвала Рикиши?

– А нетопыря второго уровня можно?

Мужчины рассмеялись, как над удачной шуткой. Но я упорно пристально сверлила седого взглядом, и он заподозрил, что я спрашиваю серьезно.

– Откуда у вас нетопырь, леди, да еще такого высокого уровня?

Я обернулась на Сонолу, но та демонстративно молчала. Ну и ладно, я от нее завтра съеду и как раз под покровительство этого мужика, если я правильно понимаю расклад. Тайком протаскивать с собой Рикиши в сундуке мне не очень хочется, а оставлять... Кукиш им тут всем!

– Мне его подарили.

– Дорогой подарок, – мужчина тоже посмотрел на Сонолу, осуждающе так посмотрел, надо заметить. – И недолговечный.

– Почему?! – ну вот и этот теперь пытается меня убедить, что Рикиши скоро закончится.

– Потому что для того, чтобы поддерживать нетопыря такого уровня в дееспособном состоянии, вы должны быть очень сильным магом, леди. Иначе он быстро деградирует и превратится в обыкновенного вурдалака. Если конечно кто-то не сжалится и не упокоит его раньше.

Странно, но в этот раз не было ни слез, ни жалости, только злость. Сонола не просто использовала Рикиши. Она приговорила его к смерти и... больно ударила по мне. Стерва! Ничего, придумаю что-нибудь, чтобы ее отдача замучила.

– Пока что он вполне дееспособен. И я намерена взять его с собой. Имею я на это право?

– Обыкновенных рабов брать в академию запрещено, – начал молодой, и я замерла, напряженно ожидая продолжения. – Конечно, нетопырь – раб особенный. Правда, в академии еще не было подобного прецедента. – Я смотрела на него

с таким лицом, что бы сразу понял – не уступлю, прецедент будет. – Но раз вы родственница Сонолы – нашей гордости и лучшей в своем выпуске, то, думаю, руководство пойдет вам навстречу, – мужчина покровительственно улыбнулся сначала мне, потом стервозной гордости.

Не успела я обрадоваться тому факту, что лучшая в выпуске живет припеваючи в родном поместье, а не где-то замужем в иных мирах, как меня разочаровали:

– Жаль, что после кончины четвертого из ее мужей за такой милой женщиной закрепилась слава «черной вдовы», – ну надо же, тут тоже есть такое выражение. Тоже в честь паука появилось?

Милая женщина смущенно потупилась, слушая восхваления в свой адрес. Четверо мужей... Интересно, сами они кончились или кто-то им помог?

М–да... Куда я вляпалась?!

Начинающуюся панику мгновенно прервало звуковым воспоминанием: скрип тормозов, удар, вскрик. Нет уж, я уж как-нибудь тут. Тем более, у меня должок. Родственнице.

– Ну что ж, леди, до встречи завтра, – улыбнулся мне седой, ненавязчиво намекая, что аудиенция закончена.

Мы с Сонолой раскланялись, утрамбовались в телепортационный лифт, молча добрались до дома.

После того, как органы в теле перестали плясать джигу, я зло поинтересовалась:

– Не хочешь со мной поделиться опытом по содержанию

ручного питомца?

Родственница пренебрежительно фыркнула:

– Большой мальчик, сам все расскажет, если посчитает нужным, – тут она мерзко захихикала: – Хотя, по–моему, ты не входишь в список лиц, которым он доверяет.

Главное, злись – не злись, а ответить ей нечего. Права, стерва.

Прямо в коридоре нас встречала целая делегация во главе с леди Марими. Меня даже приобняли, осторожно оттеснив Сонолу в сторону.

– Я очень рада, что ты оправдала мои надежды, – пропела своим хрустальным голосом моя приемная мамочка. – Пойдем, отпразднуем это знаменательное событие... наедине.

Услышав специально выделенное последнее слово, Сонола тихо фыркнула и свернула в одно из ответвлений в коридорах.

А я шла рядом с Марими и размышляла, стоит ли с ней делиться информацией о сделанном мне подарке или не надо. Наконец решилась уже почти возле ее апартаментов.

– Леди Сонола очень щедро поздравила меня с поступлением, – начала я исподволь.

– Да? – в глазах моей приемной мамочки засверкал интерес и я продолжила:

– Она подарила мне Рикиши.

Леди Марими застыла в дверях, потом резко развернулась и пристально уставилась на меня:

– А ритуал передачи прав был?

Я нахмурилась, потом отрицательно помотала головой:

– Нет, я просто напоила его своей кровью без всякого ритуала. А какой ритуал надо провести?

– Напоила кровью? Хорошая девочка, – прозвенела Мари-ми, проигнорировав мой вопрос про ритуал.

Стол действительно был накрыт на двоих, но сопровождающая нас делегация молодых людей никуда не исчезла. Они крутились вокруг, стараясь не просто исполнять, а предугадывать наши желания. Ну, а мы вели светскую беседу ни о чем. То есть не совсем ни о чем, но около того. О погоде, о природе, о цвете платья...

Я уже смирилась, что осмотреться в этом мире и самой решить, хочу ли я тут остаться или нет, мне не позволят. Да и странный будет выбор – между жизнью в неизвестном мире и смертью в известном. Скорее, уж нет у меня никакого выбора и не было.

А наш разговор перетек к чему-то более путевому – что лучше всего взять с собой в академию. Правда, мне почти сразу было сказано, что мне все соберут и без моего участия. Единственное, что требовалось – посетить вечером швейную мастерскую. Вообще я даже радовалась, что мы так мало разговариваем, ведь уже было время обеда, а я еще не завтракала.

Но когда первый голод был утолен и перестал давить на мозг, то я занервничала. Рикиши у меня остался без при-

смотра, а там Сонола бродит. И обряд, опять же какой-то...

Рикиши-обряд-Сонола. Это трио напрочь вытеснило у меня из головы мысли о том, что завтра приемная комиссия будет устраивать мне очередной допрос с пристрастием.

Но леди Марими, как нарочно, не произносила волшебных слов о том, что она наелась. Я же все откровенней ерзала на стуле, и, наконец, решила нарушить их этикет:

– Простите, но я очень переживаю о своем подарке. Утром я оставила его не в самой лучшей форме и...

– Ничего с ним не случится, – в хрустале зазвенело легкое пренебрежение. – Кстати, пойдем, я покажу тебе одну картину.

Послать приемную мамашу в пеший поход по труднодоступным местам я не рискнула. Тем более, в раскладе сил и кто тут за кого, я до сих пор ориентируюсь очень смутно, точнее вообще ничего не понимаю.

Вот пожилая леди... Явилась и вышибла у меня уверенность из под ног. Не верю я, что она планировала меня приободрить, сыграв вальс из моего мира.

Сонола... Вот, что это была за выходка с подарком? Успей меня Рикиши соблазнить, он был бы мне еще больше дорог, наверное. А эта дрянь его приговорила. Хотя, вот интересно, а если бы выбрали не меня, а другую, со схожим темпераментом?!

Размышляла я, пока мы плавно передвигались в смежную со столовой комнату. В ту, где мне не так давно давали ауди-

енцию.

– Правда, красиво? – Марими с гордостью махнула рукой в сторону одного из портретов, висящих на стене. Там была изображена явно она же, только лет эдак ...надцать назад. Не знаю, сколько это будет в переводе на их сроки жизни, но Марими на портрете едва перешагнула рубеж между девушкой и женщиной.

– Потрет или вы? – уточнила я, чтобы точно понимать, что должно являться объектом моего восхищения. – Вы и сейчас очень красивы, – отвесила я неуклюжий, но совершенно честный комплимент. – А потрет...

Потрет был достоин Эрмитажа, совершенно точно. Я не ценитель, мне трудно выразить словами про удачно подобранные тона, живые глаза, естественность линий. Но сразу было понятно, что передо мной работа мастера.

– Это рисовал Рикиши еще до обращения.

Я закрыла глаза и сосчитала до тридцати. Медленно. Прогоняя из головы странные мысли о том, сколько же тогда ему сейчас, и что за... что за обращение!

– Он согласился стать нетопырем из-за любви ко мне, – в звоне хрусталя слышалась мечтательная ностальгия и легкое высокомерное презрение.

Ну, началась Санта-Барбара, двадцать четвертый сезон.

– А как же тогда Рикиши достался Соноле?

– Мне подарили еще одного, – все таким же ностальгирующим тоном пояснила Марими. – А держать двух нетопырей

довольно затруднительно. Да и наигралась я в него за четырёхста с лишним лет.

Я старалась поддерживать на лице гримасу, напоминающую улыбку. Логично же все, на самом деле. Подарили свеженького, двоих поить кровушкой тяжко, старенький надоел.

– А тут как раз Сонола очередной раз овдовела, и я, чтобы сестра не расстраивалась сильно, подарила ей Рикиши. Он, конечно, немного деградировал. Рисовать, например, разучился, – все это произносилось уже буднично–обыденным голосом. – Ведь Сонола всего лишь маг класса D, тогда как я – класс A.

Хотя бы последнюю фразу я в состоянии понять полностью. И даже уважительно склонила голову. Маги класса A – редкость, такого уровня достичь довольно сложно, и я даже где–то видела поименный список таких магов, но Марими среди них не было. Это точно, а то бы отметила.

Вот классы D, E, F – самые распространенные среди аристократов. Ну а я, ясное дело, класс Z, блин... Типа в семье не без уроды.

А Рикиши немного деградировал при падении класса хозяйки с A на D. Кажется, я начинаю верить, что с моей кровушкой он быстро станет умственно неполноценным.

Так! Отставить макать капитана! Или верим в лучшее, или сразу ко дну.

– А сейчас у вас тоже есть свой нетопырь? – нет, ясное

дело, дарить Рикиши обратно Марими я не собираюсь. Ни за что! Но... Надо рассмотреть все варианты спасения утопающих. Спокойно смотреть, как Рикиши превращается в вурдалака я тоже не смогу.

– Конечно, – женщина понимающе хмыкнула и улыбнулась: – Первый раб всегда запоминается, я тебя прекрасно понимаю. Такая ответственность, а ты еще совсем ребенок, – и тут же она перешла с покровительственно–ласкового тона на деловой: – Сонола очень поторопилась. Попозже ты сама себе выберешь мальчика, и мы сделаем его нетопырем. Конечно, к тому времени тебе надо будет достигнуть хотя бы класса L, но ты быстро развиваешься.

– А как же Рикиши?... – как я ни старалась, в моем голосе все равно прозвучала беспомощность.

– Не переживай, милая, таких как он, у тебя будут еще десятки. Право же, моветон – так убиваться из–за объедков со стола Сонолы. К тому же, и ей он достался не первой свежести. Оставь его здесь – я о нем позабочусь.

– Вы же сказали, что прокормить двух нетопырей сложно, – я не сразу сообразила, что именно Марими подразумевала под «заботой», и наивно поверила в лучшее.

– Милая, ты действительно еще совсем ребенок, – с таким покровительственным умилением в голосе прозвенела моя «мамулечка». – У него будет вполне красивое окончание жизни, романтическое, – мечтательным голосом продолжила она. – Я его создала. Я его и упокою. Даже позволю напоследок

док провести со мной ночь.

– Спасибо, леди, обязательно воспользуюсь вашим предложением, но чуть попозже, – быстро оттарабанила я и снова поклонилась: – Можно, я пойду к себе отдохну?

– Не тяни с этим долго, у него от силы неделя, больше нетопырь его уровня на крови мага твоего класса не продержится, даже если выпьет тебя досуха, – успокоила меня Марими напоследок.

И отпустила...

Я быстро шла, потому что бежать было сложно: каблуки, пышные юбки, узкие коридоры... Меня останавливало только это, а не какой-то там местечковый этикет.

Рикиши... От силы неделя... Не отдам никому! Сама упокою, если уж на то пошло! Сама... Он – мой! Мой!

Перед глазами все расплывалось, горло душил очередной спазм. Никакой радости, никакого упоения победой. Только одно желание – лечь и плакать. Ну, или попереубивать тут всех, а уже потом поплакать. Ненавижу... Всю свою новую родню оптом – ненавижу!

Я влетела в комнату, где был Рикиши и, ожидаемо, уставилась в спину Соноле, продолжающей развлекаться вырезанием на моем... моем парне!

– Ты мне его подарила, помнишь?!

– Конечно, помню, – стерва презрительно фыркнула, как кошка. – Вот нет, чтобы спасибо сказать за то, что я за твоим рабом присматриваю.

– Ты его портишь! – я уперла руки в боки и с вызовом посмотрела на Сонолу.

Та рассмеялась, вроде даже по–настоящему, но все равно как–то неприятно.

– Пара глотков крови мага. Ах, ну да, ты же у нас еще не маг, а так, – почти пропела она, только не кружа по комнате. – И бедный мальчик будет как новенький!

– Отвяжи его, – буркнула я, почему–то не ощущая уже внутри ни злости, ни ненависти, только усталую обреченность. Да, я буду бороться, но завтра... завтра. Все завтра.

– Присматривай за ним, и не клади его спать в свою кровать без ошейника! – продолжала глумиться Сонола. – Выпьет тебя полностью и все.

Я стояла в центре комнаты, не реагируя, и ждала, пока Рикиши оденется. Он тоже молчал. Хмурился, искоса поглядывал на меня, но молчал.

Обе родственницы настойчиво намекали, что Рикиши может выпить меня досуха, но при этом одна – подарила, а вторая не стала отнимать. Вопрос: после сдачи экзамена я перестала им быть нужна, или они просто нагоняют на меня панику? Раз завтра у меня встреча с приемной комиссией, значит нужна. Вывод? Милые леди меня зачем–то запугивают.

– Рикиши?.. – мы уже вышли в коридор, оставив Сонолу за дверью.

– Да, леди?

– Ты теперь, и правда, должен спать в моей комнате?

– Да, – парень упорно смотрел вперед, отводя взгляд. – Я же раньше жил с леди Сонолой.

– Понятно.

– Только не надевайте на меня магический ошейник, пожалуйста, – ну наконец–то на меня рискнули посмотреть. Голос спокойный и уставший, и взгляд грустный.

– Не буду. Я тебе верю, – зачем–то призналась я.

Рикиши пристально посмотрел на меня и тяжело вздохнул:

– Зря, леди. Полностью верить не надо даже мне. Но выпивать вас я точно не буду.

– Ну, и отлично, – я вяло улыбнулась. – Потому что мне очень хочется спать. Разбудишь меня к ужину?

– Да, леди, как пожелаете.

Мы зашли в мою комнату, я молча стянула нижнюю юбку, скинула туфли и, после минутного размышления, стащила платье целиком и быстро залезла под одеяло. Уже закрыв глаза, я услышала, как Рикиши запирает дверь в мою спальню на замок, потом скрипит кресло, и после этого наступила тишина. В сон я проваливаюсь почти мгновенно. Устала... Как же я все–таки устала!

Глава 5

Такого эмоционально насыщенного на переживания дня у меня не было за все предыдущие тридцать лет жизни! Как с утра началось все через одно место, так и понеслось. Сначала Сонола со своим подарком, потом, буквально у меня на глазах, смерть двух женщин... и осознание, что одной из них вполне могла оказаться я. Разговор с Марими тоже не успокаивал ни разу. Так что, неудивительно, что я вырубилась, едва моя голова коснулась подушки.

Но проснулась я сама, Рикиши не пришлось меня будить. Облокотилась на подушки, устраиваясь поудобнее, и устала на сидящего напротив меня в кресле парня.

Четыреста лет. Он был у Марими четыреста лет! Значит, он старше Сонолы? Ведь той всего триста двадцать восемь, а он еще какое-то время успел побыть ее собственностью. Лет так сто-двести. Даже думать страшно. Мне – тридцать, а ему – шесть сотен?!

– Как ты? – выпавшись, я почувствовала себя несколько виноватой.

Да, Рикиши – большой мальчик и сам в состоянии озвучить свои потребности. Только привык ли он их озвучивать? Хотя, о том, что магический ошейник ему вреден, сообщил же.

Магический ошейник – это такой артефакт для стропти-

вых животных, ну и, очевидно, для таких же рабов, правда, в справочнике упоминались только первые. Готовясь к экзаменам, я читала лишь краткие сведения, не разбираясь в принципе действия. Сейчас я об этом немного пожалела, но голова—то у меня не резиновая, так что впихивалось туда то, о чем будут спрашивать, а не то, что мне сможет пригодиться сразу после сдачи.

— Пока нормально, — буднично—спокойным голосом ответил Рикиши, изучая меня так же внимательно, как и я его. Как будто не видели друг друга целых три месяца. Как будто заново знакомились.

Ну, вот что это за ответ? Это ответ взрослого человека шести сотен лет от роду? Откуда я знаю, надолго ли это «пока»? И что мне делать, чтобы это «пока» было подольше? И что делать, когда «пока» закончится?!

— Рикиши, до сегодняшнего утра я вообще не знала о существовании в этом мире вампиров.

— Нетопырей, — уточнил парень, поглядывая на меня с любопытством.

— Это принципиально? — я, не сдержавшись, фыркнула.

— Да, ваши вампиры пьют кровь у всех, кого захотят. Мы же можем пить кровь только у тех, кто является нашим хозяином, ну и, возможно, у тех, кто добровольно решит нас угостить. Правда пользы от последнего лично нам не будет никакой.

— А в чем тогда смысл? — заинтересовалась я.

Рикиши приподнялся с кресла и шагнул в мою сторону. Я инстинктивно вжалась в подушки. Камзол, рубашка, сапоги... штаны... Одеяло...

Мамочка!

Жесткие, сухие, теплые губы властно смяли мои, чуть приоткрывшиеся, чтобы успеть глотнуть воздуха напоследок. Сильные пальцы обхватили меня за запястья и просто придавили к матрасу – не дернуться, не вырваться, не пошевелиться. Чужой язык прошелся по моим губам, облизывая их, потом проник внутрь, ненадолго, чтобы после спуститься вниз по моей шее. Обжигающий поцелуй в ямочку между ключицами, потом кончиком языка по соску, так чтобы по телу пробежал разряд... и ниже, ниже... Меня потряхивало от волнения, возбуждения... и страха. Нет, я боялась не за себя, я боялась... Не знаю, наверное, глупо, но я боялась, потому что не понимала, зачем он это делает. Я никак не могла поверить, что он это делает добровольно, но других объяснений не было. Или он просто решил напоследок порадовать свою хозяйку? Не дожидаясь, пока она сама догадается ему приказать?

Глупость, глупость, глупость! Но мне было страшно его разочаровать. Вот он сейчас удовлетворит меня и забудет... то есть нет. Как же он меня забудет, если он теперь мой?

Мысли разбегались и не желали оформляться во что-то связное. Рикиши уже пробовал на вкус мое возбуждение, и касание его губ и языка заставляли мое тело извиваться по

кровати, хотя никогда раньше. Никогда и ни с кем я не расслаблялась настолько, чтобы забыть обо всем, не думать, не прислушиваться, отключиться от реальности, довериться... Полностью довериться, отдаться.

Кажется, именно так и выглядит не раз упоминаемый в женских романах момент. Я отдавалась ему полностью. Таяла под его губами, трепетала от касаний его языка, то легких, то сильных. Смирилась, что его пальцы сжимают мои руки и не вырывалась. Я отдалась и доверилась. Внутри разгоралось тепло, оно заполняло меня полностью, до кончиков пальцев на ногах, оно согревало, убирая нервный озноб, расслабляя тело, подогревая его, как на солнце... Ярком, жарком, испепеляющем солнце. Тепло превращалось в жар, концентрируясь в одном месте, там, где было нежное дыхание, ласковые губы и осторожные прикосновения языка.

Взрыв, пульсация, сладкая истома... но... губы и язык никуда не делись, а оттолкнуть, сказать что все... у меня пока не было сил. Я закрыла глаза, растеклась по кровати, погрузилась в зарождающиеся новые горячие волны... Новые? Да, мое тело, оказывается, было готово продолжать наслаждаться, только теперь мой путь к оргазму был дольше, но и сам он был ярче. Первый – праздничный фейерверк, второй – взрыв сверхновой звезды.

Мои сжимающиеся внутри мышцы обхватили что-то твердое,двигающееся во мне. И от ощущения вот этой вот связки – движения, сжатия, чувства, как твердое внутри ме-

ня увеличивается, наливается... и нестерпимого желания сжать еще сильнее, скрестить ноги и заставить двигаться быстрее... глубже... еще быстрее... Да! Да, вот так... Вот так! ...меня накрыло третьим оргазмом подряд.

Мне еще никогда ни с кем не было так хорошо, всепоглощающе хорошо, когда в голове только жар и никаких... никаких мыслей. И тело – расслабленное, бессильное, мягкое и податливое, как тесто.

– Вам понравилось, леди? – неприятно резануло слух то, что он... ОН... он даже не запыхался.

Нет, когда мужчина после обычного секса дышит так, как будто пробежал стометровку – это тоже никогда меня не радовало, но тут... Я переживаю самые лучшие мгновения в своей жизни, и вдруг спокойный, лишь слегка заинтересованный голос.

– Да, не заметно? – агрессия, как защитная реакция. Это лучше, чем слезы, которые уже подступают к глазам, душат. Сама виновата – открылась полностью, а ведь тебя предупреждали. Не верь, никому не верь.

Моей щеки коснулся легкий, почти воздушный поцелуй.

– Прости... Я не хотел сделать тебе больно. Чем я тебя обидел?

Открыв глаза, я наткнулась на виноватый взгляд и... Нет, раз уж я собралась плакать, то резко остановиться не получится. К тому же у меня явно какой-то гормональный процесс обновления запустился, потому что впечатлительность

усилилась.

Я обняла Рикиши за шею, уткнулась ему в плечо и тихо повсхлипывала туда... недолго, минут пять всего. Заодно вдыхая запах его тела: суховато–терпкий – парфюма и сладковатый – пота. И еще его губы пахли мной. Успокоившись, я прикоснулась к ним, осторожно пробуя на вкус... слизнула... чтобы оказаться лежащей на подушке, закрыв глаза и снова отдавшись его умелым, властным, уверенным губам.

– Рикиши...

– Да, леди? – юноша не очень охотно оторвался от меня. Внутри его глаз прыгали бесенята, тогда как я никак не могла сфокусироваться. По ощущениям я была пьяна, хотя не выпила ни капли.

– Ужин... ванна... и спать... у меня завтра повторный экзаме́н.

– Да, леди!

Через пару минут Рикиши стоял передо мной полностью одетый и держал на вытянутых руках мое платье:

– Прошу, леди.

Ужинали мы молча, у меня просто не было сил говорить о чем–то неопределенном, а об определенном говорить в присутствии двух посторонних не хотелось. Но после ужина я потребовала, чтобы Рикиши проводил меня в библиотеку. Если он сам не хочет ничего мне рассказывать, то, уверена, всю информацию о нетопырях можно узнать из книг.

Даже не удивившись моему желанию, Рикиши взял ме-

ня под руку и сопровождал до моей любимой комнаты в этом доме. Я запустила местный аналог «Ок, гугл!» и... Да, легенд про иномирных вампиров было видимо–невидимо. И ожившие мертвецы, пьющие кровь. И просто расы долгоживущих, наподобие эльфов, только пьющие кровь. А вот про местных нетопырей ничего не было. Ни про обращение, ни про обряд передачи собственности, ни про уход, питание, лечение, деградацию.

«Вурдалаки», – мысленно сделала я последнюю попытку.

«Запрошенную информацию дети могут читать только в присутствии совершеннолетнего правоспособного гражданина Яхолии».

– Э–эм, – зависла я, глядя на надпись и потом обернулась на улыбающегося Рикиши. Этот зараза стоял и едва сдерживал смех, а я тут, между прочим, ищу информацию, чтобы его спасти.

– Леди... Жаль, вы своего лица не видели, – пояснил парень причину своего веселья. – Вы про нетопырей ищите, да? – уточнил он уже серьезным голосом.

– Да, – обиженно буркнула я и, развернувшись, направилась прочь из библиотеки. – Хорошо, тогда сам расскажи, как часто тебя надо кормить и вообще.

– Кормить?

Рикиши резко остановился, дернул меня за руку и развернул к себе лицом. Посмотрел на меня очень странно, с подозрением.

– Вы всерьез собираетесь оставить меня себе?

– Нет, конечно, я завтра отдам тебя Марими, она обещала о тебе позаботиться напоследок, по старой памяти, – возмущенно выплюнула я.

Но по взгляду парня поняла, что тот не удивлен и воспринял все сказанное мной именно как перечисление планов на будущее. Ожидаемое! Он с облегчением выдохнул, но потом, продолжая смотреть на меня, вопросительно изогнул бровь. Очевидно, на моем лице отразились все внутренние переживания: недоумение, обида, возмущение... разочарование.

Я тут за него волнуюсь, а он уже смирился и собрался помириться в кровати Марими! Не верит он ни в меня, ни мне... Обидно! Тогда, зачем было доводить меня до оргазма три раза подряд? Чтобы мне было, с кем потом сравнивать?! Вот не будь мы в коридоре, где постоянно мелькала прислуга, даже здесь, рядом с библиотекой... Укусила бы, точно!

– Леди? – голос Рикиши чуть дрогнул, едва заметно. От волнения или от ужаса, интересно?

– Я пошутила, идиот! – предохранительный клапан слетел, как у закипевшего чайника со свистком. – Ты поедешь со мной в эту гребанную академию, ясно?! Мне разрешили! И упокою я тебя сама, если не удастся спасти... Сама напоследок трахну и упокою! Понял?!

Парнишка, бегущий на нас с подносом, на котором высилась гора булочек и дымилась кружка с кофе, сделал отчаян-

ный пируэт и едва успел выровняться в последний момент. Обогнув нас, он припустил еще быстрее, причем пару раз испуганно оглянувшись, наверное, чтобы убедиться, что я его не преследую.

Пока я отвлеклась на мальчишку, заодно успокаиваясь, Рикиши успел опуститься на колени, обнять меня за бедра и уткнуться головой мне в живот.

– Я все понял, леди.

Вот, стоит только устроить маленький скандал, как все вокруг сразу же начинают проникаться уважением. Хотя коленапоклоненный мужчина вызывает у меня только одну ассоциацию: сейчас должна появиться шкатулочка с кольцом и прозвучать предложение руки и сердца.

А триумфальный взлет самоуверенности сильно затруднял тон, которым была сказана последняя фраза. Покорной обреченности в нем было больше, чем радости. Ну, вот и как я должна стирать в песок горы, поворачивать реки вспять и развлекаться по мелочи, вынося коней из горящих изб?! Если в меня не верят... Но я уже доказала, что кое-чего стою. Тут я вспомнила еще об одном своем достижении и, махнув рукой, зажгла висящие вдоль стен свечи. Рикиши отвлекся, приподнял голову, глаза его слегка расширились от удивления.

– Тридцать семь с одного раза? Хороший показатель для начинающего мага, – констатировал он, правда, не с гордым восхищением, а до боли привычным учительским голосом.

Затем, одним плавным движением встав с колен, спокойно отряхнул штаны, потом подал мне руку:

– Вам пора ложиться спать, леди. Портал в академию открывается лишь раз в неделю, в восемь утра. Если проспите, еще семь дней вас никто ждать не будет.

Здесьнее времяисчисление, – минуты, часы, дни, недели, месяцы, – конечно же, звучало несколько иначе, чем в моем мире, и по цифрам совпадало лишь количество дней в неделе. Часов в сутках тут было двадцать восемь, так же как и дней в месяце. Но, все равно, Рикиши был прав – надо принять запланированную ванну, расслабиться и уснуть. Завтра предстоит очередной тяжелый день.

– Как я могу проспать, когда у меня есть ты? – фыркнула я, давая понять улыбкой, что вообще–то это шутливый комплимент, а не возмущенное удивление. Юноша тоже засветился в ответ своей родной полуулыбкой, от которой сразу стало тепло и спокойно. Пусть он в меня не верит, но у меня есть цель, и я ее добьюсь. – Тебе по–прежнему ничего не нужно? Я бы предпочла покормить тебя заранее, потому что завтра силы мне понадобятся для другого.

– Вы уже покормили меня, леди, – на лице Рикиши промелькнула ехидная усмешка, да и в голосе я ее ощутила тоже.

– Ты имеешь в виду те несколько глотков, что ты сделал сегодня утром? – хорошо, конечно, что ему так мало надо, но тогда я, тем более, не понимаю всех этих странных разговоров про деградацию и про то, что я его не прокормлю, и

он меня выпьет с голодухи.

– Нет, леди, я имею в виду то, что я сделал сегодня вечером, – ехидство уступило место едва заметному смущению. Наткнувшись на мой вопрошающий взгляд, Рикиши снова криво улыбнулся и пояснил: – Вы добровольно поделились со мной своей энергией, не через кровь, а через секс. Леди Сонола никогда так не делала... А у вас получилось.

– Ты знал? – я уставилась на парня обвиняюще–испепеляющим взглядом.

– Я догадывался. И леди Сонола тоже. Не зря же она... Почему вы сердитесь, леди?! – во взгляде юноши сквозило искреннее непонимание. У меня же от возмущения даже слов не было. Меня использовали. Вот зачем нужны были эти три оргазма подряд! Чтобы подзарядиться...

– Леди? Вам же понравилось. Я чувствовал, что вам понравилось. Чем вы недовольны? И тогда, и сейчас? В вашей крови энергии слишком мало, мне пришлось бы тревожить вас шесть–семь раз в день, и это... не слишком полезно для вашего организма.

Рикиши действительно был озадачен, а меня просто трясло от злости. Главное, раз этот зараза смутился, поясняя мне ситуацию, значит, подозревал, что его действия не совсем порядочные. А теперь овечкой обиженной прикидывается, засранец!

– Заранее, – прорычала я, выдыхая пары гнева. Свечи ярко вспыхнули по всему коридору, вдоль обеих стен. И уже

зажженные, и еще нет. Все... – Заранее предупреждай меня о всех своих намерениях, понятно?! Я ненавижу, когда меня используют! И если ты еще раз отмочишь что-нибудь подобное, одним нетопырем в этом мире...

Я недоговорила. Остановилась. Выдохнула. Поняла, что теперь вообще никому не верю, к сожалению. Даже в легенду, что Рикиши вот-вот деградирует – не верю. Обострившаяся паранойя начала вопить про тщательно разработанный план, чтобы всучить мне с собой шпиона. В шпионскую академию.

– Леди?

Спокойствие! Ему шесть сотен лет, и изобразить вину в голосе он может так же легко и естественно, как и отыграть заботливого учителя или замученного обескровленного вампира. Больше я не поведусь на все его уловки... Нет!

– Я не возвращаю тебя сейчас Марими только потому, что... – потому что все еще хочу снова поверить? Наверное, да. То есть, кратко обобщая, потому что я дура наивная. Но говорить об этом вслух не стоит, тем более, это и так секрет Полишинеля – ...потому, что не разобралась в ситуации до конца.

– Ну, надо же, как я вовремя, – промурлыкала рядом с нами неизвестно откуда появившаяся Сонола. Хотя, почему неизвестно? Вон из-за того темного поворота она возникла. Я же усилила освещение только в главном коридоре. – Пожалуй, я подарю тебе парочку плеток... И запомни, отчиты-

вать раба надо наедине.

– Без тебя разберусь, – окончательно сорвалась я. – Или ты передумала и хочешь забрать его обратно?!

Сонола, спокойно улыбалась, глядя на меня, просто бурлившую от переизбытка эмоций, и это злило еще больше. Мало того, что используют каждый как ему вздумается, так еще и морды кривят, будто я деревенский подкидыш, а они... Они... Они – аристократки в ...надцатом поколении. М–да.

– Раб, который до сих пор предан своей первой хозяйке, мне не нужен, – с презрением в голосе пояснила Сонола, глядя на Рикиши чуть ли не с ненавистью. Похоже, парнишка и ей успел насолить. Хороший мальчик.

Почему–то от таких мыслей мне полегчало, злость исчезла, выбурлилась, так что я дернула своего нетопыря за рукав камзола и потянула за собой:

– Пойдем, я хочу еще принять ванну.

– Что ж, закроем глаза на демонстративное нарушение этикета, – довольная, как кошка, промурлыкала Сонола. – Но на будущее имей в виду... Ты лишь третья ветвь, да еще и подобранная неизвестно где.

Чайник приготовился закипеть снова, но тут в меня полилась река уверенности и спокойствия, поэтому я буркнула на прощание:

– Спокойной ночи, леди, пусть вам приснятся все ваши мужья оптом.

И, опираясь на руку едва заметно улыбающегося Рикиши, быстро застучала каблучками подальше от этой стервы. Правда, на подходе к комнате я обнаружила, что мой сопровождающий вновь неестественно бледен и даже пару раз покачнулся, так что у самой двери это я его поддерживала, а не он меня. Ну, я и так подозревала, кто не дал мне устроить бабскую драку в коридоре с визгом и тасканием за волосы. Хотя, наверное, маги дерутся как-то иначе. Но я-то еще пока не маг, а так, прикурить разве что в темноте дать смогу...

– Тебе моей крови хватит, чтобы восстановиться? – поинтересовалась я у упавшего в кресло Рикиши. Сама же принялась быстро стаскивать с себя одежду.

Ванна! Теплая ванна. С пенкой... И потом спать... Спать! А потом, когда проснусь, еще раз все обдумаю и решу на спокойную, свежую и чистую голову. «Да, голову обязательно надо помыть», – полюбовалась я на себя в зеркало и обернулась к лежащему в кресле телу:

– Ау?! Секс не предлагаю, настроение что-то пропало...

Рикиши хмыкнул, вздохнул и согласно кивнул:

– Хватит. Спасибо, леди.

Тут передо мной встала сложная дилемма: если я напою его кровью сейчас, то усну прямо в ванной, а если после... то никакого удовольствия от нее не получу, зная, что некто в любой момент может склеить крылышки нетопырские. Печаль, однако.

– Я нормально себя чувствую, леди, – успокоил меня Ри-

киши, уловив мои сомнения. – Просто не рассчитал своих сил. Не волнуйтесь за меня, – и улыбнулся еще, засранец!

Бледно–розовые губы на белой с легкой синевой коже. Красавчик. Идите, леди, купайтесь, а я тут пострадаю... Манипулятор шестисотлетний! Похоже, это я не рассчитала своих сил, но не в отношении прокорма этой нетопырской заразы, а в том, кто будет главным в нашей паре. С его–то опытом выживания! Четыреста лет удерживал внимание Марими, потом появилась Сонола... даже, если не двести, а сто... Да, даже, если пятьдесят лет с ней рядом – все равно герой.

Я, полностью обнаженная, подошла к креслу, уселась Рикиши на колени, лицом к лицу, и поднесла запястье к его губам:

– Пей, манипулятор...

На бледно–розовых губах промелькнула улыбка.

Я смотрела, как чуть удлиняются и заостряются клыки. Наблюдала, готовилась и все равно вздрогнула, когда они впились мне в запястье. Мгновенная острая резкая боль, и потом жадные глотки. Ничего, я привыкну. К тому же, как только Рикиши начал пить, боль сразу исчезла, растворилась, стало приятно, в голове закружилось...

– Спасибо, леди.

Ну вот, меньше минуты, а передо мной в кресле не бледная немощь, а вполне себе красивый парень. Теперь можно и в ванну... упасть.

– Позвольте, я отнесу вас, леди.

Можно подумать, у меня есть силы возражать? Я засыпаю. Странно, в первый раз такой резкой слабости не было, а тут как будто всю энергию выпили. А может, и выпили?

– Помой мне голову, – сонным голосом попросила я, чувствуя, как теплая вода укутывает мое тело, согревает, расслабляет и... отключает.

– Да, леди, – услышала я уже как будто через вату и уснула. Прямо в ванне. Чтобы проснуться на рассвете в своей комнате, бодрой и готовой к новым подвигам.

Напротив меня в кресле спал самый красивый, самый желанный, самый опытный любовник и самый величайший засранец из всех, кого я знала. Кого кому подарили, интересно?!

Глава 6

– Как ты? – наверное, эта фраза станет для меня вскоре нормой, вместо «Доброго утра».

– Спасибо, пока нормально, – улыбнулся мне Рикиши.

При свете местного солнышка (переводчик настаивал, что именно солнышко, а не солнце) все мои вчерашние сомнения и обиды слегка сгладились, однако забывать о них я не собиралась.

Но сейчас, еще немного сонная и умиротворенная, откинувшись на подушку и положив руки под голову, я решила немного поразмышлять. Итак, что мы имеем на текущий момент? Прояснилось только одно, – в свой мир я вернусь для того, чтобы умереть. Все остальные местные неувязочки мало того, что не развязались... скорее завязались морским узлом, причем калмыцким. Надежный, крепкий, с виду немного запутанный, но если дернуть за ходовой конец – быстро распутывающийся. Ну, если, конечно, кто-то по неопытности не перепутает его с казачьим. Они очень похожи, но второй развязать гораздо сложнее.

Надеюсь, все не настолько плохо, и моя задача – найти ходовой конец, тогда вся здешняя путаница мгновенно распутается. А пока...

– Как ты думаешь, нас покормят завтраком, или мне опять сдавать экзамен на голодный желудок?

– Думаю, что у вас есть еще полчаса, леди. Если хотите, я прикажу подать чай и бутерброды.

– Прикажи, – я снова упала в подушки и закрыла глаза.

С Марими все было более–менее понятно, я была ее лошадкой, выигравшей скачки, и обращались со мной соответственно. Мне вручили призовой кубок с жизнью, со вторым шансом в новом мире.

Скорее всего, по мнению Марими, мы в расчете. Она даже организовала в честь меня маленький семейный обед и пообещала помочь в создании личного нетопыря. Учитывая нашу с ней разницу в положении и возрасте, – это большее, на что я могла рассчитывать.

Королева и бедная дворяночка из низов. Уверена, по общему мнению, я должна подпрыгивать выше облаков от осознания оказываемой мне чести. Да, поведение Марими было логичным и понятным. А вот правила скачек, вернее, выигрыш хозяйки лошади оставался загадкой. Вряд ли я разгадаю его в академии, но не становится же сейчас в позу? Хотя... вот именно сейчас у них не будет выбора. Да!

Я довольно улыбнулась и приоткрыла один глаз на тихий шум рядом, – это Рикиши сервировал маленький столик для чаепития. Надо умыться, одеваться...

Рисуя себе на лице утро и начищая зубы, я обдумывала новорожденную рискованную идею. Ну, правда, интересно. Вот, что они будут делать, если я встану в позу прямо у дверей кладовки и объявлю, что никуда не поеду, пока мне не

объяснят весь расклад?! Уничтожат собственную лошадку за пару минут до начала второго забега?

Натянув протянутое мне скромненькое по местным меркам платье серо–зеленого цвета, я плюхнулась в кресло и потянулась к кружке с горячим чаем. Рикиши неодобрительно нахмурился, глядя как плавно я все делаю.

– Леди Марими хотела с вами попрощаться, так что нам надо еще успеть ее навестить.

Какой у меня замечательный мужчина, однако. Отправился за чаем, заодно к хозяйке сбегал – отчитался, задания новые получил, может, еще и вторую хозяйку успел навестить и там ЦУ собрать?

Так, не злимся, успокаиваемся, думаем про вкусные бутерброды. Шоколадку вот мне заботливо притащили, из моего мира, между прочим, «Риттер Спорт».

– А Сонола мне ничего передать не просила? – не удержавшись, съехидничала я.

– Леди Сонола будет вас сопровождать в академию в качестве опекуна от семьи.

– Как трогательно, – это единственное, на что меня хватило.

Но после такой новости второй бутерброд в меня не полез. Так что я встала из–за стола, быстро причесалась, собрала волосы в тугий хвост, благо местная мода не требовала наличия башен на голове, и вопросительно уставилась на своего слугу.

Хм... Подсознание играло со мной в странные игры, – оно не давало мне воспринимать Рикиши рабом. Даже, когда я его так называла, все равно для меня он был или простым парнем, или слугой, но никак не бесправной собственностью. И дело было даже не в том, что я крутой борец за свободу, равенство, братство. Совсем нет – я довольно спокойно реагировала на крутящуюся вокруг меня три месяца прислугу. Но Рикиши... Наверное, все дело было еще и в его поведении. В нем аристократизма было порой в разы больше, чем в той же Соноле.

– Прошу, леди, – я оперлась на предложенную мне руку, и мы направились петлять по коридорам в сторону апартаментов моей приемной мамочки.

Под самой дверью я еще была полна решимости озвучить свой ультиматум: «Или вы мне все поясняете, или я никуда не еду!», но едва оказавшись напротив Марими, тут же поняла – не смогу. Вот стоит она такая вся далекая, не от мира сего, как миниатюрная статуэтка из музея, и тут я ногой топаю и условия ставлю. Вот странно, с Сонолой я спокойно могу пререкаться, у меня даже в мыслях, что она меня на триста лет старше, не проскальзывает. И то, что она маг – тоже. Какой она маг, если я ни разу ничего магического от нее не видела? Я вон хоть свечки зажигаю.

А вот Марими действовала на меня вымораживающе. И голосок ее хрустальный пробирал до дрожи. Хотя, тоже вроде, при мне ни разу не магичила, но почему–то верилось, что

легко взмахнет рукой, и я заледенею.

Правда, вместо этого, она взмахнула рукой, и мне вручили небольшую мешкообразную сумку, кожаную, затягивающуюся на тесьму, и с одной лямкой.

– Я задействовала немного пространства низшего уровня, – с улыбкой произнесла Марими, наблюдая, как Рикиши изымает у меня рюкзачок и перекидывает себе через плечо, с которого уже свисает его собственный мешок. – Конечно, в разрешенных для студентов объемах, но тебе сейчас не так уж много и потребуется. Канцелярские принадлежности студентам выдают, учебники и книги – тоже. Если будет намечаться какой-нибудь бал, то тебе просто надо будет заранее ненадолго посетить нас и сделать заказ в швейной мастерской. А пару платьев для студенческих вечеринок я тебе бросила в сумку. Так же как и сменную форму.

Марими замерла, ожидая изъявлений благодарности, не иначе. Я не стала ее разочаровывать и изъявила – без лишнего энтузиазма, но и не совсем с кислой миной.

– Я запретила Рикиши брать с собой шпагу, – продолжила свою речь моя новая мамуля. – А у тебя в сумке лежит нож для упокоения вурдалаков. – Ну вот, не могла не испортить настроение напоследок. – Будь внимательна, мне бы не хотелось выслушивать претензии от руководства академии. Да и выплачивать компенсации пострадавшим по твоему недосмотру семьям тоже.

Последняя фраза заставила меня забыть о местных при-

личиях, и, не дожидаясь, пока нас выставят, я уточнила:

– О каких компенсациях и пострадавших вы только что сказали?

– Девочка, вурдалаки, в отличие от нетопырей, пьют кровь у всех, – пояснила Марими, поджав губы, с лицом человека, выдающего общеизвестную истину.

Ага, кажется, дошло. Я обернулась на молчаливо стоящего у меня за спиной Рикиши. В этот раз он не стал опускаться на колени, а просто застыл на все время разговора, сверля взглядом пол. Представить его страшным монстром, выпивающим кровь у всех студентов в академии, не получалось. Зато случился неожиданный прилив храбрости, и я выпалила:

– Леди Марими, а что теперь будет с Алисой?

На меня посмотрели с легким намеком на интерес:

– С какой целью ты спрашиваешь?

– Ну... просто неучтенный двойник – это опасно, – ляпнула я первое, что пришло в голову.

Марими ласково улыбнулась:

– Я позабочусь об этом, не волнуйся. Алиса – не твоя проблема. В академии она не появится и мешать тебе не станет. Думай о том, что зависит от тебя – хорошая учеба и... деградирующий нетопырь, – последние два слова женщина процедила, поглядывая в сторону Рикиши так, как будто это он сам мне себя подарил, а не Сонола выпендрилась.

Я изобразила полупоклон и была отпущена в сторону портала, где меня уже поджидала ехидно ухмыляющаяся «те-

тушка».

– Доброе утро, леди Сонола, – повторила я полупоклон и насладилась олицетворением полного офигения. Приятно, значит, не зря старалась.

Рикиши тоже оценил, потому что на него резко, хотя и ненадолго, напал приступ кашля. Вообще, для приговоренного к скорой смерти, он как-то слишком много веселился. Интересно, это я на него так разлагающе влияю? Когда мы только начинали общаться, он лишь изредка улыбался, а теперь...

Втроем влезать в их телепортальный лифт было еще забавнее, чем вдвоем, но, в этот раз, пышный подыюбник был только у Сонолы. Так что с усилием, но впихнулись. В уголке, размазанный по стеночке – Рикиши, потом я, плотно прижатая к его переду – задом. Причем, настолько плотно, что я своим задом ощущала некое шевеление и набухание... хм... у него спереди. Хорошо, что под камзолом это будет не заметно. Но из врожденного чувства вредности я еще и потерлась, будто бы устраиваясь поудобнее.

– Леди... – прошептал этот зараза мне на ухо вкрадчиво-мягким голосом, от которого меня бросило в дрожь и жар одновременно. Отомстил, ладно. Но мое состояние никто не заметит, а вот его...

– Заканчивайте развлекаться и приведите себя в порядок, – недовольным тоном рыкнула Сонола. – Мы в учебное заведение телепортировались, а не в бордель!

С гордо поднятой головой и румянцем в обе щеки я вышла из их каморки. Вокруг кипела бурная жизнь. Это явно была местная лифтовая, потому что рядом, слева, справа, через большой зал – напротив... везде хлопали, открывались и закрывались двери, из которых выходили благородные девицы в сопровождении не менее благородных опекунов. И все эти благороднейшие леди с некоторым недоумением и изумлением, а более молодые – с плохо скрываемой завистью поглядывали на Рикиши.

Черт! Я только сейчас окончательно поняла, что буду учиться в чисто бабской академии, в дружном женском коллективе... и это при том, что я эти женские коллективы на дух не выношу!

«Надеюсь, половина сколопендр не поступит», – мысленно приободрила я себя, шагая под дулами взглядов вслед за Сонолой.

– Все будет хорошо, леди, – Рикиши, обогнув меня, открыл передо мной большую тяжелую дверь в другой зал. Сонола, идущая первой, такой чести не удостоилась. Но она в ней и не нуждалась – дверь распахнулась от едва заметного движения ее руки. И, если бы Рикиши не подсуетился, захлопнулась бы прямо перед моим носом или, того хуже, стукнула бы по мне. Ну, или мне бы пришлось выставить руки и удерживать эту дверь... Короче, опозорилась бы после такого триумфального шествия на глазах доброжелательной публики.

– Спасибо, – прошептала я, подразумевая сразу все: и то, что он рядом, и то, что приободрил, и то, что спас от битвы с дверью.

Второй зал был прямоугольный и длинный, очень длинный. А заканчивался такой же огромной дверью, возле которой стояли две девушки в довольно оригинальной форме – сверху короткая, до талии, однобортная красная куртка со стоячим воротником. Три ряда пуговиц и ярко–желтые длинные застёжки. Короче, натуральный доломан, как у гусар в тысяча восемьсот двенадцатом году! А снизу – черные юбка–брюки, из–под которых едва торчали остроносые носки сапог. И шпаги! У девиц на талии висели шпаги. Нет, в целом все смотрелось более–менее гармонично, но учитывая, что верх у меня плотно ассоциировался с гусарами... Кстати, кивера, ну специальной такой гусарской шляпы, на девицах не было. Хотя им бы пошло! В общем, я очень крепилась, чтобы не рассмеяться. Гусарская баллада, или как там старый фильм про девицу–гусара назывался? Только, она там парнем прикидывалась, а тут вот стоят две с косами до пояса... Гусарки... Ой, мамочки!

– Леди, вам плохо? – заботливо–ехидный тон Рикиши чуть не пробил последнюю брешь в моей, с таким трудом удерживаемой, серьезной маске на лице. – Вы смотрите на амисарок очень долго и очень пристально, это неприлично.

– Ка–а–ак ты их назвал? – Спокойствие! Не ржать! Думать о чем угодно, только не о... гусарки–амисарки...

Не удержавшись, я все же тихо фыркнула, успев в последний момент отвести взгляд от несчастных девушек. Правда, оказалось, что перевела я его на какую-то пожилую даму в черном, сопровождающую тощую девицу с задраным вверх длинным носом, покрытым веснушками.

Рикиши дернул меня за рукав, заставив повернуться в его сторону.

– А теперь ударьте меня.

– Что? – мне показалось, что я ослышалась. Глаза у меня широко распахнулись, и я с удивлением уставилась на своего нетопыря-мазохиста.

– Ударьте меня и рыкнете про болвана, слепого идиота или еще что-нибудь подходящее, быстрее! – сквозь зубы процедил Рикиши, требовательно смотря на меня.

Ну... кто просит, тот получит. Я залепила ему пощечину и витиевато обругала, правда, по-местному. В прочитанных мною романах героини не только стихами и высоким стилем изъяснялись, так что я слегка пополнила свой словарный запас.

Краем глаза я отметила, что насторожившаяся старушка в черном потеряла ко мне интерес. Как я поняла, именно его возникновение вызвало у моего парня ностальгию по побоям.

– А кто она? – шепотом спросила я, для надежности смотря исключительно в пол.

– Альменхеттен семьи Гармизо, старейшая из живущих

магов, сильнейшая из магов–женщин. На самом деле она уступает по силе только королю и, возможно, паре–тройке магов из его свиты. Очень вспыльчивая и злопамятная. А молодая леди рядом с ней – ее праправнучка, если я не путаю. Может, и прапрапра...

Сонола, стоящая чуть поодаль, посмотрела на нас с осуждением. Но тут, вроде как, все перешептывались друг с другом, правда, может, моветоном считалось перешептывание с нетопырями. Но не с Сонолой же мне переругиваться?!

– Ты мне, кстати, не ответил, кто такие амисарки.

– Студентки и выпускницы Академии благородных девиц при Министерстве по Иномирным Связям, – хмыкнул Рикиши, вложив в интонацию нотку снисходительного ехидства по поводу моей недогадливости.

– Ага, то есть я тоже скоро стану амисаркой, – меня опять начало пробирать на хи–хи.

Наверное, это – нервное. Сейчас у меня амисарки прочно ассоциировались с комиссарками.

К счастью, в народе началась какая–то движуха. За дверью, охраняемой амисарками – тоже. Девушки сделали несколько шагов в стороны, и к нам в зал вышли трое мужчин и две женщины. Все будущие амисарки... (так, сосредоточились и смотрим в пол!) ...почти синхронно проделали поклоны, ну и я тоже присоединилась, тем более, Рикиши заботливо ущипнул меня сзади.

– Сейчас с нами проследуют первые двадцать юных леди,

остальных ждем здесь же через тридцать минут.

Ну, надо же! Опросить двадцать человек за полчаса? Сильны...

Левая амисарка взяла протянутый ей уже знакомым мне седым мужчиной список и принялась его зачитывать.

В списке были и третья ветвь древа семьи Тарнизо, Икари Элис и шестая ветвь древа семьи Гармизо, Хаякава Абагэйл.

Рикиши тоже вошел в зал, где будет проходить экзамен, и встал у двери. Девичий возмущенный шепоток прервала одна из женщин–преподавателей:

– Нетопырь второго уровня не должен находиться без присмотра своей хозяйки. Надеюсь, такой роскошный подарок поможет леди Элис набрать, хотя бы в этот раз, необходимый для поступления в нашу академию минимум баллов. Потому что лимит попыток этой юной леди исчерпан, и будущее у девицы, не оправдавшей надежд семьи, будет довольно печальным.

Мы расселись каждая за отдельный маленький круглый столик и потом по списку вставали и подходили к столу преподавателей, чтобы вытащить по пять билетов разного цвета. Математика была синей, история – красной... В каждом билете по три вопроса.

Нам раздали листы и перьевые ручки, – они писали без макания в чернила и смены стержней, но потихоньку стачивались и часто ломались, потому что были действительно из перьев.

– На подготовку вам отводится десять минут, дальше вы будете сидеть и ждать своей очереди, – пояснила правила сдачи вторая дама.

Я разложила билеты в порядке усложнения письменных заданий и ринулась строчить. Когда седой позвонил в колокольчик, сообщая, что наше время истекло, я как раз дописывала последнюю дату по истории.

Каждый из преподавателей подсел за столик к одной из девушек. Среди них была и тощая длинноносая Хаякава Абагэйл. Леди Абагэйл Гармизо. Наверное, первое имя – более личное, судя по тому, что в доме меня звали Икари, а тут – Элис.

Неожиданно, я задумалась над тем, как Сонола свою дочь при всех называет? Тоже леди Элис? Или леди... Интересно, какое второе имя у Алисы, если ее все звали именно Алисой? И у Сонолы с Марими тоже по одному имени. А вот у всех двадцати девушек, сидящих здесь – по два.

– Ну что ж, поговорим, леди Элис Тарнизо? – ко мне подседа дама, намекавшая, что мое будущее не будет светлым и радостным.

Я пододвинула к ней свои билеты и письменные ответы. С удовольствием насладились выражением удивления на ее лице.

Надо отдать ей должное, она быстро восстановилась и начала гонять меня по своему предмету – математике. Ну, как гонять... В пределах билета, конечно. Правда, потом пошли

дополнительные вопросы, потом дополнительные вопросы к дополнительным. При этом, глаза дамы становились все удивленнее и удивленнее. Потом ко мне пересела вторая женщина, главная по словесности. Седой оказался историком. . . Так, подсаживаясь ко мне по очереди, со мной переговаривали все пять преподавателей. Удобная и быстрая система опроса, ничего не скажешь.

– Поздравляю, леди Элис, вы приняты, – произнесла строгая дама после того, как допрос был закончен, и все пятеро шепотом обсудили результат. – Я очень рада, что третья ветвь семьи Тарнизо наконец–то начнет обучение в нашей академии! – И уже с менее пафосной интонацией добавила: – Было бы обидно терять такой отличный генетический материал и такую идеальную наследственность.

Я едва не ляпнула глупость типа: «А что вы имеете в виду?». Наверняка, раз все понимающе кивают, то и мне полагается это знать.

– Я думала, случай с болезнью и комой выдуман леди Сонолой, но теперь верю, что на предпоследней сдаче вы действительно были немного не в себе. Надеюсь, теперь память восстановилась?

Я испуганно глянула в сторону Рикиши, и женщина понимающе кивнула:

– Значит, я угадала. Раб подарен вам не для развлечений, а чтобы помогать избегать неловких ситуаций, если вы встретитесь с кем–то из знакомых и не сможете его вспом-

нить? Единственное, я не понимаю, как вы будете поддерживать его в дееспособном состоянии.

Я загадочно улыбнулась даме, а подошедший к моему столику седой протянул мне красивую карточку:

– Прошу, леди Элис. Не теряйте ее и лучше всего носите на шее постоянно, – это ключ от вашей комнаты в общежитии, пропуск на территорию академии, удостоверение личности, а также еще много других полезных функций.

Ему я тоже улыбнулась, сделала прощальный уважительный поклон и вылетела из зала в коридор. Вернее во второй зал, где толпились ожидающие своих молодых родственниц опекунши.

– Поступила?!

Сонола резко подлетела ко мне, оторвавшись от болтовни с какой-то дамой.

– Да, – гордо кивнула я.

– Отлично! Ну что ж, леди Элис, – наверное, даже если она также официально вынуждена была называть и родную дочь, в ее голосе звучало больше тепла. – Поздравляю и оставляю вас под защитой этих надежных стен и в руках самых лучших преподавателей Яхолии.

– Спасибо, леди Сонола! – я даже поклон совершила под пристальными женскими взглядами.

Интересно, почему никто не сообщил мне, что я, оказывается, чем-то тяжело болела, да еще так сильно, что у меня память отшибло. Это в магическом-то мире...

Тут в зал вошла совсем молоденькая девушка в скромном сереньком платье типа моего и оглядела меня, а также вышедшую буквально передо мной Абагэйл:

– Следуйте за мной, леди, я проведу вам экскурсию по академии и потом покажу ваши комнаты.

Абагэйл наклонилась и поцеловала руку старушке в черном:

– Благодарю вас за честь, оказанную мне тем, что согласились стать моей опекушкой.

Я же так посмотрела на Сонолу, чтобы она сразу поняла, никаких лобзаний рук не будет. Та только ехидно усмехнулась и послала мне воздушный поцелуй, перед тем как отправиться в сторону их проходного зала с лифтами:

– Будь умницей, Элис.

Ага, ну вот так, хоть с натягом, пусть и не на маму, но на заботливую тетушку потянет.

Девушка–экскурсовод восторженно попискивала, поглядывая на Рикиши, и, как только мы остались вчетвером, посмотрела на меня с уважением:

– Твой? Настоящий?! Какой класс?

– Второй, – буркнула я, оглядывая не очень–то и уютные каменные стены.

Мы поднимались по винтовой лестнице на этаж выше приемных залов.

– Сначала я покажу вам учебный корпус. Он занимает три этажа... – рассказывала девушка. – Столовая – это отдельное

здание, как и конюшни, спортивная площадка, зал для фехтований, общежитие. Академия – это целый городок. И тут очень много зелени, вы будете чувствовать себя как дома и полюбите здешний сад, я уверена.

Уверена она...

Шестая ветвь древа Гармизо топала рядом со мной с еще более недовольной физиономией, чем у меня. Я – то хотя бы пыталась изобразить интерес, тем более, и правда, хорошая идея – устроить экскурсию в первый день, чтобы потом не путаться. А Абагэйл не утруждала себя ничем, и, наконец, выдала:

– Все, покажите мне, где столовая, я есть хочу.

Тут я осознала, что тоже ничего кроме одного бутерброда рано утром не ела, и улыбнулась девушке, слегка подвисшей от того, что ее перебили на полуслове:

– Мы с утра голодные...

– Кто с утра, а кто весь вчерашний день постился, чтобы порадовать бабушку, – буркнула Абагэйл, и девушка всплеснула руками:

– Точно, вы же из семьи Гармизо! Только у них такая традиция. Конечно, я вас провожу в столовую. Сутки ничего не есть... Как вы до сих пор в голодный обморок не падаете?

Рикиши, молча ходящий за нами следом, дернул меня за рукав, чтобы я приотстала и прошептал:

– Перед тем как рассаживаться, уточните, не помешает ли другим леди мое присутствие.

– А если помешает? – хмыкнула я. – Есть не будешь? – судя по быстрому пожатию плеч, я была права: – Ну, уж нет! Тогда мы пересядем за отдельный столик.

– Как пожелаете, леди, – улыбнулся Рикиши. – Главное, не забудьте спросить. Это по этикету положено.

Я кивнула и встретилась с заинтересованным взглядом обернувшейся к нам Абагэйл:

– А чего ты все время со своим рабом шушукаешься? Он у тебя, и правда, является хранителем памяти?

Я не стала уточнять, имеет ли она в виду просто то, что он мне все подсказывает или какую-то магическую фишку, и кивнула.

– То есть ты, и правда, ничего не помнишь?! Вот круто! Мне бы так. Раз и пятьдесят восемь лет из памяти как лошадь языком слизала. И все с чистого листа. Йех...

Я натянула на лицо подобие улыбки и поискала взглядом нашу проводницу. Она отвлеклась, чтобы поболтать возле небольшой беседки совсем недалеко от нас с другой девушкой.

– А давай, сами найдем столовую? – предложила вдруг Абагэйл.

– А давай! – согласилась я.

И мы пошли искать.

Глава 7

Помахав рукой нашему экскурсоводу, мы с Абагэйл уско-ренными темпами, чуть ли не наперегонки, двинулись в сторону столовой. Причем так стремительно, что Рикиши едва за нами поспевал, ну или специально отстал, – кто их, нетопырей поймет? Только у входа на территорию вкусных аппетитных запахов мы оказались несколько раньше, чем он. Я уже подносила карточку к специальному зеленому мигающему глазку, но в последний момент одумалась.

– Эй, ты чего? – Абагэйл, стоящая уже с другой стороны открытых дверей, смотрела на меня с изумлением.

– Я подожду Ри... своего раба, – пояснила я. – Его же без меня не пропустят.

– Ну и посидит на улице, с него не убудет, – фыркнула девушка. – Чего он у тебя еле плетется?

– Оставлять нетопыря без присмотра нельзя, – буркнула я, вспомнив пламенную речь суровой дамы перед началом экзаменов.

– Ну, как знаешь. Пойду тогда нам столик займу поудобнее, – Абагэйл скрылась в глубинах столовой, а я развернулась и уткнулась лицом прямо в грудь неожиданно оказавшегося рядом Рикиши.

– Ты же только что был там, – пролепетала я, махнув рукой в сторону тропинки.

– Я умею передвигаться очень быстро, – провокационно вибрирующим голосом сообщил парень и кивнул на ожидающе мигающий глазок: – Леди?..

Двери столовой открылись, и мы вошли внутрь, правда, на Рикиши глазок сначала замигал красным, даже бдзынькнул пару раз, но потом резко замолк, как будто подавился и снова позеленел.

Институтскую столовую времен моего противоречивого прошлого это заведение не напоминало ни разу, хотя по сути отличалось мало. Справа от входа был зал – столики со стульчиками, слева – раздача, а дальше, если приглядеться, за несколькими маленькими окошками пряталась кухня.

Просто стульчики были скорее креслицами, а круглые столики, покрытые кружевными скатертями, могли вместить от силы пару, ну может тройку подносов.

Ото всей столовой веяло милым девичьим уютом и в ней неожиданно царила атмосфера мира и дружелюбия. Даже мое появление не испортило ауру безмятежного спокойствия. Присутствующие в столовой девушки на пару минут перешли на перекрестное перешебечивание, оценивая оглядывая Рикиши, потом перевели взгляды на радостно машущую мне Абагэйл и снова вернулись к тому, чем были заняты до нашего появления.

– Леди? Вы помните?..

– Да, спросить, не против ли твоего присутствия за столом, – чуть раздраженно рыкнула я.

Вот носом чую, он специально отставал, чтобы мы за отдельный столик сели. И намеки эти. Сказать что-то важное хочет? Так у столовой мы наедине были. А теперь на нас искоса, но человек двадцать поглядывает. Интересно, сколько всего девушек в этой академии?

Возле раздачи я сначала потыкала во все блюда, что хотела сама, потом выслушала Рикиши и повторила для полной леди в традиционно-белой одежде повара все, что он заказал. Потому что та демонстративно игнорировала присутствие рядом со мной еще одного человека. Правда, местных тушеных корнеплодов с мясом (у меня в голове это назвалось «азу», а уж как там оно на самом деле, не знаю) положила на пару ложек больше чем мне, стараясь, чтобы в пропорциональном соотношении мясо выигрывало.

Рикиши со своей странной полуулыбкой произнес слова благодарности, оставшиеся без ответа, но, обернувшись, я увидела, как дама осеняет нам спину местным аналогом крестного знамения. В городе нас иногда так провожали продавцы на рынке, поэтому я знала, что это – пожелание добра.

Я так увлеклась обдумыванием странного поведения женщины, что чуть было не забыла про вопрос, который надо было задать Абагэйл.

Девушка посмотрела на меня с недоумением, но кивнула. Зал очередной раз прервался на перекрестное перешушукивание, не то чтобы осуждающее, скорее... просто обсуждающее сам факт, я бы так сказала.

Вообще, я не поняла, чего Рикиши к этому этикету привязался! В городе к нему относились, как к равному, да и в самом поместье он с самого начала ел со мной за одним столом. И при появлении Сонолы на наших уроках никакого усиленного раболепия не наблюдалось... пока у той крышу не сорвало.

Тут в зал вошла наша экскурсовод, огляделась, увидела нас, явно облегченно выдохнула и быстро направилась в нашу сторону. По пути ее пару раз окликнули и задержали, то ли просто поболтать, то ли уточнить, что за странные люди появились в академии.

– Приятного аппетита, – произнесла она, наконец, добравшись до нашего столика.

Мы с Абагэйл вежливо кивнули, потому что здесь тоже считалось неприличным говорить с набитым ртом, а затем по очереди поблагодарили, когда это стало возможным.

Рикиши же встал, подставил девушке третий стул, дождался, когда она сядет, и пододвинул ее вместе со стулом поближе к столу. Потом замер возле своего места, как будто чего-то ожидая. Я нахмурилась, потом сообразила и, повернувшись к вновь пришедшей, уточнила, не против ли она наличия в нашей компании молодого, красивого и очень вежливого мужчины.

Девушка засмеялась и отрицательно помотала головой:

– Конечно, нет. Мужчины в этой академии такая редкость. А молодой – это сколько? Он ведь из истейлов, причем вроде

еще чистокровный, – девушка смешно наморщила лоб, изучая Рикиши.

И тут меня осенило, что я неправильно рассчитывала возраст своего нетопыря. Он ведь действительно был истейл и не скрывал этого. Наоборот, когда я изучала Первую Межмировую, иногда выдавал такие удивительные подробности, будто сам в тех битвах участвовал. А война, в которой Яхолия поработила Истейлию, была четыреста девяносто два года назад. Если бы я включила мозг и не циклилась на Соноле с ее браками, то вспомнила бы об этом. Но меня как перемкнуло. Значит, ему сейчас, примерно, от пятисот десяти до пятисот пятнадцати, как–то так. Не то чтобы мне сильно полегчало, но хоть какая–то определенность во всем этом беспросветном мраке загадок.

– Наичистокровнейший истейл, – ответила я, глядя при этом на Рикиши, так что успела заметить промелькнувшую у него на губах ехидную улыбку.

– Не знала, что их до сих пор где–то разводят, – в голосе нашего экскурсовода прозвучал интерес, плохо спрятанный под пренебрежением. – Сестра недавно себе искала, так весь молодняк уже с яхольскими генами.

Вот как можно сидеть рядом с человеком и говорить о нем и его соплеменниках, как о породистых собаках?!

Мысленно запихнув в копилку тупых вопросов еще один («Зачем так важно, чтобы истейл был чистокровный?»), я положила вилку и ножик на тарелку, перекрестив их, и по-

смотрела на Абагэйл, продолжающую доскребать салат. Значит, придется поддерживать разговор...

– Ну, мне повезло, – улыбнулась я, в последний момент успев заменить этой фразой ту, что просто рвалась наружу: «Наша альменхеттен знает тайные места!». Судя по одобрителю взгляду Рикиши, он оценил мой подвиг.

М–да, еще и двух часов не прошло, как я в академии, а чувствую себя, как путешественник на болоте. Иду и постоянно палкой почву трогаю, чтобы в трясину не провалиться. И злость внутри пульсирует. Злость, обреченность и упрямство. Дойду! Выберусь... И покажу всем... кузькину мать!

Но, вообще–то, Марими и ее подпевалы... все! Даже нетопырская... Все, как один – сволочи! Да, вот так вот резко, грубо, но синонимы в голове только еще более нецензурные. Взяли, слегка надрессировали, чтобы при виде моря не орала и дала бы посадить себя в лодку. Завезли как можно глубже, чтобы берегов не видно... и бросили! Вот что им стоило вручить мне тоненькую книжечку–методичку с подборкой самых основных вопросов и ответов, на которых я могу спалиться? Или мне эту методичку и вручили?

Я посмотрела на Рикиши, прекратившего есть ровно в тот момент, когда я перекрестила нож и вилку. Ну да, вполне возможно, что он мне выдан не как шпион, а как моральная поддержка и опора. Но тогда выдан как–то... через одно место. К тому же я ожидала бы подобной душевной щедрости от Марими, но как раз она настойчиво хотела его у меня от-

нять. Ну, то есть, не то чтобы настойчиво... Только вдруг я бы согласилась?! Не так уж они меня хорошо знают, чтобы просчитывать каждый мой шаг. А заботящаяся обо мне Сонола – это фантастика. Но... других альтернатив не было. И к тому же мне вполне ясно дали понять, что и он, и Сонола даже не сомневались в том, что так все и произойдет: я смогу его прокормить вкусной и питательной энергией во время секса.

Но тогда... как быть со сценой, где прикованный к стене Рикиши жалостливо взывает к своей прежней хозяйке: «Пожалуйста, не поступайте так со мной... Пожалейте... Не надо, умоляю!»?.. Бр–р–р! Я даже плечами передернула, потому что меня опять пробрало до мурашек. Я, как наяву, услышала его шепот... такой настоящий, такой... специально для меня сыгранный?!

Спокойствие, главное, спокойствие! Никто не будет упрекать нетопырей прямо в столовой ножиком для масла. Выдыхаем! Это неприлично и не по этикету.

Тем более что Абагэйл наконец–то доела, и мы можем вылезти отсюда.

– Ну что, теперь я вам покажу библиотеку! – вдохновенно объявила наша экскурсовод, и мы понеслись опять же в отдельное уже трехэтажное здание.

– В столовой у нас два этажа, потому что на первом кухня и обычный обеденный зал, а на втором место для студенческих вечеринок по шестым дням недели. Там весело! А в

библиотеке третий этаж – архивы, туда по пропускам пускают специальным.

Библиотека мне понравилась, даже с учетом того, что мы просмотрели ее галопом. Я даже отвлеклась на какое-то время от процесса пережевывания обиды на то, что Рикиши с Сонолой развели меня хорошо разыгранным спектаклем, как дурочку наивную. Вот ведь застряла после обеда всякая дрянь в зубах, да так плотно, что не выплюнешь.

Сада в академии было целых два – летний и зимний, под крышей. Неизвестные мне цветы, кусты, деревья. Нет, в сад гулять я пойду потом, когда успокоюсь! А успокоюсь я, когда во всем разберусь. А разберусь я во всем сегодня же вечером! И пытаться буду уже по настоящему... Или кормить перестану! Пусть... пусть сдохнет, гад!

Я обернулась и сверкнула взглядом на Рикиши, в отличие от меня не витавшего в паровых выхлопах злости, а спокойно выслушивающего нашего экскурсовода.

Нечего себя обманывать – сдохнуть я ему не дам. Духу не хватит. Даже если пойму, что на самом деле передо мной шпион. Но и жить постоянно в таком напряжении не смогу. Точно не смогу.

И что делать-то? Обманываться самой или позволять обманывать себя? Или расслабиться и пытаться получить удовольствие?

– Ну, вот и наше общежитие, – экскурсия, похоже, подошла к концу, а я и не заметила.

Дорога, по которой мы пришли, разделялась на три – влево, вправо и вперед. Вдоль каждой из них с двух сторон тянулись длинные двухэтажные здания наподобие таунхаусов.

– Ваши комнаты на втором этаже пятого блока третьего дома, триста пятьдесят вторая А и триста пятьдесят вторая Г, – выдала девушка, взглянув на наши пропуска. На них, действительно, стояли эти номера сразу под нашими именами и фамилиями. – Третий дом на центральной линии, слева, – продолжала объяснять нам наш экскурсовод. – Пятый блок и второй этаж, думаю, вы сами отсчитаете. Ну, и буквы на всех номерах стоят. Да вас в другие и не пустят.

Судя по тому, как она начала быстро тараторить, от нас собирались поскорее освободиться, так что мы обе, я и Абаг-эйл, поняли тонкий намек и закивали, рассыпаясь в благодарностях.

– Старшие курсы всегда берут шефство над новенькими. Тут так положено, – пояснила девушка и, уже убегая, вспомнила: – Кстати, мы же так и не познакомились! Меня зовут Карен.

Свои имена мы ей сказать уже не успели. Наш шеф, быстро стуча каблуками, исчезла из виду.

Между входами в блоки здесь были аккуратные зеленые лужайки, только трава, без всяких цветов, но все равно выглядело очень уютно. И сами домики тоже были красивые, не яркие и не блеклые. Светлые. Окна большие. Двери широкие. Лестницы, правда, винтовые, но зато перила резные

и высокие. И ступеньки удобные.

Вбежав в свою квартиру, я огляделась и довольно улыбнулась. Все целиком было чуть побольше, чем моя спальня в поместье Тарнизо, но зато какая родная, привычная планировка! Как будто обратно в свой мир вернулась. Разве что кухни нет, вместо нее маленькая кладовка с большим морозильным шкафом, баром, в котором стояла бутылка с чем-то нежно-розовым, набор ножи́ков на магнитах у стены. По паре кружек, бокалов, десертных вилок и чайных ложек на полке. Ну, и еще пирамидка из блюдец и тарелок.

– Не густо, – констатировала я.

Туалет и ванна были смежные, занимая комнатку едва ли больше кладовой. Зато гардеробная была уже как две кладовки. Потом шла спальня, в которой с трудом помещались: огромная кровать с балдахином, трельяж, журнальный столик, стульчик с подлокотниками, наподобие тех, что были в столовой и пуфик, мягкий такой, уютный...

Последней была небольшая гостиная–кабинет: стол, книжный шкаф, еще пара стульев и... диван.

– Ты будешь спать тут! – радостно объявила я, указав на него Рикиши.

Тот пожал плечами, типа ему все равно, кинул свою сумку на пол и принялся разбирать мою. Платья и туфли – в гардеробную, несколько книг – в шкаф, меховая накидка, муфточка какая-то... Маникюрный набор – ну, надо же! Я бы про него точно не вспомнила. Расчески, ленты, шампунь, зубная

щетка....

М—да, леди Марими продумала все до мелочей. Хотя, скорее всего, меня собирала не она лично, а кто—то из прислуги.

Заключительным аккордом шли кружевные панталошки, чулки, подвязки, корсеты, лифы... Все это Рикиши доставал с непробиваемо серьезным лицом, а я почему—то начинала краснеть... хотя именно этот парень помогал мне одеваться в поместье. Корсет я до сих пор без него затянуть нормально не могу. А вот с чулками и подвязками разобралась и справляюсь теперь сама. Про панталоны с кружавчиками и говорить нечего. Лифы я игнорировала, как класс.

Короче, вываливание нижнего белья на стол меня задело за живое!

Но убить Рикиши я не успела, — в дверь позвонили.

— Это Абагэйл...

Р—р—р—р!

— Мне открыть?

Р—р—р—р!

— Леди?..

— Да!

Пока Рикиши открывал дверь, я быстро закинула ворох белья обратно в сумку и успела плюхнуться на диван с непринужденным видом.

— Ты как? — Абагэйл была расстроенная, и, похоже, едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

— Нормально, — удивленно ответила я, глядя на недавно

вполне довольную жизнью девушку. Ее отпустило ровно в тот момент, как она поела. Тогда она стала производить впечатление приличного члена общества, с которым не скучно будет проводить время.

– Тебя... не удручает все это? – Абагэйл обвела рукой комнату, и я попыталась представить, что тут должно удручать. Хотя, если она все время жила в залах, наподобие моей спальни в поместье, то естественно, у нее стресс по поводу малогабаритности новой жилплощади.

– Меня морально готовили к такому, – по возможности печальным голосом произнесла я.

Рикиши, которого неожиданно скрутил кашель, схватил мою сумку и вылетел в спальню:

– Я сейчас все разберу и принесу вам вина, леди!

– У тебя еще и прислуга есть, – с завистью вздохнула Абагэйл. – Привычная. А мне какую–нибудь дуреху из здешних служанок выделяют. Необученную. Будет шпионить за мной... Правда, тебе тоже выделяют, – обрадовала меня девушка. – Тут так положено.

То есть у меня будет не один, а два шпиона? Замечательно!

– Слушай, а расскажи мне, что бывает с девушками, которые не поступают в академию! – заговорщицким шепотом поинтересовалась я. – А то мне никто не рассказывал дома, а сама я забыла.

– То есть тебя не запугивали, а наоборот, оберегали? –

зависть в голосе Абагэйл стала еще более заметной. – Какие у тебя старшие заботливые.

– Так что бывает–то?! – не дала я сбиться с темы.

– В монастырь, в лучшем случае, если повезет. Но это редко бывает. Чаще замуж выдают за какого–нибудь королька из аборигенов местных, с которым твоему древу или всей Яхологии надо связи торговые налаживать. Ты становишься расходным материалом, понимаешь?! Меня вот очень хотел в жены король свирфнеблинов. Гнилое яблоко ему теперь в пирог, а не я! Лысый сморщенный уродец! – Абагэйл даже голос повысила от излишних эмоций и вдруг расстроено всхлипнула: – Ему теперь сестре–е–енку отдадут!

– Так она, может, тоже поступит, – попыталась я ее утешить.

– Не–е–ет, в АМИС то–о–олько один представитель ветви раз в сто лет может поступи–и–ить. А она через сто лет уже ста–а–арушкой будет! Та–а–ак что по–о–о–ойдет за лы–ы–ы–ысого га–а–а–ада...

Абагэйль рыдала у меня на плече. А я гладила ее по голове, молча, потому что твердить, что все будет хорошо, было как–то глупо. Единственное, я рискнула предположить, что, возможно, лысый гад окажется приличным человеком, но девушка отчаянно замотала головой:

– Он стра–а–ашный, ка–а–ак моя жи–и–изнь...

Тут очень вовремя нарисовался Рикиши с двумя бокалами и бутылкой местного вина. Правда, был шанс, что от ал-

коголя Абагэйл разберет еще больше, но успокаиваться просто так она не желала ни в какую. Судя по всему, у нее был элементарный нервный срыв от переутомления и напряжения последних месяцев. Надеюсь, мой уже прошел.

На пятом бокале, когда в бутылке вина почти не оставалось, а Абагэйль распевала счастливые песни под аккомпанемент скрипки, на которой играл Рикиши... и которую достал из своей сумки...

До меня дошло... Нет, не вино, а мысль! Мысль о том, что раз я – тут, за Алису, а Алиса – там, дома... То, значит, она или в монастырь, или за этого... ну типа этого свифта не блинского?!

И... ик... Какая бы Сонола змея ни была, но неужели позволит без борьбы спихнуть родную дочурку в неблинские дали?! Значит... Значит, что... Что я опять ничего не понимаю!

То есть Рикиши мне выдан не как методичка, а как... Как кто? Как вражина последняя, чтобы гадость ваять на каждом углу? Чтобы я вылетела из академии? Ик...

Я потрясла головой, резко трезвея.

Так, зачем это Соноле, если она сама сделала все, чтобы я сюда поступила? Правда, при этом забыла предупредить о куче важных вещей. Но ведь какая удачная идея с потерей памяти, объясняющая кучу моих лаж и то, что я порой элементарных вещей не знаю и знакомых людей не узнаю... И...

Тут предпоследние алкогольные пары покинули мою го-

лову. Меня зазнобило, да так сильно, что я вцепилась в диван, чтобы два веселящихся собутыльника не заметили, как у меня руки трясутся.

Про потерю памяти Алиса рассказывала ДО последнего заваленного ею экзамена. ДО! Ее сначала объявили больной, а потом отправили на экзамен, который она успешно завалила.

В голове снова зазвучал голос строгой дамы из приемной комиссии: «Я думала, случай с болезнью и комой выдуман леди Сонолой, но теперь верю, что на предпоследней сдаче вы, действительно, были немного не в себе».

Алиса УЖЕ была не в себе... УЖЕ... ДО... Заранее... Или не была, а Сонола сразу после провала на экзамене про потерю памяти и болезнь выдала, для подстраховки? То есть семейка Тарнизо отправляла Алису на предпоследний экзамен, уже зная, что для нее он станет последним? Давали ей последний шанс или были уверены, что завалит?

Неожиданно маленький нюанс – до экзамена Сонола сообщила о болезни и потере памяти у Алисы или после – стал для меня очень–очень важным. Кажется, я нащупала ходовой конец, но пока что все окончательно запуталось в моей бедной головушке. Вот совсем и окончательно. И вообще, пора уже, наверное, спать ложиться? А то завтра будем как огурчики... маринованные.

Хотя сначала бы неплохо прогуляться и подкрепиться.

– Эй, конец веселью, идем на борьбу с похмельем! – объ-

явила я, и, схватив отвратительно трезвого Рикиши под руку, потащила его на выход. Абагэйл вцепилась в моего нетопыря с другой стороны. Мы почти без жертв спустились с лестницы, благодаря все тому же Рикиши. И продефилировали в сторону столовой чинной походкой прогуливающихся благородных леди, разве что слегка пошатывающихся... так это нас подготовка к экзаменам ушатала!

Спрашивать, не против ли Абагэйл присутствия за столом нетопырей, после того как с одним из них она распевала куплеты не совсем приличного содержания, я посчитала излишним. Единственное, помня о том, что Рикиши невидим для тетеньки на раздаче, пришлось самой потыкать в еду для себя, бабы со мной и того парня. Потом мы долго уговаривали Абагэйл съесть хоть немного... ну хоть совсем чуть-чуть... ну хоть ложечку за папу и ложечку за маму. Услышав про «ложечку за папу» Абагэйль снова чуть не разрыдалась, и объявила, что папа у нее прекраснейший человек и единственный, по кому она уже соскучилась... кроме сестры. А еще бабушка у нее отличная! Правда, стерва редкая! Про стерву было сообщено громким шепотом, но при этом на нас никто даже не обернулся, хотя народу в столовой было раза в два больше, чем утром.

Я кивнула Рикиши, что тело пора выводить обратно на природу, пока из него не полились еще какие-то семейные тайны.

– Лучше давайте попробуем все же накормить леди, – за-

думчиво предложил мой нетопырь, доставая из кармана какой-то странный пузырек. Незаметно от Абагэйл он капнул из него на лежащее в тарелке нечто наподобие круглой маленькой помидорки и кивнул мне. Я протянула овощ девушке, про себя молясь, чтобы это не было ядом. Ну, не должен Рикиши так глупо и банально меня подставить... наверное.

Абагэйл заглотила помидорку, по-моему, просто чисто по инерции, а через несколько минут жадно накинулась на остальную еду.

– Потрясающе! – восторженно прошептала я Рикиши. – А почему ты мне такой же химикалии не накапал?

– Вы и так вполне прекрасно справляетесь, – хмыкнул он. – Зачем переводить зря дорогой эликсир? К тому же на пять-шесть часов блокирующий магические способности?

– Действительно... Зачем блокировать то, чего и так почти нет, – обиженно надулась я.

– То есть вы поставили заглушающий купол неосознанно?! Отличная работа, леди!

– Ты хочешь сказать, что я возвела какой-то купол? – от удивления я окончательно протрезвела.

– Ну да, в тот момент как леди Абагэйл начала рассказывать нам про своего отца, вы огляделись по сторонам, возвели купол и продолжили ее слушать.

В моей голове вновь зазвучало уже забытое «Ы-ы-ы-ы-ы!», потому что связно оформить свои эмоции по поводу случившегося я оказалась пока не в состоянии.

Глава 8

Закинув Абагэйль к ней в номер, мы завалились в наш и...

– Леди?... – тихий вкрадчивый шепот Рикиши напомнил мне, что пришла пора кормить ручную зверушку. Мой ласковый и нежный зверь... М–да.

– В меню только кровь! – быстро объявила я, хотя вдоль позвоночника уже все зеленеет, а внизу живота, наоборот, начало разгораться пламя.

– Леди!.. – в голосе Рикиши прозвучали одновременно легкий укор и плохо скрываемое ехидство.

Он подхватил меня на руки и понес в сторону спальни, даже не целуя, просто прижимая к себе крепко–крепко. И в моей голове потихоньку начали отрубаться все защитные механизмы, один за другим. Так что, когда меня положили на кровать, уже без туфель, которые я сама скинула по дороге, но и почему–то без платья... последние бастионы пали.

Обняв Рикиши за шею, я притянула его к себе, целуя, вливая в него свое желание, свою жажду обладать им и, одновременно, отдаваться ему, плавиться от его прикосновений, растекаться от жара его тела. Закинув ноги ему на бедра, я притянула его к себе, обхватив руками и ногами, завладев им, слившись с ним. И, извернувшись, оказалась сверху.

С удивлением посмотрела на лежащее подо мной еще не полностью раздетое тело... Тут же быстро принялась исправ-

лять это странное упущение, стаскивая штаны одновременно с нижним бельем и носками, чтобы потом медленно... садистски медленно сдвигать рубашку, целуя каждый открывающийся участок кожи и наслаждаясь тем, как парень выгибается, втягивает живот или, наоборот, расслабляется. Его пальцы упорно пытались запутаться в моих волосах, перебирая их... по-моему, чисто инстинктивно. Потому что глаза Рикиши были полуприкрыты, и он тихо постанывал от удовольствия. Похоже, отдаваться женщине он умел так же хорошо, как и овладевать ею.

Вскоре рубашка оказалась поднята до уровня груди, а я добралась до темных горошинок сосков. Выбрала в качестве первой жертвы левую и провела по ней языком, по кругу, потом крест на крест... потом сжала губами и потянула вверх... куснула...

– Ле-е-еди...

– Если кто-то не понял, я хочу получить информацию... много! – пояснила, сама не веря в то, что сказала. То есть да, я хочу информацию. Но не сейчас же, когда подо мной так выгибаются, так умоляюще постанывают, так... Ага, умоляюще!

Мои зубы сомкнулись на соске более ощутимо, я едва поборола в себе желание зарычать и замотать головой, как собака с добычей.

Так, сквозь зубы, и процедила:

– Ну! Что за спектакль был с передачей тебя в подарок?

Кто его придумал и зачем?! – Рикиши лишь чуть скривился, причем непонятно, от боли или от удовольствия. Может, он мазохист скрытый, и я тут зря стараюсь?! – Говори, а то откушу!

– Чтобы залечить такую рану, мне понадобится...

– Рики, я тебя съем целиком! Понял?!

– Как вы меня назвали, леди? – парень, резко приподнявшись на локтях, посмотрел на меня со странной улыбкой.

Я, по-прежнему не разжимая зубов, повторила:

– Рики! Будешь себя плохо вести, сокращу до Ри, ясно?!

Рикиши рассмеялся и снова упал на кровать:

– Польщен! Вы придумали мне личное имя.

– А что это значит? – я решила попробовать другой метод добывания информации и, усевшись Рики на бедра, принялась делать скольльзящие движения вперед и назад... чувствуя, как подо мной увеличивается в размерах и без того уже возбужденный член.

– Это... означает... что вы... признали меня... своим, – простонал юноша, выгибаясь и задевая краем головки мой клитор. Отчего слегка угасший жар внизу живота снова запылал со страшной силой и огоньки пламени проникли в кончики пальцев рук... ног... заалели щеки. – Личное имя... Только не называйте меня так при посторонних, пожалуйста.

Интересно, опять спектакль разыгрывает или и правда... это что-то значит?

– А как тебя называла Сонола? – ревниво поинтересова-

лась я, не прекращая возбуждать и его, и себя...

– Не очень прилично, – хмыкнул Рикиши, и, совершенно неожиданно, вдруг оказался сверху, нависая надо мной, заставляя плавиться от приятной тяжести его тела и чувства соприкосновения... проникновения... плавного... осторожного проникновения.

Требовательно сжала руками, ногами, мышцами внутри... все... все – мое! Мое!

Прислушиваясь друг к другу, мы нашли устраивающий нас ритм и начали танцевать. Наслаждаться единением, сливаться друг с другом, отдаваться, растворяться. Чувствовать, как он движется во мне, а мои мышцы сжимают его... Соприкоснуться губами, жадно. Вот он прокусил мне губу до крови. Вот я сжала его губу зубами. Вот... вот внутри меня все взорвалось на сотни... тысячи... миллионы брызг... и мое тело раскаленной лавой растеклось по простыне.

– Рики...

Я замерла, потому что обычно в такие минуты ждешь, что тебя тоже хотя бы назовут по имени, с благодарностью в голосе... или соврут, что любят... или прошепчут, что все было классно... А тут лишь тишина.

Приподнявшись, я наткнулась на настороженно–напряженный взгляд Рикиши. Он смотрел на меня так, как будто у меня рога на голове выросли, или вместо волос – змеи.

– Что?!

– Вы и раньше на вкус были очень похожи, а теперь вооб-

ще просто почти одна кровь...

– У кого с кем? – устало поинтересовалась я, падая на подушку.

– Вы и Сонола. Вас же искали по ее образу, подбирая полностью идентичное сходство, кроме внешнего.

– Это как? – сон как рукой сняло, и я села на кровати, ища взглядом одеяло. Нашла на полу, натянула на себя, укуталась... Стало спокойнее.

Рикиши хмыкнул и потянулся за штанами, молча.

– Я задала тебе вопрос! – раздраженно рявкнула я, не сдержавшись.

– Были найдены три женщины, одну подбирали по максимальному совпадению с Алисой: группа крови, характер, привычки, вкусы. Одну – с Сонолой. Вас. Ну и третья... не важно...

Судя по лицу парня, подробностей о третьей я не добьюсь. Экспериментаторы!

О, как раз самое времечко обсудить слегка забытый в процессе момент.

– Ты мне так и не ответил насчет спектакля с подарком.

– Что именно вас интересует, леди? – теперь у Рикиши голос звучит устало и как-то... обреченно.

– Ты же уже знал, что выживешь, если тебя мне подарят, значит, ты умолял Сонолу, играя свою роль для меня? Чтобы прониклась, испугалась за тебя... так?

– Если я скажу, что нет, вы же все равно мне не повери-

те! – юноша, уже надевший штаны и рубашку, встал с кровати, взял сапоги и направился в коридор.

– Тебя не отпускали! – рыкнула я, тоже спрыгивая с кровати. – Если это не был спектакль для меня, то почему ты ее умолял, зная, что сможешь легко выжить рядом со мной?!

– Может быть, я умолял ее о другом, леди!..

– О чем?!

Рикиши поджал губы, упрямо сверля взглядом пол. У меня в голове закрутились различные бредовые варианты выбивания информации. Даже порка...

– Я сказал «может быть». На самом деле, мне действительно было страшно, – на щеках у парня даже румянец появился, как будто ему стыдно сообщать мне такие подробности. – Гарантий выживания мне же никто не давал. В любви вы не признавались, соблазнить вас не удалось.. Так что вполне могло и не получиться ничего.

Все было логично, и голос звучал естественно, и стыдливость отыграна идеально, и смущение под конец... Но я уже не верила. Хотела бы поверить, но вот...

Однако, прокручивая снова в голове всю сцену с этим дарением, я действительно осознала, что Рикиши ни разу не сказал, о чем именно умоляет. «Не делайте этого. Не поступайте так со мной. За что?» Но разве он просил не отдавать его? Так что, скорее всего, умолял этот засранец о чем-то другом и даже проговорился об этом. Специально или случайно?

Да, вот об этом я с удовольствием подумаю перед сном. Только бы не вспоминать о всяких глупостях типа той, что я – копия Сонолы. Ну, надо же было придумать! Искать женщину, внешне похожую на дочь, но чтобы по повадкам и группе крови была копией матери. Упс!

– А у Алисы и Сонолы группа крови разная? – дошло до меня, как до жирафа.

– Да, – буркнул Рикиши, продолжая стоять на одном месте и сверлить взглядом дырку в полу.

– То есть любая проверка.

– Никто не знает группу крови Алисы, кроме леди Мари-ми и леди Сонолы.

Ну и славно. А то, могли и в этом подставить, за ними не заржавеет. Потеря памяти. Кома. И смена группы крови после болезни. Почему бы сразу было всем не объявить, что я подменыш? Зачем идти такими окольными путями, не понимаю...

– Ты сыт, я надеюсь?

– Да, леди, спасибо! – Рикиши отвесил мне поклон, как младший член рода – старшему и замер, следя за мной и ожидая чего-то.

– Тогда спокойной ночи, Рики, – улыбнулась я, не знаю чему, и махнула рукой: – Можешь идти.

Настороженная напряженность пропала, парень выдохнул, расслабился и тоже улыбнулся:

– Спокойной ночи, леди.

С большим удовольствием я бы поспала с ним на одной кровати, но... Высокие у нас отношения, высокие!

Утро началось с землетрясения. Земля... Нет, я тряслась. Нет, меня трясли!

– Леди, леди! – громкий визгливый женский голос разгонял сон, разрывал приятное теплое состояние покоя и уюта на кусочки. – Уже утро, леди!

– Вы кто? – приоткрыв один глаз, поинтересовалась я у бесцеремонной дамочки.

– Ваша прислуга, леди, от академии.

Женщина вытянулась у кровати, позволяя ее рассмотреть. Но наше знакомство прервалось криком, визгом и потом странным шмяком на лестничной площадке.

– Это леди Абагэйл. Знакомится со своей служанкой, – пояснил появившейся в дверях спальни Рикиши.

– Ну, если ее так же разбудили, как меня, то странно, что мы не услышали, как кто–то скатился вниз с лестницы, – пошутила я зловеще–предупреждающим голосом.

Дамочка с каменным лицом продолжала стоять рядом с кроватью, держа в руках мое вчерашнее платье. Чистое, надо заметить, и поглаженное.

– Как вас зовут? – поинтересовалась я, выползая из–под одеяла и опасливо трогая босыми ногами пол. Похолодало тут, что ли?

– Тэлефия, – выдала дама с гордым видом и уточнила, поглядывая на мои манипуляции: – Я проветрила помещение,

прежде чем вас разбудить.

М—да... Сейчас кто—то составит компанию жителю лестничной площадки.

— А с чего вы решили, что мне это понравится? — я сладко потянулась, и мне всучили в руки платье.

— Это полезно для здоровья, — буркнула Тэлефия, помогая мне одеваться. Я стоически терпела и, судя по лицу женщины, она тоже удовольствия от процесса не получала. — А еще тут был такой запах... — добавила дамочка, осуждающе поджав губы.

Выкидывать ее на лестничную площадку было лень, но осадить сразу придется, иначе на шею сядет.

— Значит так. Первое правило: будить меня может только мой слуга, ясно?

— Мужчина?! В комнате у незамужней девушки?! — на меня посмотрели осуждающе—сжигающим взглядом. — Я вообще не понимаю, как вам позволили...

— Не понимаете, и хорошо, — миролюбиво улынулась я, давая шанс даме заткнуться.

Тетка оказалась занудной моралисткой, но умной и обученной, потому что этим шансом воспользовалась. Интересно, что досталось Абагэйл, раз она своей так запульнула?

— Ваше расписание на сегодня, — протянула Тэлефия мне исписанный убористым почерком листок.

— Спасибо, — кивнула я, обдумывая, как бы повежливее выставить ее из номера. Ну, не будет же она у меня жить все

время?.. Надеюсь... О! – Скажите, что будет входить в ваши обязанности?

– Будить вас по утрам, помогать вам одеться, помогать вам раздеться, следить, чтобы ваша одежда была в порядке, прислуживать вам за вечерним и послеобеденным чаем. А также поддерживать порядок в комнатах, – оттарабанила женщина все с тем же каменным выражением лица и спиной, как будто палку проглотила.

– Будить меня по утрам вам уже не надо – мне не понравилось, как вы это делаете. Чай тоже вычеркиваем. И одевание с раздеванием. Ваши обязанности – чистота и порядок в номере и приличный вид у моей одежды. Все остальное будет делать мой слуга.

Судя по выражению лица Тэлефии, масштабы ее презрения ко мне достигли невиданных размеров. Ну, и пусть...

Я покрутила в руках расписание занятий, последний урок заканчивался в пять вечера. Отлично.

– То есть приходите каждое утро, приносите мне расписание, приводите в порядок мою одежду, дожидаетесь, пока я уйду на занятия, убираетесь в номере и можете считать себя свободной до следующего дня.

– А если вам что-то понадобится? – презрение ко мне начало резко сдуваться от запаха халявы.

– Вряд ли это будет что-то уж очень срочное, что не потерпит до утра следующего дня, – успокоила я дамочку.

– Мыться леди тоже будет без меня? – от переизбытка

скепсиса губы у Тэлефии превратились в тоненькую ниточку.

– Да, – кивнула я, не вступая в уточнения, что вообще-то привыкла это делать одна. Пусть думает, что меня моет Рикиши, – ее так смешно скручивает от таких мыслей... – Ну все, мы пошли на занятия, успешной уборки.

– Слуг на занятия не пускают! – гордо выдала дамочка, уставившись на меня с осуждающим вызовом маньяка нравственности.

– А моего пустят! – уверенно ответила я, хотя на самом деле сомневалась. А вдруг...

Но все обошлось. Просто нас с Абагэйл посадили за первые столики, а Рикиши – в самый конец.

В аудитории присутствовало всего пятнадцать девушек, у каждой был отдельный столик. Пять в ряд. Всего рядов было четыре, так что у моего нетопыря оказался богатый выбор, куда пристроить свою прекрасную задницу.

– Слушай, а где все остальные? – шепотом поинтересовалась я у Абагэйл. – Поступало же человек сто, а то и больше...

– Отбирают по количеству набранных баллов и родовитости, – тоже шепотом пояснила моя соседка. – Те, кто набрал достаточно баллов, будут приняты без экзаменов на следующий год или через год.

Тут классная дама (именно так она представилась: «классная дама Флоринда») строго посмотрела в нашу сторону, и мы заткнулись. Классная дама, класс и столики закрепля-

лись за нами на все время обучения, то есть на последующие четыре года. Именно здесь нам будут преподавать всю теорию, а вот с практикой придется побегать, как я понимаю.

Нам принялись рассказывать об истории Академии, насчитывающей более тысячи лет, о великом призвании каждой из выпускниц продолжить род мужа, навсегда связав его мир с миром Яхолии через наследника, или поспособствовать смене правящей династии, иногда жертвуя своей жизнью. Все это рассказывалось так спокойно и обыденно, что паразитские мурашки снова активировались. Страшнее всего было то, с каким воодушевлением все присутствующие девушки слушали этот бред про самопожертвование. По-моему, Абагэйл было бы лучше у этого свиннеблинна или как там его, блин!

И тут прозвучало самое страшное...

– Некоторые из присутствующих здесь девушек уже были выбраны, например, леди Элис Тарнизо еще с позапрошлого года предназначена в жены принцу Ноакиндомской империи мира ТинНигх. Мы даже подозревали, что ее постоянное заваливание экзаменов делается в знак протеста против выбранного супруга. Это казалось нам очень странным, учитывая, что именно родственница леди Элис, леди Сонола Тарнизо, поспособствовала восшествию на престол отца ее будущего мужа.

Я закаменела за столиком. Вот оно... Вот теперь все сложилось. Меня подставили! Караул, спасите, помогите! К га-

далкам не ходи, Алиса, действительно, заваливала экзамен за экзаменом, чтобы не выходить замуж за этого принца! И мамочка решила ей подыграть. Да, похоже, очень «привлекательный» брак, судя по тому, с какой жалостью смотрят на меня однокурсницы... Так... ТинНигх... ТинНигх..

Вспомнила! Это мир рядом с Истейлией, воевавший на ее стороне, но сумевший отстоять свою независимость в отличие от менее удачливого союзника. Значит, королевскую династию, победившую в той войне, Сонола сменила. Ясно, каким способом, тоже к гадалке не ходи.

А мне—то что теперь делать? Орать что я – не я? Только мне и поверили. У меня же даже справка есть, грубо говоря, о том что я не совсем в себе. То есть я – в ТинНигх, а родная доченька за какого—нибудь местного Свиннеблина Синнебрюховича?! Пластическая операция на лице и в нашем мире не проблема, а уж тут, вообще, минутное дело, наверное. А если еще и омолодят слегка... Не докажешь никому, что я не Алиса.

– Леди Элис, с вами все хорошо? – заботливый голос классной дамы вывел меня из панического транса и вернул в мир людей. У меня впереди еще четыре года. Или ишак умрет, или эмир... Или Рикиши! Знал ведь... Знал ведь, сволочь! Знал!.. Я ему такое личное имя... Я ему такое... Да я его.

– Да леди, спасибо, я просто забыла об этом... а сейчас вспомнила. Вам, наверное, сообщили, что у меня бывают

провалы в памяти?

– Да, – классная дама кивнула, глядя на меня с сочувствием. – Но я думала, что такую новость, как имя выбранного мужа, ваши родственники сообщат вам сами, – в голосе леди Флоринды прозвучало плохо скрываемое осуждение и легкое недоумение.

– Меня оберегали, – хмыкнула я. Как и положено настоящей благородной леди, прикрывая своих родственников. На самом деле мне хотелось их всех придушить, но о мести надо думать на холодную голову.

– Очень зря, потому что ваш жених вскоре посетит Яхолию с дружественным визитом, и вам следует быть готовой к встрече с ним. В первую очередь, морально, конечно. Но и традиции ТинНигх и, конкретно, Ноакиндомской империи следует восстановить в памяти, чтобы не опозориться самой и не опозорить Яхолию.

Да плевала я на вашу Яхолию с высокой колокольни! Р–р–р!

Спокойствие, главное, спокойствие! Но было поздно. Звон разбитого стекла, брызги блестящих мелких осколков... И в аудитории больше нет окон.

– Леди Элис... Мне кажется, что вам следует выделить отдельного преподавателя по маговедению, – невозмутимо констатировала классная дама, одним взмахом руки восстанавливая все как было.

Однокурсницы посматривали на меня кто с уважением,

кто с завистью. Мне же хотелось упасть лицом на столик, закрыться руками и рыдать... рыдать... рыдать. Ненавижу! Отомщу! И в первую очередь, конкретно, одному нетопырю отомщу...

Упокою. Камикадзе несчастный! Подарочек! Он что, самурай доморощенный, не понимал, что я его пришибу, когда все узнаю?! Да я же...

Так, улыбаемся, на нас смотрят! Улыбаемся и машем...

– Может быть, вам следует немного проветриться, леди Элис?

– Нет, спасибо, не стоит пропускать первые занятия из-за такой мелочи. Простите. Уже все хорошо.

Судя по одобрительному взгляду классной дамы, мой ответ ей понравился. А я просто знала, что если сейчас пойду проветриваться, то могу совершить что-нибудь необдуманное. А если за мной попрется нетопырь-камикадзе, то точно совершу... продуманное. Убью же, заразу! Придушу...

– Ну что ж, давайте перечислим дружественные Яхолии миры, с которыми у нас дипломатические отношения.

Глава 9

– Леди?

– Отвали! – рыкнула и тут же обернулась, поэтому успела заметить промелькнувшее на лице у Рикиши недовольное выражение. Нет, ну точно камикадзе. Я только огнем не выдыхаю, а он нос морщит, потому что выражаюсь прескверно? – Или сядь и расскажи всю правду.

Парень хмыкнул и посмотрел на меня очень странно.

Я игнорировала его присутствие во время занятий. Успешно делала вид, что не замечаю его в столовой. Лишь поставила перед ним тарелку с какой-то странной зеленой дрянью, типа пюре из брокколи, за что получила осуждающий взгляд от дамы на раздаче. Абагэйл сначала недоуменно поглядывала то на меня, то на Рикиши, а потом вообще перестала замечать происходящее. Здесь тоже была поговорка, сходная по смыслу с нашей «Милые бранятся – только тешатся», вот она и решила, похоже, что мы так развлекаемся.

То, что у меня с моим рабом «высокие отношения» Абагэйль еще вчера отметила, как мы ни старались конспирироваться. Да, если честно, еще тот из меня рабовладелец, но зато злая фурия может получиться наипрекраснейшая, и как раз сейчас я плавно в нее преображалась. А ведь думала, что за день успокоилась... Нет, просто злость накапливалась, чтобы вырваться на волю ближе к вечеру, когда мы останем-

ся наедине.

– Правду! – рыкнула я так, что сама испуганно оглянулась. Стекла целы, пожаров нет. Так, надо держать себя в руках, а то мало ли, есть какой-то временной период, когда номер восстановить из пепелища можно, а потом уже все?

Нет, я зла... Очень зла! Но не настолько, чтобы спалить сейчас все мосты, разрушить созданную Сонолой легенду, выдать всех Тарнизо с потрохами и воткнуть нож в грудь единственного человека... ну, пусть не совсем человека... из которого можно, хотя бы гипотетически, вытрясти правду.

Очевидно, Рикиши тоже вспомнил о выбитых стеклах и о шансах сгореть вместе с номером, потому что примиряюще выставил вперед руки и очень ласковым голосом произнес:

– Да, леди! Что именно вы хотите услышать?

Вот, лучше бы ему не задавать таких дурацких вопросов! Пара шагов, и я оказываюсь рядом с ним, чтобы уставиться ему в лицо, просто излучая злость и недовольство.

– Все! Все с самого начала!

– Я, – Рикиши, откинув голову, оперся спиной о стену, и, прикрыв глаза, очень тяжело задышал, примерно так же, как у Сонолы... бледнея на глазах. Вот появился пот над верхней губой... капелька пробежала с виска по скуле...

– Рики? – злость отхлынула почти сразу, уступив место страху, страху за него, за моего мужчину. Да, скрытного и, возможно, завравшегося вконец, но моего. «Надо учиться быть жестокой», – как-то отстраненно подумалось вдруг

будто бы не мной. Отбросить жалость, надавить... Его жизнь в моих руках... В моих же?!

– Рики! Смотри на меня! – я не орала, не истерила, просто спокойно приказала... пожелала... и он открыл глаза.

Боль... Внутри него была боль, и он сейчас боролся с ней, прокусывая губу до крови, теряя связь с реальностью.

– Что с тобой происходит?!

– Вы злитесь на меня и забираете мою силу, – выглядел Рикиши, по-прежнему не очень хорошо, но помирать на моих глазах явно передумал.

– Тогда, отдавая тебя мне, Сонола делала то же самое? – догадалась я.

– Да. Она выкачала из меня больше половины, – Рикиши тихо сполз по стенке и уселся на пол, глядя на меня оттуда снизу вверх. – Я понимаю, что вы сердитесь, леди. Но есть правда, которую я не смогу рассказать вам. Иначе леди Сонола узнала бы через меня все тайны леди Марими. Понимаете? Во мне запечатано очень много секретов. Я их знаю и буду оберегать вас по мере своих сил, но поделиться ими ни с кем не смогу. Даже с вами.

Не совсем четкая связь от знания секретов до оберегания меня настораживала, но почему-то стало очень приятно. Меня будут оберегать. Хотя циничная взрослая тетка, еще не окончательно выбитая из моего омолодившегося тела восторженной влюбленной дурочкой, решила воспользоваться и уточнить парочку моментов. И начать я решила с

ключевого.

– Но, не считая приказа хранить секреты прежних хозяек, – грандиозный облом, пусть подсознательно я и согласна, что правило логичное, – в остальном ты мой полностью или у тебя есть еще пара–тройка приказов? – Рикиши молча продолжал смотреть на меня снизу вверх, запрокинув голову. – Рики, я хочу понять, кто рядом со мной! Любовник, шпион, предатель, бомба с часовым механизмом... КТО?!

– Не понимаю ваших сомнений насчет первого пункта, леди, – кривая усмешка на бледно–розовых губах выглядела... впечатляюще. Но сдается мне, что какая–то зараза снова собирается замять тему, весело провести время, восстановиться и оставить меня с кучей вопросов.

– А что ты можешь сказать насчет второго?

– Мне не приказывали за вами шпионить, леди.

Так... Так... Нет, не так!

– Ну, а если Сонола явится и прикажет тебе рассказать все, что я делала, с кем общалась, о чем с тобой делилась... то?!

– Если вы не прикажете мне молчать, то я обязан буду ей рассказать, – и снова кривая усмешка. Кажется, я очень хочу кого–то выпороть! Долго... получая удовольствие от каждого хлопка. Да, рукой! Я очень хочу делать это рукой... Ладонью. По заднице. Пока силы не закончатся.

Уф... Ну, хоть не придушить на месте тянет, и то хорошо.

– А если Сонола прикажет тебе меня подставить? Совер-

шить что—то, что мне навредит?

Я уже процентов на девяносто девять знаю ответ. Спокойствие, главное, спокойствие. Хотя перед глазами уже мелькает чья—то прекрасная задница, по которой я от души, с размаха опускаю ладонь раз за разом. Я даже звуки хлопков начинаю слышать! Выпороть! Не так, как Сонола, плеткой, в воспитательных целях для зрителей. А в целях воспитания объекта рукоприкладства! Как нашкодившего... засранца! Улыбается он мне тут... Весело ему!

— Если в формулировке приказа от леди Сонолы не будет ничего, четко подтверждающего ее намерения навредить вам, то я буду обязан его выполнить.

— Если я не прикажу тебе никогда больше не слушаться Сонолу, верно?

— Да, леди.

Вот ведь бледный, до синевы, контур губ едва заметен... усмешка его раздражает до невозможности! А вместо желания прибить, придушить, взять за уши и стучать головой о стенку... Нет, целовать прямо сейчас точно не буду, не сдохнет!

— А что у нас с леди Марими? То же, что с Сонолой?

Судя по заматавшемуся буквально на секунду взгляду, с первой хозяйкой ситуация была посложнее. Точно, он же к ней меня притащил, когда я знакомство с Алисой потребовала. Потом ему Марими приказала, чтобы Сонола ничего не знала о нашей с ней встрече. Даже не приказала, а просто

дала понять, что ей этого хотелось бы. И никто никому не рассказал, уверена.

– Если я прикажу тебе ее не слушаться?

– Я выполню ваш приказ, леди, – только вместо того, чтобы с кривой ухмылкой уверенно посмотреть мне в глаза, Рикиши принялся изучать пол.

– Но?..

– Во время обращения леди Марими вдохнула в меня свою магию и свою энергию. В любой момент, как только ей захочется, она сможет забрать все это обратно.

– То есть тебе придется выбирать между моей жизнью и своей?

Да уж, отличный подарочек, ничего не скажешь. Как только я пойду против Марими, та взмахнет ручкой, и у меня минус один нетопырь?! Супер, что я еще могу сказать?

– Так, есть какой-то специальный текст, в котором будет учтены все тонкие нюансы и подводные камни, связанные с твоими прежними хозяйками? – отбросим переживания в дальний угол и будем думать о делах насущных.

– Да, леди, есть специальный обряд.

Судя по тому, что эта зараза опять изучает пол, или в обряде есть подводные камушки, или сам обряд – еще тот булыжник.

– И!?

– Я не могу вам его рассказать, леди, – усмешки опять нет, так что, поздравляю, Шариков, мы в жопе. Хотя у ме-

ня же есть Абагэйл и Карен. Они, наверняка знают. Но тут, чтобы никто не сбежал из задницы, последовало продолжение: – Такие обряды придумываются для каждого нетопыря отдельно его первой хозяйкой. Конечно, вторая сможет повторить то, что сделала первая... если та захочет.

Как там, в книгах, обычно пишут? Непереводимая игра слов? Да, вот именно ее я и выдала. У меня в номере бомба с часовым механизмом, которую может разминировать только или Марими, или Сонола. Иначе она в любой момент может взорваться... подставить, предать.

– И что же мне делать? – я опустила на пол, рядом с Рикиши и уткнулась ему в плечо.

Главное – не разреветься, пусть глаза уже на мокром месте.

– Ну... вы можете пока наприказывать мне кучу всего, а я честно буду выполнять, что смогу, – юноша обнял меня и прижал к себе, крепко–крепко.

– Угу, – я вспомнила, что собиралась кого–то выпороть и, не удержавшись, всхлипнула. То ли от жалости к себе, то ли к несбывшейся фантазии. Сейчас хотелось обнять и не отпускать. И не отдавать. Никому!

– Нет, леди, так дело не пойдет! – Рикиши подхватил меня на руки, и, ожидаемо, потащил на кровать.

– Поставь... не хочу... не сейчас, – сначала активно, потом все слабее и слабее отбивалась я. Скандалить и одновременно целоваться было очень сложно, так что надо было

что-то одно из двух отложить на потом. Я решила отложить скандал. И отчаянно впилась в чужие губы, родные и одновременно такие чужие, близкие и далекие. Может, у меня на него это... как его... запечатление? Привязка? Что там еще бывает в фэнтезийных романах? Приворожил, околдовал, приручил. Жар дыхания, теплые прикосновения, нежные и страстные одновременно... Ну, нельзя так неприлично таять от одних только поцелуев, пусть даже ты влюблена в целующего тебя до потери разума и чувства самосохранения.

– Рики! Я...

Вот это да! Мы еще не начали, а Рикиши уже снова как новенький. Ну и отлично, значит, моя совесть будет абсолютно чиста, если сегодня никакого секса не будет. Я устала! И вообще, как тут выяснилось, я без пяти минут замужем. Как такая мелочь выскочила у меня из головы?

– Расскажи мне про моего будущего мужа!

Рикиши, упираясь ладонями в кровать, завис надо мной, изучая выражение моего лица. Я постаралась излучать максимальную непреклонность. Судя по тяжкому вздоху – получилось.

– ТинНигх – мир, в котором нет единого централизованного правления, как на Яхолии. Там много разрозненных суверенных королевств. Те же глубинные карлики, свирфнеблины, образуют там свое маленькое независимое государство, тогда как здесь их независимость и суверенитет ограничены королевской властью. Они могут сами вступать в тор-

говые и дипломатические отношения, но воевать с соседями—дроу, которых наши свифтнеблины искренне ненавидят, им запрещено. Только гадить исподтишка могут, – подмигнул мне Рикиши, и я, не удержавшись, улыбнулась ему в ответ. – Дроу на Яхолии самое независимое государство, почти отдельное, не считая ежегодных выплат налогов и обязательного пополнения армии Яхолии мужчинами—воинами. Ну, и договора об участии дроу в военных экспансиях, в каких король посчитает необходимым.

Странно, но в книгах, которые я читала, ни слова не было не про свифтнеблинов (наверное, я никогда не выучу, как они правильно произносятся!), и уж тем более, про дроу. Уж я бы ни пропустила!

Мы улеглись на кровати, рядышком, причем я положила голову Рикиши на плечо, а он обнял меня обеими руками и прижал. И было так хорошо, тепло, удобно, уютно, надежно в этих объятиях. Думать о неожиданно свалившихся в нашу идиллию бывших хозяйках и будущих мужьях совершенно не хотелось. Но надо...

– Рики, – меня нежно поцеловали в макушку, и я снова на полминуты растеклась у него по груди, вспоминая, что же хотела спросить. – А почему в учебниках только про людей написано?

– Высшая раса, – судя по голосу, мой нетопырь не причислял себя к людям и относился к этой расе не очень хорошо.

– Ага... А Ноакиндомская империя на ТинНигх, это?..

– Дроу.

– КТО?!

Я вывернулась, села на кровати и уставилась на Рикиши испуганно–ошалело–восторженным взглядом.

– Меня отдадут замуж за принца темных эльфов?! – тут я вспомнила, что если верить Роберту Сальваторе, практически создателю канонических дроу в моем мире, они живут под землей в пещерах и моя восторженность слегка потускнела, а испуга прибавилось. Потом пришло еще одно воспоминание. – А почему принц? У них разве не матриархат?

– Матриархат, – успокоил меня Рикиши. – Но жертвовать своими мужчинами, отдавая их в мужья женщинам из Правящего Дома, Яхолия не готова. Поэтому браки заключаются между благородными яхолийскими леди и принцами Ноакиндомской империи. Вы будете уже второй принцессой со стороны.

– Первой была Сонола? – я нервно поежилась. Что–то мечта–сказочка о браке с темным эльфом преобразовывалась в страшилку. Может, благодаря интонациям в голосе рассказчика? Или собственному подсознанию, радостно вываливающему на меня хмурые стены подземелий, мрак, холод, суровых женщин с этими... как их... плетками с головами змей... и вообще, там тлен и безысходность, и кругом враги... и пауки! А я этот... арахнофоб!

– Да, леди Сонола. Она умудрилась не только выжить, но и рассорить два первых Дома, после чего Правящий Дом был

уничтожен полностью, в живых осталась только сама леди Сонола и ее сын.

– Сын?!

– Да, сын. Полукровка. Старший брат леди Алисы.

В голосе Рикиши зазвучало даже не сочувствие, а жалость. Нет, возможно, с братом меня не познакомили, потому что он как бы слишком крут и, вообще... Но есть у меня смутные подозрения.

– Он остался там?

– Да.

– И что с ним?

– Откуда я знаю, леди? – Рикиши уставился на меня с честным и искренним выражением удивления на лице. Но я уже каким-то внутренним чутьем понимала – врет.

– Рики!

– Это из тех тайн, которыми мне нельзя делиться, леди, – хмыкнул парень, поглядывая на меня с уважением. – Забавно, что вы, как и леди Сонола, чувствуете ложь.

Я нахмурилась, обдумывая, почему у меня с только что упомянутой леди как-то слишком много сходства.

– А ты знаешь как происходит поиск и перенесение таких вот иномирянков, как я?

– Берется специальный поисковый артефакт, в него загружается визуальное изображение разыскиваемого и добавляется несколько капель крови того, на чьи показатели надо ориентироваться. Через пару суток появляются первые ре-

зультаты...

– Артефакт заправлялся кровью Сонолы? – как в детской игре в «горячо–холодно», мне уже хотелось крикнуть «осторожно, обожжешься!».

– Да, и что интересно, вас он выдал первой в списке, как стопроцентное попадание.

Супер! В пору самой головой об стенку побиться... Я – клон Сонолы?! Спокойствие, главное, спокойствие!

– Слушай, а почему от всех участниц забега скрывалось, что мы погибнем в своих мирах?

Рикиши странно посмотрел на меня, как будто я глупость спросила.

– Представьте, что вы еще в первый день понимаете, выбора у вас нет, просто нет. Шанса вернуться обратно нет. Вы заперты в этом мире навсегда. Ваши действия, леди?

Я задумалась. Так, сначала бы я паниковала, потом порыдала, потом...

– В первую попытку от участниц не скрывали, что они умерли в своем мире. И, хотя в условия отбора входили любовь к фэнтезийным книгам, отсутствие привязки в старом мире и страсть к учебе, все равно в Академию на пересдачу пришлось ехать настоящей леди Алисе. Потому что у девушки, которая идеально подходила ей на замену, случился нервный срыв на втором месяце обучения. Еще одна леди просто не поверила в свою смерть и потребовала вернуть ее обратно. А третья девушка переволновалась и завалила те-

стовый экзамен. Так что в этот раз решили не рисковать. Все участницы до последнего верили, что в любой момент смогут вернуться, и у них просто такие странные каникулы. А когда они все сдадут, их ждет экскурсия по незнакомому миру с шансом в нем остаться, если понравится. Поэтому и для них, и для вас все происходящее было как состязание, соревнование, конкурс на звание лучшей ученицы иномирья, верно?

Я согласно кивнула. Да, именно так и было...

– А если бы вам сказали, что при проигрыше вы умрете?

– Ну... Я бы какое-то время рефлексировала, от души. И только потом... Но у меня же мог случиться нервный срыв после того, как я узнала правду?!

– Риск, конечно, был. Поэтому леди Сонола его минимизировала. Мной. А вы все три месяца учились, упорно впитывая информацию. Вы очень настойчивая, леди Икари, – Рикиши улыбнулся и неожиданно притянул меня к себе, тут же оказался сверху, и его губы отвлекли меня от неприятных размышлений. Но полностью расслабить мой мозг даже такому опытному любовнику оказалось не под силу, так что вскоре я объявила, что нам пора спать. И, плюнув на этикет и приличия, уснула в обнимку со своим нетопырем. С ним, оказывается, так сладко и так крепко спится...

Следующие несколько недель я была занята поглощением новых знаний и повторением старых. Теперь нам подробно рассказывали и о других расах, населяющих Яхолию, и о

других мирах, окружающих нас, и о расах этих других миров. А еще о том, как должна вести себя благородная воспитанная леди в королевстве Икс мира Игрек и в королевстве Игрек мира Икс. У меня голова пухла от обилия новых названий, новых важных дат, новых имен... Судя по тяжким вздохам однокурсниц, пухла она не только у меня.

В первые же выходные бедняжка Абагэйл снова упилась в зюю, чтобы по секрету сообщить мне, что она уже жалеет о своем свинеблинском корольке.

– Ну и что, что лысый... ну, и пусть мне по пояс... но зато я бы выучила только его род до восьмого колена и все! Все! – жалобно икала она мне в плечо.

Закончилось наша вечеринка уже традиционным распеванием песенок в обнимку с моим нетопырем. После чего Рикиши отнес мою подружку, уже плохо державшуюся на ногах, в ее номер и вернулся лишь спустя час, отвратительно пахнувший ее губной помадой и духами.

– Что бы это значило? – голосом ревнивой жены со скалкой в руках поинтересовалась я.

– Вы вроде бы не запрещали мне спать с другими женщинами, – хмыкнул плятский нетопырь, поглядывая с хитрой и ехидной ухмылкой. Потом подхватил меня на руки и понес на кровать: – Леди, вы такая красивая, когда ревнуете! – А когда я сказала, что пока он не примет душ, никакого секса не будет, потому что от него чужой бабой пахнет, Рикиши, вообще, разумилялся вконец. И, в итоге, мылись мы вместе,

в узкой ванночке, едва ли шире тех, которые встречаются в моем мире. Но мы умудрились запихаться в нее вдвоем, вылив часть воды на пол. И я долго и яростно смывала мочалкой ненавистный запах.

– Ты ведь не спал с ней?! – уточнила я, уже привычно устроившись на кровати в крепких, надежных объятиях.

– Конечно, нет, у меня же есть вы, – даже в темноте я знала, что Рикиши улыбается. – Она просто снова плакала, а потом поцеловала за то, что я славный и так ее понимаю, – чувствуется, что мой собеседник с трудом сдерживает смех.

Действительно, забавно. Одна из благороднейших леди, будущая надежда Яхолии, выпивающая брудершафт с рабом, да еще потом рассказывающая ему, какой он милый и понимающий. Обхохочешься! Тяжелое у Абагэйл было детство, похоже. Очень тяжелое.

– Давно уже меня не ревновали, – прошептал Рики, нежно целуя меня за ухом. – Я даже забыл, насколько это приятно, когда ты безразличен кому-то...

– Следующая сцена ревности закончится рукоприкладством, – предупредила я строгим сонным голосом.

– И у вас, правда, поднимется рука? – снова улыбается, засранец... Вот чувствую, что улыбается.

– И поднимется, и опустится! За удовольствие надо платить, – буркнула я, ерзая в его объятиях, чтобы прижаться как можно плотнее.

– Вы, правда, думаете, что я так усну? – ехидно проком-

ментировал Рикиши мои действия.

– Я уже ничего не думаю. Я сплю... Спокойной ночи!

Глава 10

За стенами академии кипела бурная городская жизнь. Это я выяснила на второй неделе учебы, когда внутренний протест по поводу того, что меня уже не единожды развели, как младенца, слегка утих, голова перестала пухнуть, а запас расслабляющего напитка закончился.

– Рикиши, а как у нас с финансами? – лично мне никаких денег в руки не давали, но было бы странно, если бы у девушки из такого влиятельного рода не было наличных.

– В городе есть банк, там вам выдадут любую сумму, в разумных пределах, конечно.

– Отлично!

– Рики, а давай купим тебе новую шпагу? – поинтересовалась я, едва мы оказались за воротами академии. Нет, то есть сначала мы вышли, перешли по мосту над довольно внушительным рвом и вошли в другие ворота – городские. И тут мне стало не по себе.

Я, вообще, не очень люблю людей, то есть я их люблю, но не в большом количестве. Особенно, когда они все куда-то торопятся и постоянно толкаются. По большой дороге с грохотом проскрипела телега с какими-то бочками, потом проскакали мужики на лошадях, потом снова телега. Движение по тротуарам тут было одностороннее. По тому, который слева от ворот, народ шел вперед, а по тому, что спра-

ва – назад. И у меня в первый момент создалось ощущение, что если попадешь не в свой поток – затопчут. Честное слово – затопчут! Хотя, потом, сделав вид, что взяла Рикиши под руку, а на самом деле вцепившись в него, сжав пальцы и прочувствовав каменные напряженные мышцы, я слегка успокоилась. Сильный у меня мужчина рядом. Но когда он со шпагой, мне еще спокойнее.

Тут нас как раз попытался обогнать какой-то мужик с большой сумкой-коробом за спиной, ну прямо медведь из сказки про Машеньку, только в сочно-синем халате! И из сумки, кстати, аппетитно пахло чем-то сдобным, так что живот сразу скрутило. А вроде бы только что позавтракали...

Я, ойкнув, прижалась к Рикиши, одновременно, похоже, спасла жизнь мужику. Выражение лица у моего нетопыря не обещало этому несчастному ничего хорошего.

– Смотри, куда прешь! – не думала, что услышу когда-нибудь от Рики столь грубую фразу, да еще и сказанную с таким пренебрежением в голосе.

– Простите, господин! Простите, леди! – остановившись, медведь принялся извиняться, создавая при этом пробку. Нас принялись обходить по кругу, выскакивая на дорогу, по которой медленно, друг за другом, ехали телеги. Скандала мне не хотелось, так что я потерлась о плечо Рикиши, и он, презрительно искривив губы, махнул свободной рукой. Мужика как ветром сдуло вместе со вкусным запахом сдобы.

– Воскресная ярмарка, – прошептал Рики мне на ухо, при-

обнимая за талию. Удачно – потому что нас вновь попытался обогнать очередной медведь, но у этого в коробе было что-то явно потяжелее пирогов.

Мы продвигались вдоль домов, оставив особо спешащим половину тротуара. Над нами то и дело нависали балкончики вторых этажей, а иногда встречались даже трехэтажные «высотки».

На фоне пестрых одежд городских жителей мое тускло-серенькое платье не терялось, а, наоборот, выделялось так же, как и аккуратная соломенная шляпка, вместо ярких цветных платков на женщинах. Шляпку мне одолжила Абаг-эйл, сказав, что по такой жаре я или получу солнечный удар, или обгорю, или пыли наглотаюсь... Короче, смысл речи был в том, что приличные девушки в город без шляпок не ходят. Рикиши на все это лишь загадочно улыбался, но я решила шляпку взять – мне все равно, а подруге приятно.

Мимо вновь проскакали какие-то дикари на лошадях, с гиканьем, гаканьем и размахиванием плетками. Полуголые, темно-зеленые, мускулистые и страшные...

– Рики... ши, – я в последний момент вспомнила, что меня очень настойчиво и неоднократно просили не произносить сокращенное имя, оберегая его как зеницу ока. Нравится моему нетопырю считать это своим личным именем и ладно. – А ты, хоть примерно, знаешь, куда нам идти?

– Да, леди.

Нет, у меня хватило ума поинтересоваться у Карен, той

девушки–экскурсовода, примерной дорогой до банка. Но с моим топографическим кретинизмом все эти перечисления: «Через три разветвления от ворот – направо, потом спустя два разветвления – налево...», звучали как загадочные ритуальные заклинания. Хотя я их даже записала!

– А сколько мы уже разветвлений прошли?

Рикиши промолчал, криво улыбнувшись. Я надулась и начала смотреть по сторонам. Судя по состоянию домов, – это была улица, где жил средний класс. В окошках нарядные занавески, горшочки с цветами, чистенькие кошечки. Двери внушительные, из цельных кусков дерева, иногда с красивой резной отделкой. Но при этом чувствовалось в воздухе – «чистенько, но бедненько». Живущие здесь уже выбрались из лачуг, но еще не добрались до отдельно стоящих зданий. А некоторые и до отдельных домов тоже, – вот явно две семьи живут. Одна на первом, другая – на втором. Иначе, с чего бы им, выходя из одной двери, здороваться друг с другом и начинать обмениваться новостями?

– Нам направо, леди.

А вот на этой улице уже обитают люди побогаче. Это чувствуется... по тому же воздуху. Парфюм поутонченнее, что ли, не знаю. Мелкие, не сильно бросающиеся в глаза детали. Да и крупные тоже. Не бросающиеся. Телег тут нет в таком количестве, и чем дальше продвигаемся вглубь улицы, тем тише и спокойнее. На второй развилке (так тут назывались перекрестки) мы снова свернули.

Этот город был явно более населенным чем тот, возле которого находилось поместье Тарнизо. Здесь не было отдельно стоящих домиков, окруженных маленькими садиками, не было заборчиков. Дома лепились друг к другу, а двери открывались сразу на тротуар. И в любой момент можно было получить по лбу, если кто-то вылетит из дома слишком стремительно.

– Слушай, а содержимое ночных горшков... – начала я и вспомнила, что тут уже существует канализация. А то создается четкое ощущение средневекового города, а там ведь, по рассказам историков, все отходы выливали прямо на улицы.

Рикиши вопросительно изогнул бровь:

– Каких горшков, леди?

– Не важно, это я наши города вспомнила. А мы пойдем потом на ярмарку?

– Как пожелаете, леди, – судя по промелькнувшей улыбке, мой нетопырь был совсем не против. Значит, пойдем.

– Заодно шпагу тебе купим, – вспомнила я.

– Нет, леди, пока мне оружие не положено, – в голосе Рикиши прозвучала легкая печаль. – Разве что нож.

– Почему? – мы снова свернули, в какой-то узенький пустой переулочек. Нет, сначала он был очень даже широким, пока еще шли дома богатой улицы. А потом стал потихоньку сужаться. Окна в окна, двери в двери. Тут не то, что телега, конь не проскачет. Мы вдвоем еле протиснулись.

– Потому что статус благородной леди определяется по ее

мужу, а вы пока не замужем.

– Хм, – воспользовавшись тем, что мы едва могли протиснуться между стенами, я прижалась к Рикиши всем телом и тут же почувствовала его руки у себя на талии. – Ты столько потерял, став моим...

– Ну что вы, леди, приобрел я гораздо больше, – губы Рикиши оказались так близко, что я чувствовала его теплое дыхание, и меня начало привычно познабливать. – Насыщаться только через секс у меня не получалось последние лет двести, точно.

Вкрадчивый голос, низкий тембр, пробуждающий во мне все темные желания скопом, и, одновременно, зарождающееся внизу живота маленькое сладкое пушистое солнышко, готовое согреть весь мир. И вдруг где-то на очень-очень заднем плане подсознания появилось серенькое пятнышко с плакатом «Дура, твои эмоции нагло жрут!». Я потрясла головой, пятнышко исчезло, осадочек остался.

– А для чего же тебя обычно использовали? – я положила свои ладони сверху на Рикишины, погладила, давая понять, что вопрос без скрытого подтекста. Хотя, на самом деле, это было не так, – маленькое серое пятнышко испортило мне настроение, а я неосознанно желала передать эстафету дальше.

– О, леди, меня можно использовать очень разнообразно, – кривая ухмылка на лице Рики означала, что он ничуть не обиделся, и наш разговор его развлекает.

– Тогда почему же от тебя избавились, подарив неопытной

девчонке?

Рикиши посмотрел на меня своим особенным взглядом, который я для себя переводила так: «Леди, я вами разочарован». Обычно, так на меня смотрели, когда я грубо выражалась, долго не понимала что-то очень простое, по мнению моего не нетопыря или задавала тупейшие вопросы. Наверное, по его мнению, я должна была удовлетвориться ответом, что он мне вручен, как антистресс, потому что мне вновь повторили эту же версию.

– Чтобы предотвратить риск нервного срыва, когда вы узнаете, что умрете, если завалите тестовый опрос. Чтобы вы точно не отказались от подарка, леди Сонола выкачала из меня почти всю энергию. А ведь это была ее энергия, и через нее она какое-то время могла чувствовать мои эмоции, быть в курсе наших отношений.

– То есть тебя подарили в качестве компенсации за обман, что ли? – нахмурившись, я попыталась перевести для себя поведение Сонолы. И, судя по промелькнувшим смешинкам в глазах Рики, ляпнула очередную глупость.

Он прижал меня к себе, крепко-крепко, так что я не только слышала стук его сердца, но и чувствовала, как он дышит, как поднимается и опускается его грудь, ощущала себя с ним единым целым.

– Я зачем-то настолько нужна Соноле в этой академии вместо Алисы, что она решила пожертвовать даже тобой, так? – уточнила я, не поднимая головы.

– Вы совершенно правы, леди, – прошептал Рикиши мне в макушку, целуя в волосы. Шляпка с меня уже давно свалилась и держалась на шее за завязки–ленточки.

– Из–за брака с принцем, да? – обреченно уточнила я, да же не надеясь на ответ.

– Да. Но вы не переживайте заранее, леди, – утешил меня Рики, вновь целуя и обнимая еще крепче.

Мы постояли так где–то минуты две, не больше, потом я глубоко вздохнула, с трудом заставила себя оторваться и прекратить подпитываться уверенностью от того, кого сама должна питать энергией. Рикиши выглядел отлично, так что я, приведя себя в порядок, махнула рукой вперед:

– Нам пора в банк!

Банк, кстати, мало чем отличался от наших – три окошечка, улыбчивые девушки в платочках, небольшая очередь. Вместо паспорта предъявляются пальцы правой руки. Радостное «узнавание» любимого, то есть богатого клиента, загадочный вопрос: «Какую сумму вы бы желали получить наличными?», подсказка Рикиши и мешочек с деньгами у меня... ну, и почти сразу у него в руках.

– Простите, леди! У вас настоящий истейл? – вопрос застал меня врасплох. Мы уже вышли из банка, когда нас догнал мужчина с виду где–то между сорока и пятидесятью (слегка потрепан жизнью, но еще вполне себе бодр, и морщины на лице скорее намекают об опыте, чем о старости).

Я сначала посмотрела на Рикиши, и тот незаметно кивнул,

давая согласие сливать инфу. У меня, благодаря официально утвержденному склерозу, уже вошло в привычку после любого вопроса, ставящего в тупик, отлавливать подсказки—намеки своего нетопыря.

— Да, — Рики моргнул, подтверждая, что церемониться с титулами не стоит, и передо мной обычный горожанин, а значит «не—господин».

Мужчина, очень эмоционально всплеснув руками, восхищенно зацокал и умоляюще посмотрел на меня:

— У меня есть истейла... настоящая чистокровная истейла! Я заплатил за нее огромные деньги... Не мог бы ваш истейл оплодотворить... Я заплачу!

Пришлось очень постараться, чтобы выражение моего лица сохранило полную невозмутимость. Это было очень сложно, но я тренировалась уже две недели обучения в академии, так что... надеюсь... хоть что—то похожее на отсутствие эмоций у меня получилось.

Ухмылка, промелькнувшая на лице Рикиши, была из серии: «Ну, давайте, режьте меня тупым ножиком!». Пока наши отношения были ограничены рамками «Учитель—ученица», такой богатой гаммы разнообразных улыбок, усмешек, взглядов и других невербальных знаков не наблюдалось. За две недели балансирования, пусть даже и с диагнозом о полной потере памяти, я научилась считывать целые фразы буквально по одному движению бровей. Правда, ухмылки являлись самыми информационно несущими.

– Я бы хотела сначала на нее посмотреть, – почему–то просто сразу послать этого мужика через Альпы пешком и без карты я не смогла. Хотя Рикиши намекал именно на данное действие.

Это массовое помешательство на чистокровных истейлах, являющихся жутким дефицитом, меня интриговало. С момента завоевания прошло всего пять сотен лет, а в учебниках писали, что из–за очень привлекательной внешности хозьева старались не смешивать их с другими расами.

– О, конечно! Пойдемте... – мужчина схватил меня за руку и тут же отпустил, наткнувшись на многообещающий взгляд Рикиши. – Простите, леди!

Всю дорогу, довольно недолгую, я выслушивала хвастливую историю о том, как удалось добыть такую редкостную красавицу. И что она чиста, как вода в роднике за городом. Вообще, распеваемые дифирамбы были уместнее для невесты, чем для рабыни, которой только что добыли мужчину для... эм. Я резко обернулась на слегка подотставшего Рикиши. Вот кому выражение полной невозмутимости удавалось на сто десять процентов. Правда, мне показалось, что на самом деле мой нетопырь напряжен и даже раздражен, не знаю почему. Но, на всякий случай, я, не прекращая шагать впереди, ухватила его за пальцы и переплела их со своими. Ненадолго.

Рики вдруг прижался ко мне сзади резко и неожиданно, как будто переместился на полметра за секунду и прошептал

в ухо:

– От нетопыря забеременеть очень сложно, леди.

Вот, козел неприятный, не мог сразу сказать! Хотя... Решение идти посмотреть возникло у меня спонтанно, и я его озвучила, не учитывая мимику своего ручного вампира.

– Вот! – мужчина остановился возле двери в один из домов и приоткрыл ее для меня. Подсознание вдруг завопило дурным голосом и ударило по тормозам. Я остановилась буквально в полушаге от этой открытой двери и тут же почувствовала, как Рикиши схватил меня за руку, чтобы удержать.

– Выведите ее сюда, – приказала я и уставилась на мужчину. Он – на меня. Похоже, ситуация была патовой.

Я не успела понять, какое дальнейшее развитие событий планировал хозяин истейлы, потому что мой нетопырь решил, что уже достаточно долго побыл хорошим послушным мальчиком и заслужил небольшое развлечение.

Неуловимое скользящее движение тени, и мужчина с Рикиши исчезают за дверью. Всхлипы, хлюпающие звуки, тихий едва слышный вскрик... резко распахнувшаяся пинком ноги дверь, и на тротуар выходит победитель с призом на руках. Красивым призом, только еще совсем юным. Девочка, не старше пятнадцати с виду. Но это не все. За камзол моего героя держатся еще двое мальчишек пяти–семи лет от роду. Детский сад...

– Ярмарка накрылась, – констатировала я.

Но Рикиши отрицательно помотал головой:

– Вы же не собираетесь тащить их в академию, леди? – ну, и взгляд соответствующий, типа: «Вы выиграли приз года за наитупейшую идею, высказанную вслух».

– Но ведь ты же...

– Я предотвратил нападение на свою леди, а также обезвредил и связал преступника, скрывающего у себя нескольких нигде не зарегистрированных чистокровных истейлов. Нам еще приз от бургомистра положен, – ухмылка Рикиши из скептической стала ехидно–довольной.

– Значит, нам в мэрию? – обреченно поинтересовалась я.

– Это рядом с банком, – незаметно подмигнул мне мой нетопырь. Он вновь расцвел, сразу, как только вся эта непонятная ситуация перешла под его ответственность.

Что удивительно, в мэрии нас только что не расцеловали. Охраняющие вход двое мужчин пропустили сразу и без вопросов. Слетевшиеся как насадки женщины тут же куда–то утащили малышню и девушку, а спустившийся по лестнице со второго этажа величественно–круглый бургомистр внимательно выслушал мою речь под суфлирование Рикиши. Затем пара стражников удалилась, чтобы объявиться минут через десять, когда мы уже сидели в одном из кабинетов мэрии и распивали чай с пирогами. Вернее, я и бургомистр – распивали, а Рики стоял у меня за спиной.

Доев пироги, мы втроем спустились в подвал, служивший камерой предварительного заключения, как я понимаю.

Прямо при нас выяснилось, что мужчина, приставший ко

мне в банке, сразу определил, что я неместная, к тому же аристократка, а они, обычно, на слова «чистокровный истейл» реагируют как на редкостную замануху. И я предсказуемо повелась. А он ничего такого не хотел, кроме как, действительно, использовать моего истейла для оплодотворения... Мать этих троих не так давно скончалась вместе с нерожденным четвертым малышом, а он за ее беременность заплатил кучу денег. Поэтому рассчитывал, что аристократка много не запросит, ну, и опять же, ей можно было продать одного из мальчишек. Короче, по его словам выходило, что леди и ее слуга все не так поняли, и зла он никакого совершать против них не собирался. А о том, что слуга леди – нетопырь, даже не догадывался. У него нулевой магический потенциал, можете проверить!

После ощутимого щипка за задницу, я топнула ногой и настояла, что от этого человека исходила угроза. Тогда его обыскали чуть более тщательно, чем вначале... и нашли в сапоге отравленный нож.

Правда, мужчина тут же принялся доказывать, что он чуть ли не кухонный и, вообще, только для защиты, а против меня он его применять не собирался... Но, как я поняла, вместо штрафа за укрывательство в своем доме трех незарегистрированных истейлов, мы только что выписали мужику покушение на третью ветвь древа семьи Тарнизо.

– Его повесят, – пояснил мне довольным шепотом Рикиши и, наткнувшись на мой испуганно–жалостливый взгляд,

скептически поджал губы: – В следующий раз позволить вас убить, леди?

Я горестно вздохнула. Бургомистр оценил мой вздох по-своему и тоже горестно вздохнул:

– Какая жалость, что знакомство с моим городом вы начали с подобного отброса общества, леди Элис.

Я заверила, что мое разочарование не коснется всего города, так как у него прекрасное управление, а встреча с таким благородным и вежливым господином, как бургомистр, затмевает первое негативное впечатление. Хотя, конечно, обидно, что пришлось начать наше общение с такого неудачного повода.

Удивительно, но после всего случившегося мы все же пошли на ярмарку. Правда, настроение у меня было отвратительным. Как можно обсуждать качество вина, вкус овощей и фруктов, какие из сладостей стоит попробовать обязательно, и какие из тканей подойдут благородной леди на покрывала для кровати и дивана, а какие – на занавески?.. Как можно радоваться, зная, что завтра будет повешен человек, который только собирался сделать тебе что-то плохое? А может, и не собирался? Вдруг у него оружие было только для защиты, мало ли...

– Леди, учитесь быть жестокой и убивать заранее, иначе, наше с вами знакомство будет слишком коротким. В Ноакиндомской империи отравленными могут быть не только ножи в сапоге.

– Тебя это расстроит? – сорвалась, рыкнула, просто потому что прав он, прав. И надо не рефлексировать, а собираться в кучку и учиться еще и такой сложной науке, как безжалостность с расчетливостью.

– Конечно, леди. Я только начал к вам привыкать, – усмешка на лице Рикиши сигнализировала о том, что мы по тонкому льду топчемся, и тема затронута не самая приятная.

– А что с тобой произойдет, если я погибну? – хруст льда под ногами я даже услышала, и смешинки в его глазах заиндевели.

– В лучшем случае вернусь в поместье Тарнизо, – и мхатовская точка. Жирная. Все, тема закрыта, запечатана. Будет увиливать, острить, отвлекать, но правды не скажет.

Да и так понятно, что, скорее всего, погибнет вместе со мной, – он же защищать меня должен вроде. Наверное. Или нет? Вообще, с чего я вдруг так решила? Вторую жизнь ему подарила Марими, а я лишь кормушка, приятная, но...

– Рикиши, а...

– Леди, давайте сразу проясним один момент, – холод вокруг нас стоял такой, что у меня кончики пальцев замерзли. – Я живу на свете уже очень давно, привык и не собираюсь ничего менять, – фразу сопровождал колючий, пробирающий до мурашек взгляд. – Если мне удастся вас спасти без риска для жизни, то я сделаю это, не задумываясь. Но мне сложно будет вас защищать, если вы продолжите влипать во всякие опасные истории из-за своей наивности или станете

оставлять врагов в живых из жалости.

Я даже не успела надуться, как воздушный шарик или, наоборот, сдуться и начать оправдываться. Сильные руки сжали меня, чужое сердце опять забилося где-то близко-близко, а на ухо нежно прошептали:

– Только не надо обижаться на меня, леди?

Фраза была сказана с такой интонацией, что я даже удивилась, когда в конце вместо «малышка» или «деточка» все же прозвучало уважительное «леди».

– Так какие вы орехи выбрали, леди? Или возьмем всех понемногу? – я отстранилась, чтобы посмотреть на довольную усмешку и изучающий интерес в глазах. Как будто и не было только что этого странного разговора. А может, и правда, не было? В конце концов, никто и не ожидал, что меня вампиры будут грудью прикрывать. Вот целовать мою грудь – это да, это они с радостью.

Но все равно потом надо будет попытаться выяснить про истейлов, любопытно же.

Про нетопырей я попыталась найти хоть что-то буквально на второй день пребывания в академии. Здешняя библиотека послала меня туда же, куда и библиотека в поместье Тарнизо. Рикиши объявил, что информация об истейлах и нетопырях – коммерческая тайна. В смысле, не может он мне рассказать, и все тут, хоть ты тресни. Я бы треснула, но ведь без толку... Оставалась надежда на закрытые архивы, куда обратиться без пропуска было невозможно.

Однако в конце каждого месяца здесь было принято устраивать контрольные опросы по всем предметам и писать рефераты, вот я и рассчитывала получить допуск, выбрав тему позаковыристее.

– Возьмем всех понемногу, – кивнула я Рикиши и продавец кинулся насыпать ореховое разнообразие в маленькие отдельные мешочки.

Глава 11

Все покупки Рикиши складывал в мою сумку с «двойным дном», которую я зачем-то схватила с собой, собираясь в город. Как оказалось – правильно сделала, а то хороши бы мы были, груженные, как вьючные буйволы. Правда, такие же сумки продавались здесь буквально на каждом углу, но своя, проверенная, казалась привлекательнее и надежнее.

Напоследок мы посетили лавку, где продавали иномирные сладости и напитки, и я чуть не спустила сразу все деньги на шоколадки и сидр. Скрепя сердце пришлось согласиться, что лучше купить килограмм шоколада и десять бутылок сидра сейчас и вернуться в следующее воскресенье.

Но едва мы ушли с ярмарки, настроение снова слиняло, правда, на этот раз виной была не жалость, а кое-что другое.

– Рикиши, а это нормально – знакомиться на улице с аристократками, у которых есть истейлы и зазывать их на...

– Случку? – хотя в голосе парня звучало исключительно легкое подтрунивание над моей стеснительностью, я все равно резко затормозила и гневно на него зыркнула.

Рики посмотрел на меня наивно-невинно с трогательно-милой улыбкой мальчика, не понимающего, чем рассердил свою хозяйку, однако, уверенного, что та не сможет долго злиться на такую няшную прелесть, как он.

С этим выражением лица я встречалась впервые, и оно

меня искренне развеселило, но от поиска логики в поведении странного горожанина не отвлекло.

– Хорошо, пусть будет случка, – кивнула я, и повторила, наблюдая за промелькнувшим облачком разочарования на лице Рикиши: – Так это тут нормально?

– Если бы у него были в наличии документы, подтверждающие его право владеть истейлой, то почему бы и нет? Чистокровные сейчас большая редкость, и подсечь там, где встретились – правильное решение.

– Но... – тут я снова закрипела извилинами и выдала: – А откуда ты знал, что у него нет на них документов?

– Иначе, он предъявил бы их сразу и попросил бы сделать вас то же самое. А не рассказывал бы сказки всю дорогу, – пояснил Рики. Правда, меня этот ответ не убедил.

– Ну, вот у меня нет на тебя документов...

– Я – нетопырь, и мое послушание как раз и является документом, означающим, что я с вами на законных основаниях, – снисходительность в голосе Рикиши была заслуженной. Обрядами поинтересоваться у меня ума хватило, а вот про подтверждение права собственности для окружающих даже в голову не пришло.

– Ну, все равно, мало ли... Может, у него документы в доме были?

– Не было, – в голосе Рики одна непоколебимая уверенность.

Конечно, он прав. Не было, иначе бы мужик их предъявил,

отмазываясь от штрафа.

– Но могли же быть! – я даже голос чуть повысила, потому что начала злиться.

– А могло и не быть, и, как оказалось, их не было, – взгляд у Рикиши тоже стал серьезным, смешинки и ехидство пропали.

– Ну... ну...

– Леди, если вы прыгнете с балкона второго этажа, то, возможно, все обойдется. Возможно, вы сломаете ногу, а это очень больно. Возможно, вас найдут и отвезут к лекарю, а, возможно, вы потеряете от боли сознание, и вас ограбят или убьют. А еще, возможно, – Рики выделял эти «возможно» голосом, надавливая на них, впихивая их в мою голову чуть ли не силой, – вы упадете настолько неудачно, что расшибетесь насмерть сразу.

Я остановилась, глубоко дыша от возмущения, потому что тон, которым все это говорилось, был менторски–воспитательным, а я ненавижу... ненавижу, когда меня поучают, как девчонку... И... Пусть он трижды прав, все равно... Все равно обидно.

Но долго дуться мне не дали, подхватив на руки, прямо на тротуаре. Народу, правда, вокруг почти не было, так что мы никому не мешали.

– Вы же не ползете прыгать со второго этажа, правильно? Вот, и в гости к незнакомым мужчинам тоже ходить не надо, а то я ревную.

Все это было сказано заботливо–ласково и сопровождалось нежным поцелуем в щеку, потому что шляпка вновь сползла с моей непутевой головы. Поэтому, само собой, как-то получилось, что я позабыла и о причине обиды, и что обижалась, вообще, и о... мужике этом загадочном...

А, нет! О мужике я не забыла!

Обняв Рикиши за шею и глядя ему в глаза, я спросила:

– То есть, по–твоему, он собирался сделать мне что–то плохое?

– Леди! – кривая ухмылка сообщала, что я снова лидирую на конкурсе тупости. – Когда вы увидите тигра, вы тоже будете стоять и раздумывать, сделает он вам что–то плохое или мимо пройдет? Он мог... мог сделать, понимаете? Вы шли в логово тигра непонятно зачем, не зная, зачем он вас туда позвал, не зная, что вас там ждет. Там вообще могло и не быть никаких истейлов! Он мог оглушить вас, запереть в подвале и потребовать выкуп от дома Тарнизо.

– И ты бы за меня не вступился? – у меня даже голос задрожал от обиды.

– Леди! – по интонации сейчас было бы уместнее что–то типа «Мать вашу!», но Рикиши крепился. – Если вы не заметили, я – вступился. Даже несколько заранее. Но очень вас прошу воздержаться от походов к тиграм и прыжкам со второго этажа. И, вообще, леди, вас не понять. – Тут Рики снова меня поцеловал, уже не в щечку, игнорируя завистливые взгляды охранников у ворот города. – То вы переживаете за

тигра, то за то, что я не спас вас от тигра. Загадочные вы все же создания, женщины...

Вечером, укладываясь спать, я привычно закуталась в уже родные объятия, но мне все равно почему-то было холодно. Мне мешали согреться загадки, холодными булавками протыкающие нежный шелк моей любви. Ну, это если на витиватом языке дамских романов выразаться.

– Рики, а если я расскажу Карен, что в мэрии есть три чистокровных истейла...

– Она обрадуется, – выдал мой нетопырь спокойным голосом неоспоримую очевидность.

– Нет, ты не понял, а они...

– Кто?

Улыбается, или мне кажется? Я даже попыталась обернуться, но меня тут же посильнее зафиксировали, прижав покрепче и положив подбородок на мою макушку.

– Этим детям будет лучше у Карен или хуже?..

– А вам не все равно? – точно улыбается...

– Нет! – я даже заерзала от возмущения. – Там же три ребенка... Что я изверг, что ли?

– Возможно, что в мэрии им лучше, чем у прежнего хозяина. Возможно – хуже. Возможно, им станет еще хуже у новых хозяев, возможно – нет. Неоспоримый факт только один: леди Карен обрадуется, если вы ей сообщите про истейлов. Вам выгодно, чтобы леди Карен обрадовалась?

– Я хочу...

– Ну, тоже вариант, – перебил меня Рикиши, целуя в макушку и переворачивая на спину. Его губы впились в мои, затыкая и перекрывая все попытки еще подискутировать. Нет, так продолжаться не может! Я взбунтуюсь... позже... не сегодня – точно.

Тэлефия, первое время бурчавшая и пытающаяся объявиться у меня в комнате то с утра, то вечером, полностью смирилась и занималась только тем, что ей было поручено – уборкой помещения и стиркой одежды. Правда, с тем, что она будет стирать еще и одежду Рикиши, она боролась долго и упорно. Целых три дня! Но, в итоге сдалась после того как я поинтересовалась, принято ли здесь менять прислугу. Наверное, принято, а вкус свободных вечеров уже распробован. Лень – двигатель консенсуса.

Поэтому просыпалась я от бархатного вкрадчивого баритона, объявляющего мне, что чай подан, и зачитывающего вслух расписание, пока я, наскоро умывшись, запикивала себя в платье.

Делая последние глотки, я как раз окончательно переносилась в реальность и была готова к подвигам на ниве поглощения знаний.

Вот сегодня, в понедельник, у нас как раз был выбор темы реферата...

Но выбрать у меня в очередной раз не получилось, потому что классная дама Флоринда вручила мне приглашение во Дворец, на встречу с делегацией из Ноакиндомской им-

перии мира ТинНигх. В ответ я смогла только слабо икнуть и героически удержаться от падения в обморок. Но к приглашению прилагался допуск в архивы, потому что мне надо было подготовиться к встрече как можно основательнее. Естественно, выданная мне тема была посвящена будущему месту проживания и царившим там порядкам.

Вообще, обычно однокурсницы мне сочувствовали. Ведь меня отдавали в пещеры к страшным дроу, где вся власть принадлежала суровым жрицам, а молитвам их богине требовалось посвящать ежедневно по несколько часов...

Мало того, у меня были каждодневные индивидуальные занятия магией, просыпающейся рывками от стрессов и слушающейся меня тогда, когда ей было удобно (я на нее не обижалась, потому что мой раб вел себя точно так же). Полтора–два часа в день дополнительных занятий – это же кошмар какой–то, с точки зрения нормального студента.

Но сейчас, все то время, что я с ужасом смотрела на приглашение, все остальные смотрели на меня с завистью. У меня был пропуск в святая святых, в место, куда мечтает попасть каждая благородная леди... во Дворец!

В Яхолии проще было стать женой иномирного принца, чем фрейлиной при королеве, – отбор был очень жесткий. Это я еще из учебников уяснила, ну и потом, во время болтовни с однокурсницами то тут, то там, звучали подтверждения. Оказаться выбранной во фрейлины – мечта почти такая же несбыточная, как и стать королевой Яхолии. Но вот по-

пасть во Дворец во время присутствия иностранной делегации было уже не так сложно, однако, окружающих меня девушек это все ожидало лишь через три–четыре года, когда им начнут подбирать мужей. А меня уже сейчас пригласили.

И как–то резко забылось, что еду я не просто так, а для знакомства с тем, за кого мне придется выйти замуж, хочу я этого или нет.

На перемене я даже не смогла заставить себя выйти из аудитории, чтобы хоть немного проветриться. Абагэйл и Рикиши уселись рядом со мной, и если подруга старательно пыталась изобразить на лице сочувствие, то нетопырьская зараза внимательно покрутил в руках приглашение, выдав, что до назначенной даты у меня осталось еще шестнадцать дней, и надо срочно посетить поместье и озаботиться платьем.

Черт! Про платье я как–то совсем не подумала, но ведь надо же выбрать ткань, фасон... туфли к нему... украшения, наверное, какие–то...

– Так, сегодня портал уже не работает, вам следует воспользоваться почтой и предупредить леди Сонолу. Хотя, я уверен, она уже в курсе.

Абагэйл энергично закивала:

– Конечно, опекунам тоже присылают приглашение!

Настроение, и так стоящее на нулевой отметке, резко покатило вниз. Ехать в поместье, решать проблемы с нарядами, причем уверена, что платье потребуется не одно – аудиенция у короля, знакомство с будущей родней... програм-

ма явно не на пару–тройку дней должна быть рассчитана. И наслаждаться все это время обществом Сонолы. А, главное, не прибить ее! Не прибить! Р–р–р–р! Зато, может, хоть какие–то подробности удастся выяснить?

В архив я отправилась в этот же день, почти сразу после занятий магией, злая, как рой пчел.

Мы с преподавателем использовали уже кучу способов разбудить дремлющий во мне потенциал, который оказался безразмерным. Не в смысле, что его много, а в смысле, что его как бы по всем показателям нет. Нет во мне магии, не видно ее никакими магическими УЗИ, но при этом она есть. Обычно, небольшая: взмах и пара свечек горит, щелчок – и трескается стеклянный шарик в руках у учителя. Это, если я спокойна, сосредоточена, сконцентрирована... на чем–то левом! Рикиши мне, например, что–то рассказывает, а потом я, не задумываясь, делаю этот клятый взмах. Если я сосредоточена на свечах и на том, чтобы их зажечь, – ничего не выходит. Но если меня разозлить, – всем прятаться–бояться. Предсказать, как и чем я запульну невозможно, только вдарю так, что мало не покажется!

Кстати, в спокойном состоянии у меня получалось связать принятую здесь последовательность действий из слов и жестов с конечной магической реакцией. Так что мне еще в конце первой недели выдали три тома бытовых заклинаний, которые следовало выучить и потом продемонстрировать свое умение перед преподавателем. Тогда же, взволнованный мо-

ей непредсказуемостью учитель настоятельно предложил надеть браслет, блокирующий магию. Я согласилась, потому что самой страшно же: рыкну на Рикиши и все, новое блюдо – нетопырька жареная. А рыкаю и злюсь я довольно часто...

Из-за этих чудес с магией легенда о моем странном заболевании с потерей памяти трещала по швам, потому что здесь раньше ни у кого ничего подобного не происходило. И да, все бы поняли, если бы я лишь забыла, как пользоваться бытовыми заклинаниями, знакомыми каждой благородной леди чуть ли не с рождения. Ну, или у меня бы снизился магический потенциал... от стресса, например, или в связи с ослаблением организма. Но такой вот странный выверт моего преподавателя очень беспокоил, и он настойчиво допрашивал меня обо всем, что я помню до болезни, что я помню о самой болезни, что вообще помню...

Я старательно прикидывалась ветошью, тупила, умоляюще смотрела то на него, то на Рикиши, строила глазки и изображала страдающую невинность, которая сама в шоке от случившегося. Про себя я уже многократно прокляла всех Тарнизо вглубь до десятой ветки, после каждого занятия рычала на Рики, пытающегося меня успокоить, иногда убегала в огромный крытый бассейн и плавала до изнеможения, или носилась, как укушенная, по саду. Попадись мне в тот момент Сонола или Марими – втоптала бы в тропинку! Но, при этом идея связаться с ними и устроить скандал с разборками казалась мне очень непривлекательной. Сама... без них...

справлюсь!

Десять занятий я помнила поминутно, потому что напряжение не отпускало меня ни на секунду. Даже когда я погружалась в спокойное состояние, в котором у меня получалось почти осознанно обращаться к собственной магии, все равно полного расслабления не было. Я знала, что Рикиши заинтересован в поддержании легенды, но вот преподаватель явно начинал подозревать что-то...

А еще я боялась саму себя. После каждого занятия у меня оставалось ощущение, что именно я – бомба, которая может рвануть в любой момент. Как-то на меня даже что-то типа истерики накатило: «Мы с Рики идеальная пара! Две бомбочки, каждая непредсказуема и загадочна для другой».

Сегодня, на одиннадцатом занятии, неожиданно выяснилось, что блокирующий магию браслет на меня не действует! Выяснилось это в тот момент, когда преподаватель потребовал, чтобы мы остались с ним наедине. Я испугалась и, как следствие, разозлилась, потому что нетопырскому эскорту я доверяла хотя бы в чем-то, а почти незнакомому мужчине-магу вообще никак. Топнула от страха ножкой, махнула от злости ручкой... и только мгновенная реакция Рикиши, оттащившего учителя от извергающейся на него мощной струи воды, спасла последнего от внепланового холодного душа. И это при наличии на мне браслета!

Так что я послала и браслет, и преподавателя... мысленно. В суровой реальности я какое-то время повыбирала между

скандалом и рыданиями, поняла, что с рыданиями припозднилась, да и не факт, что конкретный индивид поведется на женские слезы, так что устроила скандал. Подозревая, что ректору академии все равно обо мне все докладывают, я рванула к нему в кабинет, на адреналине даже наличие секретарши проигнорировала и устроила сцену в духе обиженных в лучших чувствах благородных леди. Прошлась и на тему того, что тиранить ребенка в стенах академии, пользуясь отсутствием ее опекуна, жестоко... И на тему того, что я страдала и болела, а меня постоянно допрашивают и только что опыты на мне не ставят. И про то, что приличные мужчины наедине с незамужними женщинами оставаться не должны, в конце концов, и подобное требование, естественно, вызывает негативную агрессивную реакцию у каждой порядочной девушки! Короче, несла ересь, эмоционально, с надрывом в голосе, войдя в роль... Ибо лучшая мера защиты в приличном месте – это нападение. А для меня академия была приличным местом. Под конец объявила, что не желаю служить объектом для изучения и сама уж как-нибудь восстановлю в памяти все бытовые заклинания.

– Понимаете, леди, раз ваша магия нестабильна и не контролируется даже блокираторами, отпускать вас во Дворец – непростительное преступление, практически покушение на жизнь монарха, – ректор, вытирая белым кружевным платочком пот со лба, в основном смотрел не на меня, а на Рикиши. Очевидно, мысль о том, что у такой вот нестабильной

барышни есть еще и нетопырь, очень его беспокоила. – Но и не пустить без уважительной причины, зная, что там вас ждет встреча с женихом, мы не можем. Позвольте, я попробую надеть на вас более мощный блокирующий браслет?

Я нервно передернула плечами и согласилась. Далее, исключительно в целях проверки работоспособности браслета, меня пытались вывести из себя... Напугать, разозлить, поднять жизненный тонус... Короче, выяснили, – блокиратор вроде бы работал. Все участники этого развлечения спокойно выдохнули. Мне разрешили больше не посещать индивидуальные занятия по магии и отпустили.

Я быстро шла по дорожкам академгородка в сторону библиотеки, здоровалась с встречающимися однокурсницами и знакомыми преподавателями, кивала девушкам, с которыми часто пересекалась в столовой. И сама мысль о том, что этот мир для меня чужой, казалась дикой. Мне тут нравилось. Здесь было спокойно и уютно, отношения между студентками были дружелюбно–вежливыми, хотя для меня подобное было очень непривычным.

Вот первые три месяца жизни в этом мире казались отдаленными и нереальными. Моя память настойчиво хотела их вырезать, затирая и успокоительно сглаживая острые углы. Я умерла? Бред какой–то. Я же жива, шагаю по дорожке, слышу, как под ногами шуршат мелкие камушки, вижу ухоженный газончик и пробегающую мимо Карен. Вот она – реальна, а какая–то Сонола осталась далеко в поместье Тарнизо.

Рикиши здесь, со мной, только руку протяни... Спрашивается, почему я должна думать о какой-то Марими, вдохнувшей в него жизнь? Не хочу я про нее думать! И жених этот мифический... Дроу. Меня выдают замуж за дроу... Бред!

– Леди, с вами все в порядке? – Рики успокаивающе погладил мои пальцы, сжал их легонечко и едва заметно улыбнулся. Удивительно, но мне сразу стало легче, и надвигающаяся истерика очередной раз отступила.

Дойдя до библиотеки, я влетела на третий этаж, провела возле двери пропуском и наконец-то оказалась в столь оберегаемом от лишних глаз архиве. Первым делом я потребовала от местного поисковика все книги про истейлов. Двадцать восемь томов упали мне на стол, открывшись на нужных страницах.

Межмировая война, победа Яхолии. Порабощение лишь одного мира из трех, воевавших на одной стороне. Странно. В учебниках все три мира упоминались мельком, в основном говорилось, что шла война между Истейлией и Яхолией. Так, листаем дальше...

Мир ТинНигх разорвал договор с Истейлией в 1307 году восьмого цикла. Мир КийЛунь разорвал договор с Истейлией в 1307 году восьмого цикла. Решающая битва произошла в 1307 году. Все жители мира Истейлия приговорены к уничтожению... Я раз двадцать прочитала эту фразу, прежде чем беспомощно мявкнуть в сторону своего нетопыря:

– Ри... тут написано, что... вас уничтожили...

– Нас и уничтожили, – спокойно так подтвердил Рикиши. – Нет, официально все звучит не совсем так, нас поработили и признали пригодными для создания нетопырей. Причем нужно официальное подтверждение, что предназначенный для обращения истейл – чистокровный. Такое разрешено только с тремя расами. Двух других уже не существует, а истейлов еще можно найти. Но редко. А когда у аристократов заканчиваются игрушки, они начинают скучать. Так что, по–моему, вскоре будет новая завоевательная война, поэтому так важен союз с Ноакиндомской империей.

– А почему ты не рассказывал мне об этом? – загадка, которая так долго занимала мою голову, оказалась не такой уж и загадочной. Просто слегка... грязной.

– Это входит в общий список пунктов, запрещенных для разглашения. Их зачитывают каждому вновь созданному нетопырю.

Я напрягла извилины и попыталась вспомнить то, что удалось правдами и неправдами выяснить о местных вампирах. Во–первых, они могут принадлежать только магам. Во–вторых, у них есть уровни, наверное, в зависимости от класса мага–создателя. В–третьих, чтобы создать своего нетопыря надо быть магом хотя бы класса L... Да, именно так. А самые распространенные классы аристократов – D, E и F.

На всякий случай я уточнила у Рикиши о взаимосвязи между магами и вампирами.

– Да, леди. Нетопырей второго уровня могут создавать

только маги класса А, как леди Марими. Самый распространенный уровень – четвертый. Более ограниченный функционал...

Дальнейших подробностей не последовало. Я махнула рукой, и книги разлетелись по своим полкам. Внутри было пусто и тускло, но надо было садиться и читать про империю эту... важную.

– А ты добровольно согласился стать нетопырем? – мне вдруг вспомнилась красивая романтическая сказка от Марими про влюбленного в нее мальчика.

– Леди, вы внимательно прочитали все, что написано в книге? – у Рикиши в голосе тоже пустота, тоска и усталость. Не железный он у меня, оказывается.

– Да, но... то есть ты не был влюблен в Марими?

– Примерно так же, как сейчас влюблен в вас, леди, – развеселился, надо же! Кривая ухмылка на губах и ехидные смешинки в глазах. – Акценты, правда, были расставлены иначе. Мне – двадцать, ей – двести. Я – ее подарок. У нас отличный секс. Иногда болтаем о всяких глупостях. Да, наверное, я был влюблен.

Закончив, Рикиши внимательно посмотрел мне в глаза и вдруг улыбнулся по-настоящему:

– Леди, ну какая разница, в кого я был влюблен пять сотен лет назад, если сейчас я с вами?

Прозвучало очаровательно искренне, а главное – честно. Мне тоже стало весело, почему-то. Действительно, какая

разница, в кого он был влюблен пять сотен лет назад?

– А с кем бы ты хотел быть?

Не знаю, зачем я задала этот вопрос, но вот захотелось прояснить такой тонкий момент.

– А вы никогда не хотели заняться сексом в библиотеке?

Мгновение, и я сижу на столе, а Рикиши нависает надо мной. Зараза! Я обхватила его ногами за бедра, притягивая к себе поближе. Запустила руки ему в волосы на затылке, чтобы было удобнее поцеловать, сильно, жестко... и потом оттолкнуть двумя ладонями в грудь.

– С кем бы ты хотел быть?!

Молчание, поджатые губы, упрямый взгляд.

– Слушай, а ты никогда не хотел, чтобы тебя выпороли в библиотеке?

Рикиши склонил голову набок и посмотрел на меня с интересом. Таким... из серии: «Бунт на корабле? Ну–ну...».

Я спрыгнула со стола и сделала приглашающий взмах рукой:

– Не хочешь попробовать? По–моему, очень удобно.

– Спасибо, я воздержусь, если можно, – у Рики был очень странный взгляд. Я еще ни разу с таким не сталкивалась. Похоже, мы достигли с ним какой–то критической точки в отношениях и оттого, как я сейчас себя поведу, зависит, куда дальше будут эти наши отношения развиваться.

Глава 12

Действовать надо было быстро и при этом очень продуманно, малейшая ошибка и все полетит в тартарары. Внутреннюю панику свернули и зафиксировали где-то очень глубоко в катакомбах подсознания. Все темные и потаенные желания быстро пересортировали... Те, в которых моя роль пассивна, откладываем в сторону.

Два шага до цели. Обнять, положив руки ему на бедра. Заглянуть в глаза. Спокойно, почти нежно. Теперь медленно расстегнуть пуговицы камзола. Стоит, молчит, смотрит внимательно. Не дергается. Ждет, что будет дальше. Молодец...

Камзол – долой, рубашку тоже. Снова руки на бедра и притянуть к себе, плотно, чтобы чувствовать через ткань штанов и платья, что он слегка возбужден. Приятно.

Глубоко выдохнуть, так чтобы моя грудь соприкоснулась с его. Снова заглянуть в глаза. Не тонуть в них! Не таять от его полуулыбки!

Запустить ладонь в челку и потянуть на себя, поцеловать в губы. Быстро, жестко... Шаг влево и, сжимая пальцами волосы, дернуть вперед, на стол. Тут же оказаться сзади, прижав его бедрами, и нежно погладить по спине... чтобы потом резко спустить штаны, оголив ягодицы... и хлопнуть по ним с размаха! Раз, другой, третий...

Чуть сдвинувшись вбок и отойдя на полшага назад я хло-

пала и хлопала, пока правая рука не заныла. Тогда я сместились на другой бок и продолжила хлопать левой. Сначала просто лупила, выплескивая всю накопившуюся злость, обиду на его недоверие, раздражение от всех этих недомолвок, потом уже шлепала целенаправленно, обходя более красные отпечатки ладони, чередуя хлопки снизу и сверху ягодниц, наблюдая, как сжимаются мышцы сразу после удара и потом резко расслабляются...

А вскоре я оказалась на столе сама, с задранной платьем, вцепившаяся пальцами Рикиши в плечи... и с наслаждением чувствующая, как во мне движется его твердый, возбужденный член. И уже мои мышцы сжимались и расслаблялись. И уже мое тело плавилось от жара, правда от внутреннего. Рикиши вбивался в меня зло, с силой, тоже мстя за какие-то свои обиды.

Иногда мы целовались, сминая губы друг друга, кусая до крови... Даже я. А потом мы без сил упали на стол, я – спиной, Рики на меня сверху.

И тут же подскочили от старческого покашливания и от фразы, сказанной с отчетливо слышимой насмешкой:

– Подготовка к реферату идет полным ходом, как я понимаю?

Я, так и не поворачиваясь, смущенно приводила себя в порядок. Рикиши тоже быстро одевался под пристальным взглядом неизвестно откуда выплывшего древнего дедули.

– О чем доклад пишете? – все с тем же сарказмом в голосе

поинтересовался старичок. – И, насколько мне помнится, если я еще не совсем из ума выжил на старости лет, это всегда была женская академия. Для, – дедушка прокашлялся, поглядывая на меня искоса, – благородных незамужних леди.

– Ничего не изменилось, – буркнула я, спрыгивая наконец со стола. – А пишу я о Ноакиндомской империи мира Тин-Нигх.

– Откуда же у столь юной леди интерес к такой воинственной расе, как дроу? – в голосе дедули кроме ехидства зазвучал и интерес.

Рикиши пальцем на столе выписал «Г» «тире» «Н», и я тут же вспомнила, что слегка зарвалась и поспешила исправиться:

– Я являюсь невестой принца, господин...

– Мое имя тебе ничего не скажет, девочка, – старичок правильно оценил сделанную мной паузу. Вот ведь, в городе я была напряжена и сосредоточена, поэтому готова называть «господинами» всех подряд. Тут же типичный джентльмен, одетый как Рики, при парике, ухоженный весь такой, а у меня весь этикет ветром выдуло.

– Значит, вы и есть молодая леди Тарнизо? Похвально...

– Что «похвально»? – насторожилась я и тут же быстро добавила: – Господин?

– Ах да, у вас же амнезия... – дедуля продолжал разговаривать сам с собой и это чудовищно раздражало. – Что ж, давайте я вам помогу...

Пожилой джентльмен оказался архивариусом, потому что оберегать редкие литературные издания только магией руководству академии показалось не очень надежным. С его помощью я нашла ровно те книги, которые мне нужны, буквально за десять минут.

– Удачной творческой работы, леди, – пожелал он, косо поглядывая на Рикиши, затем удалился в свой кабинет, чтобы меня не смущать, наверное.

Однако тут же вернулся, положил на стол еще одну книгу, тоненькую такую, потрепанную и снова ушел, теперь уже надолго. На обложке тоненькой книжки было написано «Нетопыри. Создание, уход, кормление».

Рики пристроился на полу, под окном, прижавшись спиной к стенке и изучая уже зажженные магией люстры на потолке. Здесь существовало два вида освещения, даже три, на самом деле. Во-первых, находящаяся где-то внутри дома магическая станция, с регулярно подзаряжаемым артефактом, от которого питалось все магическое освещение в помещениях. Артефакты бывали разных мощностей, и, естественно, разных сроков работы. Также можно было использовать личный осветительный прибор – светящийся шар. Он создавался на время, светил столько, сколько нужно и потом впитывался магом обратно. Ну и третий способ, самый банальный – свечи. В библиотеках, ясное дело, последний способ не поощрялся.

Сначала, само собой, я схватила тоненькую книжечку про

нетопырей.

«Для создания нетопыря нужен маг не ниже классом... и кровь нетопыря более высокого уровня, с которым у вновь создаваемого нетопыря образуется связка. Это следует учитывать, если предусматривается полная преданность создания. Рекомендуется уничтожать прародителя, в случаях, когда контроль за его поведением вызывает затруднения».

Я закрыла книжку и задумалась. Прародитель. Нетопырь второго класса. М-да.

– А чью кровь использовали для твоего создания?

– Перворожденного нетопыря, – буркнул Рикиши недовольным голосом. Неважно, главное – ответил.

– А откуда он взялся?

– У леди Марими хранился сосуд с кровью...

Неохотно, недовольно, но отвечает. Вот что значит правильно подобранный стимул.

– А хозяин крови из сосуда?..

– Я ничего не знаю о его судьбе, леди, кроме того, что он еще жив, – тон сменился на усталый, мне даже стало жаль немного моего вампирчика, но я долго терпела все эти тайны мадридского двора, так что пусть теперь выкладывает. Странно, конечно, что крышка горшочка с тайнами находилась в заднице.

– У-гу, – задумчиво выдала я, продолжая листать методичку дальше.

Так, обряды... делаются по образу и подобию, но с вне-

сением индивидуальных отличий, во избежание... При передаче нетопыря от мага к магу по наследству или в качестве подарка, возможна деградация последнего. Чем выше уровень нетопыря, тем больше энергии ему необходимо для поддержания. Энергия может быть как магическая, так и метафизическая. Связь, установленная только на одной из выше перечисленных энергий нестабильна...

Странно, а в чем нестабильность связи на крови мага?

Так, ищем... листаем... вот! «Если связь держится только на магической подпитке, без установления духовно–метафизической привязки между магом и его нетопырем, то преданность последнего будет очень условной...» Ага, а вот и пояснение к обратному варианту: «Если связь держится только на чувствах мага к своему нетопырю, последний будет испытывать сильную духовную зависимость, вызывающую при длительном контакте неконтролируемое привыкание. При разрыве такой связи, например, из–за исчезновения мага или его чувств, у нетопыря возможен летальный исход. Поэтому рекомендуется чередование питания...»

Наверное, поэтому меня регулярно покусывают во время секса. Чередуют...

О, тоже интересно!

«И обратное – при наличии сильных положительных чувств у нетопыря к магу также может возникнуть духовно–метафизическая зависимость у первого». Так, дальше ерунда какая–то... Вот: «Возможна неконтролируемая пе-

редача энергии последнему, которая может закончиться летальным исходом».

Я перечитала несколько раз, пытаясь вникнуть в написанное, изредка поглядывая на Рикиши, и уже собиралась начать задавать уточняющие вопросы, но меня опередили.

– Довольны, леди? – теперь в голосе моего вампира звучала злость.

– Чем? – растерянно уточнила я, продолжая вчитываться в буковки и пытаюсь охватить написанное там.

– Еще какое–то время и я сдохну, если вы меня разлюбите. Уверен, вы сейчас именно про это читаете!

– Э–м–м, – это единственная глубокомысленная фраза, на которую меня хватило.

Рикиши перетек в стоячее положение и за секунду оказался возле меня, оперся ладонями о стол и навис, как укор совести. Я слегка съехала со стула, создавая больше личного свободного пространства вокруг себя и глядя на злющего вампа снизу вверх, как кролик на удава.

– Две недели, а я уже не могу без вашей энергии, как избалованный мальчишка–аристократ без опиума! Когда леди Марими отдавала меня своей сестре, мне было ужасно обидно, хотя мне объяснили и причины, и цели... – так, а на эмоциях кто–то становится откровенней, чем ожидалось! – А потом три месяца. Три месяца возле вас и вы передаете мне энергию просто так, минуя все обряды и правила передачи, просто потому что я вам... нравлюсь! – судя по взгляду Ри-

ки, его этот факт чем-то жутко раздражал.

Наверное, он и сам понял, что наговорил лишнего, потому что вновь за секунду переместился на пол под окно и застыл, как изваяние.

– Это все? – я выползла практически из-под стола и приняла независимый вид благородной леди.

– Вам мало? – ехидно поинтересовался Рикиши, уже совершенно спокойным голосом.

– Ага! – честно кивнула я и попыталась улыбнуться: – То есть тебя мне подарили, потому что ты...

– Да насрать всем на меня! Как вы этого не понимаете? Вы ко мне привязались, вы! Настолько, что сливали в меня свою энергию. И я – это ваше слабое место! Ясно? Я – это тот, кем вас будут шантажировать, тот, кто вас предаст, если ему прикажут, тот, кто...

Рикиши махнул рукой и снова заткнулся. Демонстративно отвернувшись от меня в другую сторону.

Ну и ладно, на обиженных воду возят, а я тут еще почи-таю. Такая книжечка интересная попалась, 1286 года издания еще. Постарше моего вампирчика будет...

Деградация вот, тоже тема интересная. Она, оказывается, бывает обратимая и необратимая. Когда у нетопыря понижается уровень – это уже необратимо, а в любом другом случае, при тщательном уходе и правильном кормлении ...

У моего питомца вроде уровень не понижался, хотя и не повышался, к сожалению.

– Рики, а ты снова рисовать пробовал?

– Это еще зачем? – искренне удивился парень, с изумлением посмотрев на меня. – Не, намалевать что-то более-менее пристойное я вам смогу, если надо, но вы ведь про те портреты леди Марими. Так вот, подобное я уже не создам. Леди Сонола год считала, что я специально отказываюсь, злилась очень, – Рикиши рассказывал все это отстраненно-спокойно, как будто и не про себя. Словно мне фантазии не хватит представить, как могла злиться леди Сонола.

Странно, но сейчас, после порки и последующего секса на грани изнасилования, мы стали... роднее, что ли. Не объяснить словами, но если раньше я ориентировалась по его мимике, по улыбкам, по интонациям, то сейчас я просто Сочувствовала вместе с ним.

Я вздохнула. Злиться не буду, конечно, но очень бы обрадовалась, если бы Рики снова стал рисовать. Почему-то я знала, что это была важная часть его жизни. С другой стороны меня пугали, что через пару дней я стану хозяйкой вурдалака, а тут уже третья неделя пошла и вроде все отлично.

– Рики, а у тебя уровень не понизился?

– Леди... – разозлился, чувствую что разозлился. – ...Нет!

И длинная пропущенная речь, вырезанная его внутренней цензурой.

Ну и ладно, подумаешь, не понизился и славно. Спросить все равно надо было, хотя ни одного из перечисляемых признаков в наличии не было. А они довольно заметные, на-

чиная с дикой головной боли в течение нескольких дней. Вот деградацию, при желании, можно и скрыть, особенно небольшую. Поэтому Сонола и бесилась – думала, что Рикиши просто капризничает.

Кстати, интересный момент, преданность нетопыря контролируется исключительно правильно построенными обрядами создания и передачи. А дальше все в руках мага и метафизически–духовной связи. Можно заранее заложить полную безынициативную покорность, можно регулировать ее приказами. Не зря же Рики советовал «наприказывать ему побольше». Прямой приказ, если он не вступает в противоречие с уже имеющимися от более вышестоящих, выполнять придется. Но в приоритете маг–создатель, даже если нетопырь был отдан другому хозяину с полной передачей прав.

Забавно, что в текстах обрядов перечислялись такие моменты, как «не убий», «не обмани», «не укради». В примерах были приведены как кабальные сделки, так и тонко составленные договоры, типа «мечта–юриста», где нетопырь был окружен со всех сторон, но при этом ему оставлены иллюзия свободы и шанс проявлять инициативу.

А уж тексты обрядов передачи были еще более умильно крючковазвращенными.

Маги–создатели, от щедрот своих одаривающие кого–то из родных или знакомых, одновременно оставляли за собой право чуть ли не отозвать подарок обратно, но эту возможность в текстах иногда хитро прятали.

Интересно, нетопыри все эти нюансы ощущают на том же метафизически–духовном уровне? Потому что охватить разумом некоторые пункты с первого раза невозможно, по–моему.

В отдельном небольшом разделе очень не рекомендовалось приучать нетопырей проявлять излишнюю инициативу и оставлять без присмотра, если в этом нет необходимости. Так же уточнялось, что в общественных местах нетопыри могут находиться только в сопровождении «ответственного за их поведение».

Так... Короткая какая методичка, однако. И я в ней не нашла самого главного, зачем нетопырей, вообще, создают–то?! Чтобы был постоянный преданный раб?

О! Возможности... Мать вашу! Идеальный хищник, охранник и убийца в одном флаконе.

Поизучав сравнительную таблицу возможностей нетопырей в зависимости от их уровня, я подняла голову и наткнулась на самодовольную улыбку Рикиши. Он тоже меня чувствует, засранец, иначе, как бы он догадался, о чем я сейчас читаю?

Ну и ладно, ну и пусть, ну и... короче, вопрос, зачем магам нетопыри снимается, – сама бы не отказалась. Да я и не отказалась на самом деле.

Резюмируя, ключевая мысль методички: «Понимать нетопыря не обязательно. Обязательно его любить и кормить вовремя». Многочисленные примеры обрядов на создание и

упокоение я просто скопировала в память своего артефакта. В конце книжки была очень многообещающая фраза: «Способности к взаимодействию между магом и его нетопырем зависят от метафизически–духовной связи, класса мага и уровня нетопыря. Вплоть до того, что первый может делиться своим магическим потенциалом с последним».

Ладно, переходим к принципам. Тут все сложнее намного.

Территория Ноакиндомской империи составляет около 212 тысяч кв.метров, ну так... маленькая империя. Хотя это территория именно городов, а они раскиданы по подземелью и даже есть парочка на поверхности. Тханфортхроу и Тханфортендрат. Какая радость! Надеюсь, там меня и оставят жить.

Дальше я тихо зачитывала отрывки из книг на все тот же артефакт, чтобы потом прослушивать и выбирать нужное, только сесть перелопачивать все это в удобоваримый текст мне уже не дали.

– Леди, время ужинать.

Я с трудом встала из–за стола: отсидела себе все что можно и что нельзя, хотя и ерзала постоянно, устраиваясь поудобнее. Тут же оказавшийся за спиной Рикиши, обнял, пропустив свои руки у меня под мышками, сцепил пальцы в замок на моем затылке и вдруг резко дернул вверх. Полегчало мгновенно.

– Спасибо, – я обернулась и провела ладонью у Рики по щеке.

Кстати, о том, что у нетопырей прекращает расти щетина, нигде написано не было, значит просто у моего не начала... до обращения. «Мне – двадцать, ей – двести...».

– На здоровье, главное, – недовольно буркнул парень, быстро складывая книги на столе.

Потом подхватил меня на руки и... я бы подумала на телепортацию, но раз перед глазами что-то промелькнуло, то это был всего лишь спуск на первой вампирской скорости. По дорожкам в сторону столовой мы пошли уже как приличные люди – спокойно и размеренно.

А вечером, уже в кровати, Рикиши прижал меня к себе так крепко, что даже дыхание перехватило, уткнулся мне в лопатки лицом и затих на какое-то время. Я лежала, боясь пошевелиться, спугнуть этот хрустально-трогательный момент.

Он длился недолго. Вскоре меня поцеловали... сначала туда же, между лопаток, потом в плечо... в шею... за ушком... вдоль позвоночника... ниже... ниже. Ягодицами я ощутила, как член Рики твердеет, приподнимается, упирается в меня. Почти тут же я оказалась в очень интересной позе, лицом в подушку, и в меня вошли, резко и зло, как сегодня в библиотеке. Ну нет! Хорошего понемножку!

Я попыталась вывернуться, Рики попробовал меня удержать, я дернулась сильнее, хватка тут же ослабла и я оказалась сверху, в позе наездницы, а он подо мной. Станный взгляд, ожидающий чего-то, провоцирующий. Я прове-

ла ногтями по его груди, оставляя тонкие красные полосы. Не такие красивые, как получались у Сонолы, но тоже заметные. На лице Рикиши промелькнула довольная улыбка.

Засранец просто будит во мне зверя, как я понимаю! Ну что ж, для первого раза хватит, наверное? Но чтобы кто-то точно успокоился, я сжала ногтями соски, затем потянулась поцеловать искривившиеся в усмешке губы. А потом, откинувшись немного назад, долго скользила по крепкому, так приятно ощущаемому мышцами члену, до тех пор пока тело подо мной не выгнуло от оргазма. И только тогда кончила сама, впиваясь пальцами Рикиши в ягодицы, давая ему ощутить каждый мой внутренний мышечный спазм. Обессиленная упала ему на грудь, обняла, прижалась... и уснула под мерный стук его сердца.

А на следующий день, пока я работала в библиотеке, Рикиши прошелся вдоль книжных полок и притащил мне книгу «Язык жестов. Если магия бессильна». Я вопросительно посмотрела сначала на парня, потом на книгу, потом снова на парня. Заслужила улыбку-приз на звание лучшего тупарика. Кивнула и начала листать... Интересно!

Жестами можно было говорить целые фразы, оказывается. Главное, очень удобно, если рядом нет такого же читающего. Едва я открыла рот, чтобы задать вопрос, как Рики приложил палец к своим губам, потом достал из кармана записывающий артефакт и включил его на показ слайдов. Ага... Вся книга была перелопачена, подправлена, скоррек-

тирована.

Я хотела включить свой, но Рикиши отрицательно помотал головой. Главное, все делалось молча. Наверное, это была тайна, которую ему запретили выдавать, но он придумал, как ее обойти. Так, то есть записывать нельзя, спрашивать ничего нельзя, можно только сидеть с книгой и заучивать. Я показала один палец, мне включили первый слайд и я быстро начала записывать непонятные ни для кого, кроме меня обозначения: «1.22.А – 1. 17.В». Это означало, что жест «А» в первой главе под номером двадцать два надо читать как жест «В» в той же первой главе, но за номером семнадцать.

Закончив, я вновь вернулась к Ноакиндомской империи и даже умудрилась перейти от географической и политической информации к обычаям и ритуалам.

К местной пятнице я сдала готовый реферат, в субботу ушла в традиционный запой с Абагэйл, в воскресенье рычала на всех, кто встречался у меня на пути.

В понедельник утром я была в зале с местными телепортами, чтобы получить посылку из поместья – высоченную, под два метра, плоскую коробку, которую вынесли двое мужчин, тут же скрывшихся обратно в кладовке–лифте. Уверена, что подступы к поместью охраняла Сонола. И мне было очень интересно, в курсе происходящего Марими или нет... Ведь она обещала, что я могу возвращаться обратно за тем же платьем, например.

Судя по лицу Рикиши, вернее по его ухмылке, он тоже

был слегка шокирован случившемся. Однако, подхватив коробку, быстро притащил ее в мой номер. Там оказалось восемь платьев, туфли к ним, коробочки с украшениями, не хватало только лозунга: «На, подавись, и не смей у нас появляться!».

Рики сидел на кровати, слегка растерянный и не понимающий, потом пожал плечами и кивнул на дверь:

– Пойдете тогда на занятия?

Я—то, наивная девочка, отпросилась на эту неделю, думая, что проведу ее в приятном обществе новых родственников, готовясь к королевской аудиенции и выслушивая поучения Сонолы. Как выяснилось – зря. Но идти учиться не хотелось.

Я упала на кровать, закинула руки под голову и задумалась. Правда, сколько не размышляй, логики в случившемся я не видела. Разве что по дому уже ходит настоящая Алиса и наша встреча является не слишком желательной. Тут же внутри все передернуло, как только я вспомнила странные слова старика—архивариуса: «Похвально!» Вот что он имел в виду, антиквариат древний?!

– Рикиши, мне страшно...

– Леди, я честно не ожидал, что с вами поступят вот так, – в голосе моего нетопыря звучало чувство вины, как будто он сам участвует в этом странном заговоре.

Нет, естественно отыграть изумление и растерянность ему, наверное, было бы не сложно, вопрос только зачем. К тому же я сама прекрасно чувствую, что он действительно

не ожидал.

Я почти силой заставила себя пойти на занятия – отвлечься, пыталась участвовать в болтовне однокурсниц во время обеда, отшучивалась. Позволила Абагэйл рассмотреть все платья и поахать на украшения, померила, покрасовалась, поужинала. Получила намек, что от предвкушения встречи с королем совсем зазналась. Виновато извинилась, сославшись на то, что, наоборот, очень волнуюсь. Получила кучу советов, как надо правильно себя вести и, наконец–то, упала на кровать. Зарылась в подушки и позволила себе непродуктивно понервничать.

Даже секса не хотелось. Было неудобно, странно, подозрительно, страшно... Но не ехать во дворец было еще страшнее.

Следующие дни я старалась поддерживать себя в более–менее нормальном состоянии с утра и до самого вечера, чтобы после ужина скрутиться в тугую пружину, которую Рикиши с трудом ненадолго раскручивал, возбуждая, тормозя, купая в ванной, отпаивая разнообразными чаями и скормив мне потихоньку весь килограмм шоколада.

В пятницу вечером я резко проснулась, не обнаружила своего нетопыря рядом и тихо прокралась в соседнюю комнату, чтобы услышать окончание разговора:

– Вы мне обещали, леди! Да, мне важна безопасность моей новой хозяйки... Вы же сами меня ей подарили! Я предам вас при первой же возможности, леди. И ее предам, да-

же не сомневайтесь. Избавиться от нас одним ударом? Прекрасная идея, леди. Вы помните, что нетопыри не умирают сразу? Как вы думаете, сколько ваших тайн я смогу озвучить перед смертью? Вы перестали пускать меня к себе в мысли не так давно, так что я знаю слишком много лишнего. Или вы выполняете свою часть договора, или часть ваших тайн будет оглашена прямо во дворце.

Глава 13

Я затихла мышкой, пытаюсь понять, что происходит. Рикиши шантажирует Сонолу? Почему–то сразу подумала именно о ней, не о Марими, хотя фраза «Вы же сами меня ей подарили!» могла относиться как к одной, так и ко второй. Но тон... Странно было представить моего нетопыря, разговаривающего подобным образом со своей первой хозяйкой.

И, главное, что там за договор такой, который Сонола нарушать собирается, да еще и настолько важный, что Рикиши готов пойти на шантаж. Причем... учитывая наше текущее СОчувствие друг друга, я была уверена, – он нервничает, действительно нервничает.

И тут я ощутила довольно сильный ментальный удар, не по мне, но... Влетела в комнату и, ожидаемо, увидела бледное до синевы тело, валяющееся на полу.

Идиот! Придурок! Безмозглый кретин!

Не помню, кричала ли я все эти ругательства вслух или про себя, но, упав рядом с Рикиши, я принялась его трясти, вливать в него свою силу, запихивать запястье чуть ли не прямо ему в рот...

И пришла в себя от взволнованного голоса Марими у себя в голове:

– Киш, что происходит?!

– Леди?! – я произнесла это вслух, но она меня услышала.

– Говори через Рикиши, девочка. Что с ним?

– Он... Он разговаривал с Сонолой, а потом побелел и теперь лежит без сознания, – я с трудом мыслила спокойными четкими фразами, стараясь не разрыдаться.

– То есть он до сих пор нормальный? – мне показалось, что в голосе женщины послышался намек на ревность, но потом она перешла на чисто деловой тон: – С Сонолой? Странно. Кстати, почему ты не появилась в поместье в понедельник? Я ждала тебя.

– Ждали?! Но... – я растерянно замолкла, потом попыталась фразами в голове пересказать все, что произошло в тот день. Теперь на пару минут замолчала Марими. А я вдруг начала чувствовать себя глупой трусливой девчонкой: мне просто всучили коробку с платьями, а я воспользовалась этим, как поводом избежать неприятной встречи с Сонолой.

– Ты удивительно предсказуема, но очень странно, почему Киш не насторожился, – подтвердила Марими мою догадку.

– Он был очень растерян, – сообщила я своей невидимой собеседнице.

– А должен был связаться со мной и уточнить, следует ли вам появляться в поместье или нет.

– Я пытался, леди, – в нашем диалоге зазвучал третий, слабый голос.

Уф! Живой... Выпорю... Упокою и выпорю!

– Странно. Наверное, что-то произошло с артефактом удаленной связи.

Судя по голосу Марими, она и сама не очень верила в такое редкое совпадение.

– Леди, я пытался связаться с вами в течение всего времени пребывания здесь! Между нами была глухая стена. Я волнуюсь за вас, леди...

– Уверен, что не за себя? – в голосе Марими прозвучал легкий укор, на который Рикиши тут же отреагировал:

– Леди, я разве хоть раз позволил вам усомниться в моей преданности?!

– Конечно, нет, – она улыбалась, это чувствовалось, но меня неприятно кольнули уверенность и легкое пренебрежение в голосе. – Теперь это не твоя проблема. Лучше расскажи мне, что это за история с Сонолой?

– Я ее немного разозлил и отвлек, – если бы не наше СОчувствие, то я бы не заметила промелькнувшее на заднем фоне смущение, так уверенно даже мысленно прозвучала фраза. – И только тогда мне удалось пробить стену между нами.

– И ты потратил на это всю свою энергию? Чтобы предупредить меня? Как это трогательно!

Мне пришлось очень сильно напрячься, чтобы заглушить в себе желание придушить кого-то из этих двух голубков. Учитывая, что разговор шел на ментальном уровне, это было равносильно подвигу. – Кстати, приятно удивлена, что ты до сих пор жив, – ну, вот насчет «кстати» – согласна, а насчет «приятно» она приврала, точно. – Раз уж ты столько време-

ни с этой девочкой и до сих пор не деградировал... Я позволяю тебе совершить обряд полной передачи прав. По крайней мере, это не позволит моей сестре отомстить тебе завтра слишком легко. Но, вообще, надо думать, кого злишь!

– Да, леди. Спасибо, леди!

– Надеюсь, ты выживешь завтра, – снова легкое пренебрежение в голосе, как будто на самом деле ей просто интересно, сумеет ли Рикиши выкрутиться. – Икари, девочка, я, конечно, очень расстроена, что мы не повидались перед поездкой во дворец, – такое ощущение, что Марими неожиданно забыла о третьем участнике беседы, потому как резко изменилась интонация. Нет, она не стала матерински–заботливой, но нотки стали ощутимо теплее. – К сожалению, – кстати, в передаваемых эмоциях действительно фонило легким расстройством, наверное, от того, что весь завтрашний спектакль пройдет мимо, – я не смогу завтра оказаться там и поддержать тебя. По делам семьи я сейчас нахожусь на другой половине Яхолии и не могу все бросить и вернуться. Ведь официально твоя опекунша – моя сестра. Да и с дроу ей общаться привычнее. Но я уверена, что ты готова к приему и не опозоришь семью Тарнизо. В конце концов, от тебя не так уж много и требуется. Зато, если будешь хорошей девочкой, вместо смерти в каком–то забытом всеми богами мире, получишь жизнь при дворе императрицы Ноакиндомской империи. Ты станешь женой ее четвертого сына. К трону тебя, конечно, не подпустят, но и на дороге ты ни у кого стоять

не будешь. Так что у тебя впереди прекрасное будущее, за которое ты должна быть нам благодарна, – тут Марими выдержала небольшую паузу и продолжила: – Я, конечно, обещала тебе помочь создать своего личного нетопыря, и мое обещание в силе. Так что, как наиграешься в Киша...

– Спасибо, леди, – я очень постаралась, чтобы в моей мысленно сказанной фразе действительно прозвучал хотя бы намек на благодарность.

– Не понимаю, почему ты злишься, девочка, – судя по звучащему у меня в голове голосу, Марими, и правда, была в недоумении. – Но очень рассчитываю на твою благоразумность.

– Пусть тогда Сонола держится от моего Рикиши подальше! – буркнула я. – И будет здорово, если она выдаст мне краткий курс выживания среди дреу.

Марими засмеялась, как будто зазвенел серебряный колокольчик.

– С Кишем я чем могла, тем помогла, проведешь обряд – и он твой. Соврать он тебе не сможет после того, как я дала свое согласие на полную передачу прав. То, что Сонолу он постоянно провоцировал – его вина. Если сейчас сестра посчитает, что предел ее терпения наступил... Значит – наступил. Меня их противостояние достаточно долго забавляло, но раб должен знать свое место. Насчет краткого курса выживания... – Марими снова тихонечко засмеялась. – Я скажу сестре, может, она и захочет тебе помочь.

Что-то я в этом сомневаюсь. Как говорится, ничто не предвещало.

– Простите, леди, – Рикиши вновь напомнил, что нас тут трое, и мы общаемся через его голову. – А можно вас попросить не сообщать леди Соноле, что вы совершили мою полную передачу леди Икари? Оставьте мне маленькую фору в противостоянии с вашей сестрой, пожалуйста! – О, да, мой нетопырь умеет умолять профессионально, сразу до слез пробирает. – Если я выживу, то буду охранять свою новую хозяйку...

Марими задумалась, потом чуть слышно усмехнулась:

– Ну, хорошо, я забуду сообщить сестре о такой мелочи. Иначе, действительно, совсем не интересно будет.

То, что мы остались вдвоем, я заметила не сразу. Нет у меня привычки общаться напрямую через голову, тем более чужую. Никаких гудков – ни вызова, ни занятости, никаких кнопок, ничего привычного, только отсутствие «дыхания» чужого сознания где-то рядом. Зато осталось бледное до синевы тело, запекшиеся губы, закрытые глаза, как будто утончившиеся пальцы, обострившиеся и удлинившиеся ногти... КрасавчЕк!

Ради меня он, значит, жизнью рисковать не готов, а чтобы связаться со своей драгоценной хозяйкой, не отвечающей на его зов...

– И что это было? – поинтересовалась я, поглаживая бледное тело по щеке и обдумывая, что сейчас секс будет чем-то

сродни некрофилии, а если поделиться кровушкой, то есть шанс, что до начала приема во дворце не восстановлюсь.

– Эксперимент, – хмыкнул Рикиши, не открывая глаз, но потихоньку розовея, наслаждаясь моей лаской и восстановлением сил. – Ехать во дворец, не понимая точно, что нас там ждет и не имея никаких козырей, было бы чистым самоубийством. Особенно учитывая то, что между приказами леди Сонолы и вашими мне пришлось бы выбирать ее.

– Хочешь сказать, что это не Сонола тебя... Это ты сам?! – приду–у–у–урок нетопыревый! И тут глупая надежда сверкнула где–то в глубинах подсознания: – То есть ты все же заботился обо мне?

– О себе! – устало буркнул Рикиши. – Я всегда забочусь в первую очередь о себе, леди! И между вами и леди Сонолой я выбрал вас. Придется много работать над вашим воспитанием, конечно, но я уже как–то привык к тому, что меня любят и с моим мнением считаются, – говоря все это, Рики кривил губы в ехидно–презрительной улыбке, но я чувствовала, что за этой маской пытаются просто скрыть раздражение своей слабостью.

– Ты даже не знал, получится у тебя или нет? – дошло до меня с небольшим запозданием.

– Как–то раньше надобности к такому экстремальному средству связи не было, да и вспомнил я о нем, только когда ту книжку увидел. У леди Марими была такая же.

– А если бы меня рядом не оказалось?! – убью, запорю,

упокою. Ух, как я разозлилась... И тут же успокоилась, увидев, как уже начинающее розоветь тело снова бледнеет. Откат был гораздо быстрее. Так, спокойствие, главное, спокойствие! Не сейчас, не сегодня, позже...

Я нагнулась и поцеловала сухие губы, выдыхая внутрь все хорошее, что я испытывала к этой вампирской заразе.

– Ну вот, и как я могу променять вас на леди Сонолу? – Рикиши обнял меня и прижал к себе, крепко–крепко, как будто собирался выкачать из меня все тепло, а я растекалась по его обнаженному телу, расслабленно наслаждалась. И неожиданно вспомнила, что за окном ночь, завтра тяжелый день и, вообще, время спать.

Проснулась я на рассвете от очень плохого предчувствия в кровати в обнимку со своим непутевым нетопырем, который выглядел уже более–менее прилично, хотя и знал лучшие времена, если уж честно.

Рикиши уже не спал, лежал и смотрел на меня очень задумчиво, как будто обдумывал, правильный ли выбор он сделал.

– Ну что, время проводить обряд? – я натянула на лицо подобие бодрой гримасы, и спрыгнула на пол.

Тэлефию я на сегодня отпустила, так что никто и ничто не должно было нам помешать.

– Вы уверены?

Сомнение в голосе Рики задело меня за живое.

– А ты?!

– Леди! Я – уверен, но вы понимаете, что берете на себя ответственность за мое существование?

– А до этого в течение трех недель, что я делала? Получала удовольствие?

– Надеюсь, – на губах Рикиши появилась самая любимая из моих улыбок. Самоуверенно–довольного засранца.

– Короче, сколько там времени занимает этот обряд?! – я была готова сама надавать себе ремнем за то, что так не вовремя вырубилась в ночи, но уж очень хотелось спать. Да и нетопырь у меня был более готов к обряду упокоения, чем к передаче от хозяина к хозяину. Хотя, если верить методичке, никаких особых энергетических затрат в процессе не планировалось.

– Минут пятнадцать–двадцать, – насмешливо фыркнул Рики.

– Текст договора довольно длинный. Странно, что для этого не нужно присутствие леди Марими... – озабоченно выдала я, успокаивая себя, что обманывать меня, вроде как, никому не зачем. Тем более, как я поняла, это вообще в интересах Рикиши. В книжечке вроде было какое–то упоминание для частных экстренных случаев.

– Просто иногда такой обряд происходит между нетопырем и наследником мага уже после смерти мага–создателя, – точно, именно это.

Ну, мы действительно довольно быстро отмучились. Рикиши говорил текст, я за ним повторяла, почти не запоминая

и не вникая в смысл. Причем мне категорически запретили записать текст на бумагу или хотя бы на диктофон, чтобы потом прослушать. «Я повторю вам текст в любой момент, как вы пожелаете, но если он попадет в чужие руки...» Логично, но немного обидно – мне в чем-то клянутся, а я даже не совсем понимаю – в чем. Потом я королевским жестом протянула своему нетопырю руку, чтобы этот кровопийца хлебнул немного для восстановления сил и как часть ритуала, ну, и напоследок он прокусил свое запястье, и уже я глотнула его крови. Солоновато-сладкая, обычная... В общем, одно сплошное разочарование. Прodelала что-то жутко важное, а никаких там громов и молний, внутренних изменений, вообще, ничего не произошло!

– Слушай, а со стороны тоже ничего не заметно?

– Нет, – хмыкнул мой нетопырь, только как-то странно.

Я перестала разглядывать себя в зеркале и обернулась. Рикиши изучал небольшую татушку у себя на плече. Приглядевшись, я заметила, что она изменилась. Был орнамент из прямых линий, стал – из витиеватых и что-то мне очень напоминающий... М-да! Узор обоев на моей кухне... Как его там продавец назвал-то, вспомнить бы еще. Как-то красиво, что-то со сталью связано или с ножиками. Точно! Дамасский орнамент, вот! Еще втирал долго о том, что у меня хороший вкус, и это один из знаменитых растительных орнаментов, потому что удивительно красивый. Для меня же тогда главным был цвет обоев – кофе с молоком, и то, что они – мою-

щися. Ну, и узор был красивый, да. Запоминающийся.

– Под одеждой незаметно будет, – буркнул Рики и посмотрел на меня: – Но зато сразу видно, что у меня произошла смена владельца.

– Как ты думаешь, какое платье...

Тут дверь в номер распахнулась, и, вылетев из комнаты, я наткнулась на стоящую в коридоре Сонолу.

– Пришлось воспользоваться личным порталом, – пояснила она мне, небрежно отодвигая меня в сторону.

Рикиши, уже одетый, склонил голову в вежливом поклоне.

– Проспался? – с презрением в голосе поинтересовалась Сонола. – Это хорошо! А то уж я было решила, что придется все переигрывать. А у меня столько планов на вас двоих завязано, прямо сама себе удивляюсь. Есть, конечно, пара–тройка вариантов для подстраховки, но они не такие интересные. Ладно, отбросим лирику в сторону, – Сонола сделала едва заметный жест пальцами, и мне в руки упало бирюзовое платье, а под ноги – темно–голубые туфли. – Надеюсь, ты вдосталь начиталась об этикете друу?

Я пожала плечами, позволяя Рикиши запихивать меня в выбранный Сонолой наряд.

– Ну, не разочаровывай меня, – усмехнулась моя опекунша. – Ты две недели вела себя предсказуемо, не с чего тебе вдруг на третьей было повернуть что–то оригинальное. Тем более, тебе же наверняка Ноакиндомскую империю выдали

как тему реферата.

Я кивнула, чувствуя, как начинаю тихо озверевать. Еще немного, и сорвусь, нарычу на эту стерву.

– Впечатления полной дурочки ты не производила, значит, сообразила, что подмена настоящей Алисы на тебя произошла именно из-за этого брака с принцем дреу. Не хочу я родную дочь ссылать в эти катакомбы. К тому же, после того, как сама там прожила семь лет.

Точно, сейчас озверею! Правда, пока я просто согласно кивнула.

– Ничего более подходящего, кроме потери памяти, мне тогда в голову не пришло, – Сонола почти пожаловалась, признавая, что идея была не самая умная, но времени на что-то более оригинальное у нее не оказалось, вот и пришлось как-то выкручиваться. Ей. Ну, и мне потом...

– Надеюсь, ты понимаешь, что если вдруг решишь с кем-то поделиться правдой, я просто печально констатирую факт, что болезнь вновь проявилась и, мало того, начала прогрессировать? Да, выдать втихую мою девочку удачно замуж здесь же на Яхолии уже не получится, но даже в монастыре ей будет лучше, чем в пещерах этих мерзких поклонников пауков... – Сонола вся передернулась от омерзения. – А вот ты просто возвращением в свой мир и тихой смертью не отделаешься. Я очень изобретательна, когда злюсь, можешь спросить у этого... – последовал небрежный кивок в сторону Рикиши. – Сестра уверена, что ты и так должна быть бла-

годарна нашей семье после того, как узнала, что мы подарили тебе вторую жизнь. Ну, а я люблю, знаешь ли, подстраховаться, тем более друу попросили короля пересмотреть условия брачного договора, и этот олух согласился! Так что ты не будешь доучиваться в академии, а сразу из дворца отправишься в пещеры вместе со своим мужем. Без права возвращения на родину! – Сонола хмыкнула и посмотрела на меня с легким сочувствием. – Поэтому знания, даваемые в академии, тебе не понадобятся, и дальнейшее оттягивание брака бессмысленно, – женщина подошла ко мне, и неожиданно сама надела мне на шею полагающееся к данному платью ожерелье. – Изобразить, что мне тебя жаль, и что, вообще, испытываю к тебе какие–то чувства, не буду, – почти ласково проворковала она, любясь нашими отражениями в зеркале. – Но ты столько времени была умной и послушной, что заслужила небольшой подарок.

Сонола достала из глубокого выреза маленькую заколку и воткнула ее мне в прическу:

– Это украшение много раз спасало мою жизнь. Вместительность у этого артефакта небольшая, но на что–то очень важное и необходимое – хватит.

Я прямо чуть не прослезилась от умиления, сжимая зубы, чтобы не сказать какую–нибудь колкость.

– Постарайся использовать свой второй шанс более насыщенно, чем первый, – ласковая Сонола меня пугала гораздо больше, чем привычно стервозная гадина. – Возможно, я да-

же помогу тебе в какой–нибудь мелочи, если это не сильно меня напряжет или будет необходимо, чтобы поддержать легенду, будто ты – член нашей семьи. Но советую рассчитывать только на себя. И не пытайся сорвать свое собственное бракосочетание попытками выдать правду, – насчет последствий я не шутила. Тем более, если ты вдруг забыла, я тебе сделала еще один маленький подарок, так вот его, само собой, придется упокоить. Но это мелочи, конечно... – И Сонола с ехидной усмешкой махнула рукой в сторону Рикиши.

Выбора у меня не было, поэтому я, сначала попросившись с Абагэйл, отправилась во дворец, как теленок на заклание. Во мне боролись два противоречивых желания – разрыдаться и разнести все к чертовой бабушке. Тормозов тоже было два: слившийся в единый комок страх за себя и Рики, а еще глупейшая в своей наивности надежда на лучшее. Ну да, дроу... Жрицы, пауки, катакомбы... Но ведь и там люди выживают!

Учитывая мое состояние, неудивительно, что все прелести дворцовой архитектуры и трудов садовников прошли мимо меня с песнями и плясками народов севера. Более–мее адекватно реагировать я стала, уже оказавшись в отдельной комнате, стоя у окна и согреваемая объятиями Рикиши.

– За нами сейчас придут, леди, – настойчиво прошептал он мне в ухо. Только вместо привычного сексуального желания я едва удержалась от слез.

Так, не жалеем себя, не жалеем! У меня все будет хоро-

шо... Я справлюсь!

Ясно, что Сонола не простит мне, если я устрою сцену во дворце. Она ни разу в нашем разговоре не упомянула о своем сыне, но я не удивлюсь, если и его судьба тоже здесь замешана. Потому что иначе Алису просто признали бы тяжело больной и оставили под опекой матери. Никто бы не стал настаивать на браке с не совсем здоровой на голову девушкой, если только этот брак не выгоден семье этой девушки.

Значит, от моего хорошего поведения зависит судьба двоих детей Сонолы. И, понятное дело, если я попробую все испортить, то умирать буду не мгновенно и в своем мире, а в этом – долго и в муках. И сначала у меня на глазах так же долго и в муках умрет Рикиши...

– Леди Элис Тарнизо? Король ожидает вас!

Ну, вот и все... Идем приносить себя в жертву во имя призрачного шанса на вторую прекрасную жизнь.

Я вошла в большой зал самой последней, как и положено невесте. Все взоры были устремлены в мою сторону, я же внимательно изучала ковер под ногами. Потом выполнила необходимую последовательность поклонов и реверансов вокруг трона, слабым голосом прошептала положенные по этикету слова приветствия и замерла слева от короля рядом с Сонолой.

Только после этого я позволила себе осмотреться и поизучать представителей Ноакиндомской империи, приехавших за женой для своего принца. Одна женщина зрелого возраста

та, с виду постарше моей опекуниши и рядом с ней две молодые девицы с задранными вверх носами и презрением в черных с красным оттенком глазах. Женщины выглядели удивительно хрупкими и миниатюрными, создавалось ощущение, что это – копии Марими, только облитые черной краской. Да, их кожа была черная, как уголь, а волосы белые, как снег. Черные плотно обтягивающие грудь и живот платья из поблескивающий при свете свечей ткани от бедер были разрезаны на широкие полосы. На ногах – высокие, до колен, сапоги из мягкой на вид кожи. Плотным кольцом вокруг трех женщин стояли десять мужчин, тоже обманчиво хрупких из-за тонкой кости, но под кожей их обнаженных рук были заметны напрягшиеся мышцы. Сначала они все мне показались на одно лицо, бесспорно красивые, но совершенно неотличимые один от другого. Потом я потихоньку начала вычленять различия, даже заметила, что у кого-то волосы отдают в рыжину, у кого-то отливают золотом, а у пары человек были намеки на шатеновость.

Пока я занималась изучением людей, то есть эльфов, в мире которых мне теперь придется жить, король громким звучным басом произнес торжественную речь, закончившуюся радостным объявлением, что он счастлив отдать свою прекрасную подданную, третью ветвь семьи Тарнизо в жены четвертому сыну императрицы... После того, как он произнес ее имя, я с тоскливой завистью подумала, что у кого-то было время потренироваться, а вот как мне этот непереводаемый

набор букв запомнить с первого раза?! Но дальше последовало имя моего будущего мужа, и я напрягла все свои извилины, чтобы запечатлеть в памяти хотя бы первую часть. Бхинатар Фейн Алеан Вал... Нет слов, одни буквы!

Бхи–на–тар–фей–на... вал! Как я его ласково называть должна?? И ведь там море таких бхинатавров! Может, сразу Соноле сдаться?

Старшая женщина сделала знак рукой, и моя опекунша подтолкнула меня в спину:

– Она должна убедиться, что ты моя дочь.

Все возражения я проглотила, вспомнив, что по всем показателям не просто дочь, а копия этой стервы, так что все пройдет отлично, главное – заставить себя дойти до этих страшных в своей нелюдской красоте существ.

Рикиши за мной следом не пустили, хотя он попытался меня сопроводить.

– Не позорь ее сразу! У них матриархат, а она попрется, держась за ручку раба–мужчины?! – услышала я шепот Сонолы.

Точно, у них же матриархат, а я – женщина. Так что вторичные половые признаки вперед, уверенность на лице нарисовать и запинать страх в уголок. Если надо, Рики окажется здесь за секунду.

Старшая в делегации одобрительно покивала, встретившись с моим уверенным взглядом оборзевшей от страха мышки, взяла мою руку своими длинными узкими пальца-

ми, провела по линиям моей ладони, нахмурилась. Потом взяла протянутый одной из девушек ножик и полоснула по моим пальцам. Отдернуть руку я не успела. Тут же под каплю тоненьким ручейком кровь подставили небольшой треугольный артефакт с выемкой в середине, и мы все уставились на него, ожидая чего-то. Он оправдал наши надежды, засверкав, заискрив, даже начав излучать тепло и только не мурча, как сытый котенок.

Обернувшись на шум за спиной я отметила, что двое эльфов перекрестили мечи, наивно надеясь этим удержать ожидаемо возникшего при первых признаках опасности Рикиши.

– Твой мужчина? – заинтересовано уточнила одна из девушек, оглядывая моего нетопыря, как породистого самца на распродаже. Только зубы ему не посмотрела.

– Мой, – рыкнула я, игнорируя предупреждающие покашливания Сонолы. Мой, и все тут!

– Истейл, – спокойно констатировала старшая женщина.

Я кивнула. Странно, но после того как артефакт заискрился, мои порезы почти мгновенно затянулись.

– Он идет с тобой?

Я кивнула, и женщина довольно улыбнулась. Затем она кивнула одному из мужчин, очень молоденькому, с виду не старше Рикиши:

– Теперь ты!

Парень сделал два шага в сторону трона и тоже довольно

улыбающейся Сонолы, а одна из девушек потянулась, чтобы зачем-то провести по его руке ногтями. Но вдруг он резко развернулся, упал на колени перед главой делегации и быстро заговорил на певучем, совершенно непонятном мне языке. Единственное, что я разобрала, было раза три с презрением выплюнутое слово «иблит» и произнесенное с уважительным придыханием: «Ллос».

Женщина зло прищурилась и вновь кивнула в сторону уже нахмурившейся Сонолы и короля, по-моему, не совсем понимающего, что происходит. Парень, не вставая с колен, отрицательно замотал головой. Воспользовавшись тем, что все внимание приковано к упрямцу, Рикиши подобрался ко мне поближе и прошептал: «Это сын Сонолы. Быстро попросите его себе, пока не поздно!»

Я, тихо истеря в глубинах подсознания и со скоростью света прокручивая у себя в голове все, что вычитала про этих треклятых гребаных ... друю... пролепетала, как можно более уверенным голосом:

– Мать одного из великих домов, присланная императрицей Брина Мэй Умари Арра Хелви в наш мир, позволь мне принять на себя заботу о моем брате.

Я с перепугу даже имя императрицы вспомнила и, вообще, вроде все правильно сказала, потому что женщина перестала злобно сверкать глазами и как-то очень хищно улыбнулась.

Пнув парня в мою сторону, она обратилась к королю:

– Старший брат Верховной Матери Первого Дома Священной Империи Дроу Мира ТинНигх, у нас был договор, что мы возвращаем живущего под нашей опекой сына женщины из семьи Тарнизо обратно в свой род. Нигде не оговаривалось, что род этот обязательно должен проживать на Яхолии. Согласно нашему договору, мужчина из семьи Тарнизо переходит в род своей сестры и возвращается вместе с нами обратно, вместе с Матерью своего нового рода.

Глава 14

Разумно решив, что налюбоваться на свое новое приобретение еще успею, я тоже посмотрела в сторону короля и, главное, Сонолы. Выражение ее лица было непередаваемое! Она, с одной стороны, очень старалась скрыть бурлящие у нее внутри эмоции, а с другой, они бурлили так сильно, что создавалось ощущение неотвратимо приближающегося взрыва. Бледностью она могла соперничать с Рикиши в моменты его приступов, правда, легкий румянец уже начал проступать на щеках, но основная концентрация чувств пряталась в глазах. Растерянность и злость одновременно, а еще совершенно неуместная для Сонолы эмоция – тоскливая какая-то нежность. Так, наверное, смотрят женщины на своих мужчин, провожая их на войну. Понимают, что остановить не смогут, и истерику на людях закатывать воспитание не позволяет. Вот и смотрят... Стараясь наглядеться на последок.

Король достаточно быстро отмер, величественно кивнул, оглядел меня с каким-то странным подозрением, потом сочувственно взглянул на Сонолу и излился краткой речью о том, что все довольны, и отлично, что все так хорошо закончилось. И раз все договоренности соблюдены, и всех все устраивает, можно приступить к основному блюду сегодняшнего меню – знакомству невесты и жениха, так как сва-

дьяба назначена на завтра.

Я снова слегка посерела, потому что стремительность всего происходящего не внушала мне оптимизма.

Жених, как оказалось, все время находился подле меня, – еще один из молодых дреу, отличающийся от остальных только прической, – часть волос на затылке у него была собрана в хвост. У всех остальных мужчин светлая густая волна свободно спадала на спину, а слева у каждого была заплетена тоненькая косичка, закрепленная одинаковой подвеской. На шее моего будущего мужа и моего брата она висела еще и крупным кулоном. И, наоборот, более мелкой сережкой украшала левое ушко каждой из женщин.

Чуть потеснив оставшегося стоять на коленях братца, жених тоже опустился на пол с величием старого рыцаря, делающего одолжение своей новой королеве. Во время подготовки реферата я прочитала свадебные обряды темных эльфов, благо на это отводилось полстраницы, сообщающей, что как таковых свадеб у дреу нет. Это уступка иным расам. На самом деле мужчина просто переходит в род женщины и, если она Верховная мать, получает право называться отцом Дома. Иначе – просто переходит под опеку матери рода. Самый сюр был именно в этом нюансе. Не под опеку так называемой жены, а именно главной женщины Дома. Только сейчас до меня с запозданием дошло, что Рикиши, получается, официально перейдет в собственность императрицы?! Но перепугаться окончательно я не успела, – глава делегации приня-

лась толкать речь.

Суть ее сводилась к тому, что моя свекровь озаботилась созданием отдельной ветви от своего рода, назвав ее Алеан Вал в честь искусных рук моего будущего мужа, умеющего ткать удивительные заклинания. Только такой мужчина достоин стать первым отцом рода, в котором Верховной матерью будет дочь такой магически одаренной женщины, как Сонола Тарнизо. Последнее было сказано ехидно—угрожающе, но одаренная женщина никак не отреагировала. По—моему, она была занята разработыванием новых планов по изытию своего сыночка.

Далее в речи было про небольшой конфуз, возникший из—за того, что эльф, воспитывающийся в роду Арра Хелви по имени Чхар Ясс Зине предпочел позорному проживанию среди обычных смертных жертвенный алтарь богини Ллос. Чхар Ясс Зине является свободным эльфом, и никто не вправе запрещать ему закончить своей жизненный путь таким образом, но богиня не любит трусов и предателей...

В этот момент мой так называемый братик издал неконтролируемый зубовный скрежет и снова шепотом помянул иблитов, за что получил ощутимый подзатыльник от моего будущего мужа. Рикиши тихо выдохнул—фыркнул мне в ухо. Конечно, ему весело...

Речь закончилась тем, что ветку от императорского рода, пока не являющуюся отдельным Домом, но уже имеющую право считаться самостоятельной ячейкой общества, будут

называть Алеан Вал Тарнизо, Верховной матерью которой будет Мируан Алеан Вал Тарнизо, а первым отцом – Бхинатар Фейн Алеан Вал Тарнизо. Так же в новую семью переходит Чхар Ясс Зине, но право называться Алеан Вал Тарнизо он получит, только если переживет наказание богини Ллос. Тогда его ждет наказание от разгневанной его поведением императрицы, которое должна будет осуществить Верховная мать его новой семьи...

То есть я. Супер! Кроме того я не поняла намек насчет наказания богини... Что значит «если переживет»? И что он пережить должен?

Девушка, царапнувшая Чхара, перед тем как он отправился в сторону мамочки, едва заметно, но очень самодовольно улыбнулась. А Сонола снова побелела и посмотрела на меня очень многообещающе. Сразу становилось понятно, что выживание этого упертого ишака напрямую связано с моим. Рикиши тоже излучал задумчивость, поглядывая то на напрыгнувшего Чхара, то на девушку.

Наконец, последовало быстрое смазанное движение, почти неуловимое глазом, и мой нетопырь вновь оказался у меня за спиной, а девушка растерянно скосила взгляд на свою руку.

– Яд, – шепотом пояснил Рики. – Глупо было ожидать, что они совершат честный обмен.

Оставив выяснение подробностей на потом, я уточнила только один момент:

– Он умрет?

– Если что, вы успеете сделать его нетопырем третьего уровня.

Не слишком успокаивающе прозвучало, если честно, но если не найдем других вариантов... Сонола будет в восторге! М–да...

Глава делегации тем временем закончила словесные излияния, король в ответ басом выдал цветистую фразу, обозначающую, что он в восхищении от щедрости императрицы и очень рассчитывает на дальнейшее сотрудничество, особенно в области торговли.

Странно, но в учебниках везде пропихивалась мысль, что Яхолия контактирует с Ноакиндомской империей исключительно в военной сфере. И вдруг... торговля.

Тут я вспомнила, что от меня еще требуется сказать пару фраз над коленопреклоненными мужем и смертником. В голове бегал паникер с плакатом: «Караул, мы все умрем!», пофигист сидел и лужгал семечки, а перфекционист сметал их на совочек, с причитаниями: «Решение других проблем от меня не зависит, так что буду следить за порядком...» Пришлось отнять совок, придать ускорение шваброй и отправить искать необходимый мне текст. Я помнила, что читала об этом, читала... значит, нужные фразы должны быть где-то у меня в памяти.

Но там был целый ритуал, перечисление необходимых специй и благовоний, взывание к богине... которая вряд ли

откликнется на мои молитвы. Да я со страха закаменею, если откликнется, – меня от картинок потряхивало, а уж при виде такой красоты вживую сердце остановится, дар речи пропадет, паралич тела наступит, короче, писец придет и унесет.

Но тут во мне проснулась жаба, и, громко квакая, объявила, что раз нам пожаловано в род два дроу, надо их принять, как положено, со всеми формальностями.

Сонола, наверняка, знает все тонкости и нюансы, но вот могу ли я ей доверять? Перепутает пару фраз и замкнет сына на себе, а мне потом с императрицей объясняться. Нет, главе делегации тоже по острым ушам выпишут, но и мне перепадет. Не зря же они обрадовались, узнав, что парнишка остается у них...

Короче, пришла пора решать, на чьей я стороне.

Я дернулась обратно к своей опекунке, чтобы слегка поторговаться, но мне очень тактично и недвусмысленно подрезали крылья на взлете. Старшая женщина положила мне руку на плечо и спокойно проговорила:

– Ты теперь одна из нас, а общаться с иблит разрешено только мне.

Нормально... То есть, вот так вот, раз и оппа?

Меня проводили в отдельные апартаменты, состоящие из трех комнат. Оставили мужа и брата, а еще парочка мужчин показательно осталась стоять у входа. На мой косой взгляд в их сторону глава делегации пояснила:

– Это для твоей и нашей безопасности. Мы должны до-

ставить тебя в Йультиакаэль целой и невредимой. Одна из жриц и двое воинов будут оберегать тебя денно и ночью.

Выдав все это, женщина удалилась, а я плюхнулась в первое попавшееся кресло и задумалась.

Чхар с видом стойка–мученика подпирал стену. Бхинатар уселся на пол неподалеку от меня и принялся водить рукой над лезвием своего меча. Похоже, магически затачивал...

Рикиши тоже упал в кресло напротив, скрестил ноги и с очередной своей ухмылкой умилялся на идеалистическую картинку «семья в сборе».

Кстати, насчет семьи.

Я напряглась и попробовала достучаться к Рикиши мысленно. Сначала ничего не получалось, потом на лице моего вампа промелькнуло напряженное выражение, и тут же у меня в голове зазвучал его голос:

– Хотите сегодня заобрядить еще парочку мужчин, да, леди?

Мысленно Рики был чуть более эмоционален, поэтому я уловила сложный набор: ехидство, любопытство, нетерпение и одобрение.

Я согласно кивнула, и, наткнувшись на настороженный взгляд Бхинатара, поняла, что сделала это не мысленно, как хотела. Ну, и ладно... Ситуация идиотская на самом деле. Наверное, надо как–то попытаться познакомиться со своим мужем, только я не очень понимаю – как. В картишки перекинуться и бутылку вина на брудершафт?.. Помнится с Абаг-

эйл это очень помогло сдружиться, а вот какой будет результат с магом дроу? Но обстановку мы точно разрядим...

– Так, мальчики, может, выпьем, поболтаем, познакомимся поближе?

Чхар презрительно сверкнул в мою сторону, помянув опять иблитов. Бхинатар, наоборот, улыбнулся, сверкнув белыми зубами на черном лице:

– Я с удовольствием готов побеседовать на любую из тем, которую предложит мать Мируан.

До меня лишь спустя минуту дошло, что «мать Мируан» – это я. Нет, так дело не пойдет!

– Давай начнем с темы титула, меня обязательно называть матерью?

– Вы Верховная мать семьи из императорского рода, – Бхинатар снова улыбнулся. – Это очень хороший титул, почему он вам не нравится?

– Просто у нас матерью называют только ту, кто дала тебе жизнь, – я решила поддержать философский настрой будущего мужа, заодно мысленно проинструктировав Рикиши насчет необходимых ингредиентов. На что мой вамп выдал что-то из серии «Я тоже читал ту книгу, все будет отлично, не волнуйтесь, леди» и... исчез.

Чхар тут же кинулся к дверям, очевидно, пытаясь сообщить охранникам, но прилег на пол от мощного магического пинка в спину. Продублированного еще и банальным ударом кулака по голове.

– А у нас – ту, от которой твоя жизнь зависит. В чем-то похоже по смыслу, вы не находите? – Бхинатар спокойно уселся обратно на пол, пролевитировал к себе бессознательное тело Чхара, вытряхнул у того из штанов пояс и крепко стянул моему братцу руки за спиной.

Похоже, с мужем мне повезло, а вот братик еще даст прикурить и неоднократно.

– Иблит – это очень плохое слово? – поинтересовалась я, тоже стараясь делать вид, что в комнате ничего не произошло, и мы просто продолжаем мило беседовать.

– Просто все, кто не дроу, – пояснил Бхинатар, сверкнув белозубой улыбкой и мне, и появившемуся в кресле Рикиши.

– На самом деле это слово обозначает «дерьмо», леди, – тоже улыбнулся в ответ Рики, и обстановка в комнате слегка накалилась, буквально на секунду, пока мой жених и мой любовник пристально изучали друг друга.

– Итак?.. – привлекла я их внимание к себе.

– Думаю, подопытный образец у вас есть, – Рикиши кивнул в сторону пришедшего в себя и сквозь зубы тихо ругнувшегося Чхара. – Я бы рекомендовал начать с него, а если что пойдет не так, всегда можно слегка переиграть и превратить его в нетопыря.

Парнишка дернулся, наткнулся на презрительный взгляд Бхинатара и затих, злобно сверкая серо-голубыми глазищами на нас троих по очереди.

Отстранившись от происходящего, я сосредоточилась на

приготовлении к обряду. Свечи, благовония, сосуд... так, на фиго козе баян?.. я не помню!

«Спокойно, леди! Там надо будет смешать вашу кровь с кровью того, кого вы принимаете в род».

«Но в книге этого не было!» – меня начало потряхивать от волнения и паники.

«Доверьтесь мне сейчас, леди, пожалуйста!»

Можно подумать, у меня большой выбор? Кому–то я же должна верить.

Свечи я зажгла магически с первого раза. Сама удивилась... А три курительницы с благовониями для маленькой комнаты – перебор. Меня повело от запаха почти сразу. Тут в руке у меня оказался нож, красивый такой, явно ритуальный. Я полоснула себе по запястью, и кровь полилась в подставленный Рикиши сосуд.

Действовала я уже частично на автомате, частично под суфлирование тихого голоса у меня в голове. «Не упоминайте имя богини, просто зовите богиню–покровительницу рода!». Не вопрос... Я сосредоточилась, сконцентрировалась, чувствуя, как буквально пьянею от запаха в комнате.

Только спяну, вместо хоть как–то ожидаемого одного женского голоса, я смогла услышать два. Мужской и женский.

– Она и весь ее род будут подчиняться мне! – прорычал мужской голос, услышав который Бхинатар бухнулся на колени и замер, то ли из уважения, то ли от страха.

– Она принесет освобождение моим детям и будет подчиняться мне! – возмущенно выкрикнула женщина.

– А можно, я сама выберу? – нагло объявила я, стараясь не упасть в обморок.

– Если ты промедлишь еще немного, сюда придет моя мать, и у тебя уже не будет никакого выбора! – презрительно фыркнул мужчина.

Ага, сынок Ллос. Как там его звали–то? Ваэрон, божество мужчин–дрои, сторонник свержения матриархата и установления равноправия среди дрои. Ох, не поглядят меня по головке за такой выбор.

– Простите, а кого из ваших детей я должна буду спасти? – вежливо поинтересовалась я у едва видимой в туманной дымке женщины.

– Я вижу в тебе великое предназначение! Ты спасешь прародителей истейлов, не зря осколок одного из древних находится рядом с тобой. Ты отомстишь за все мучения моих детей и детей их детей. Ты свергнешь великую империю, и на ее руинах мои дети вновь возродят свой мир! Ты...

Так, дама красивая, но на голову еще более слаба, чем Чхарик. Хотя, судя по стуку зубов от двух моих дрои, дамочку уважают.

Вменяемый мужик, борющийся за равноправие, но побаивающейся собственной мамочки или спятившая красавица, окутанная кучей тайн и обещающая мне, что я призвана спасти мир. Вампир у меня уже есть. Эльфов, вообще, целых

два. Осталось найти гнома и единорога...

– Я выбираю тебя! – махнула я окровавленной рукой в сторону женщины.

Судя по странному звуку, кто-то из двух друу решил прилечь отдохнуть. Наверное, Чхар. Нервный мне брат достался. Ну, или Бхинатар об пол бьется, переживая за умственное развитие своей будущей жены... Что творю, что делаю? Что делаю, что творю?! Но не Ллос же было дожидаться, в самом-то деле? А равноправия среди мужчин мне по самую маковку и без поблажек со стороны богов хватает.

Рикиши, взяв у меня из рук нож и сосуд, быстро полоснул по запястьям двух друу, взболтал кровь в сосуде и влил содержимое в каждого из них по очереди.

– Отныне моя жизнь принадлежит Верховной матери рода Алеан Вал Тарнизо, Мируан, и ее покровительнице и покровительнице всего рода, леди Мертвых, Ревенансер Киарансали.

Произнесли эти двое почти хором. Речь у них была не совсем четкой, наверное, от волнения. Потому что, как только я услышала имя богини, с которой только что заключила договор, у меня все онемело не только снаружи, но и внутри. В здешних учебниках про нее не упоминалось, но, зато я мельком читала про нее еще у себя в мире, и если хоть половина приписываемого ей правда... Я только что связала свою судьбу с красивым мстительным безумным психом. Хотя, чему удивляюсь? По-моему, все было ясно с самого

начала, просто я не рассчитывала на божественные масштабы безумия и мстительности.

Тут в дверь вломились, одновременно, Сонола и старшая из женщин–дроу. Единственным моим желанием было сделать им губами так: быр–быр–быр... но сил не хватило, и я упала прямо на руки Рикиши.

Пришла в себя я почти сразу от грозного рыка Сонолы:
– Мой сын не будет иметь ничего общего с Киарансали!
– Его Верховная мать решила за него. Зато, возможно, это поможет ему пережить гнев богини Ллос.

Я решила пока полежать на уютной мягкой кровати и помолчать с закрытыми глазами – может, узнаю что–нибудь интересное.

– Чхар! Почему?..

О, это Сонола решила выяснить, какого лешего мальчишка уперся всеми рогами и копытами, отказываясь возвращаться в лоно семьи.

– Моя мать – Бриана Мэй Умари, мой Дом – Арра Хелви. Я не знал о тебе первые сто два года своей жизни и не хочу ничего знать о тебе и дальше. Если бы не ты, я бы был первым сыном четвертого сына Верховной матери, но ты бросила меня подкидышем в чужом доме, и только благодаря доброте матери Брины я выжил...

– Идиот! Ты выжил, потому что был нужен мне, а я Брине!

– Милая семейная идиллия, – скептически–ехидным голосом прокомментировала все это женщина–дроу. – Жизнь

Чхара теперь в руках Ллос и Киарансали, но лучше бы тебе все равно не забивать голову мальчика всякими глупостями. Мало ли, действительно выживет. Тогда его придется убить за то, что слишком много знает.

Сонола буквально поперхнулась и почти умоляюще попросила:

– Верни мне сына. Я же отдала вам дочь...

– Это не твоя дочь, – уверенно выдала женщина, сквозь ресницы я заметила, как она махнула рукой, и Чхар плавно опустился на пол, словно неожиданно уснув. – У меня есть образец с кровью Алисы, и есть – с твоей. Так вот в жилах этой девочки течет твоя кровь. Не знаю, как ты этого добила и кого ты надеялась этим обмануть, но нам ты отдашь своего двойника, к счастью, разумного и обладающего внешним сходством с твоей дочерью. Так что все непосвященные будут уверены, что обмен совершился. Мало того, этому двойнику служит обращенный истейл и покровительство Леди Мертвых. А больше всего меня удивляет отсутствие управляющих нитей. Это очень не похоже на тебя. Я ожидала кукол–подменшей, ожидала магических обманок, да я даже двойников ожидала... но именно Алисы. А тут такой щедрый дар – твоя собственная кровь и истейл. Слишком много добра, Сонола, тоже настораживает, когда источник добра – ты.

Моя опекунша сидела с серьезным выражением лица, просчитывая какие–то, только ей доступные варианты, по-

том выпрямилась и кивнула в сторону лежащего на полу сына:

– Верни его мне или вы останетесь ни с чем.

– Пока что у нас есть и твой сын, и твой двойник, – спокойно уточнила женщина–дроу.

– Забота о моем сыне была платой за мое молчание.

– Мы продолжим о нем заботиться, если он выживет, – усмехнулась дроу.

– Но вы попытались его убить!

– Ллос дала ему прощальное задание, и если бы он его выполнил, то выжил бы. По крайней мере, погиб бы он не от гнева богини, – судя по голосу, женщина от души развлекалась.

– Вы приказали ему убить меня? – а вот в голосе Сонолы проскользнули сомнения на пару с паникой.

– С ним общалась Ллос, – уточнила дроу. – И ее приказ отложен в самых глубинах его памяти. Даже я не знаю, как на самом деле он звучит, и что должно послужить запуском.

Ура! У меня в хозяйстве очередная бомбочка, которая рванет неизвестно когда и неизвестно в кого. Верховная мать Мируан, то есть я, в восхищении...

– Я тоже умею откладывать приказы в глубины подсознания, – вдруг усмехнулась Сонола и, резко повернувшись к Рикиши, рыкнула: – Убей девчонку!

Я лениво оторвала голову от подушки и показала Соноле средний палец. Но, похоже, радость моя была преждевре-

менна, потому что на лице Рики отразилось некое замешательство. Казалось, он пытался вспомнить что-то, но не мог. Ну, вот только этого мне и не хватало...

Бхинатар быстро передислоцировался поближе ко мне и приготовился драться, женщина-дроу тоже напряглась. Приятно, когда о тебе так заботятся... Хотя и не очень понятно, почему.

Сонола под шумок двинулась к двери. Правда, тут же получила магический удар волной воздуха, который она отразила, почти не напрягаясь. Судя по всему, дамы дрались не в первый раз, да и дракой это назвать можно было с большой натяжкой. Так, небольшой магический поединок двух равных по силе, слегка повздоривших из-за какой то мелочи. Со стороны, по крайней мере, это выглядело именно так.

Правда, мне некогда было приглядываться, потому что я полностью сконцентрировалась на Рикиши. Тот потряс головой, нахмурился, снова потряс головой... Потом вдруг резко начал бледнеть...

Не смотря на протестующий вскрик Бхинатара, я кинулась к своему нетопырю, прижалась к нему, зажмурилась и на всякий случай приготовилась умереть. Ну их всех, вместе со своими странными разборками, мне без стартового пакета все остальное совершенно не интересно! Спячу я тут, если рядом не будет моего вампирчика, потому что ему я хоть как-то могу доверять.

Спустя полминуты я поняла, что ничего не происходит

и приоткрыла один глаз. Рики уже даже слегка порозовел, но на всякий случай протянула ему свою руку, и он, не капризничая, впился зубами в запястье. Я даже поморщилась от боли, – зубы задели едва затянувшийся порез от ритуала привязывания двух чернокожих красавчиков, ведь тот перестал кровоточить только после того, как они произнесли фразу вступления в род. Теперь порез снова вскрылся от укуса, и кровь ручейком потекла прямо в рот Рикиши. Он жадно глотал, слизывал, облизывал губы... Наконец, насытился, лизнул мою рану, затянувшуюся прямо на глазах, благодарно улыбнулся и пристроил меня обратно на кровать.

Бхинатар очень осуждающе смотрел то на меня, то на самодовольно ухмыляющегося Рики.

В это время Сонола, удивленная случившимся, отвлеклась и получила основательный удар от женщины–дроу, и тут же следом ее угостило вторым от моего мужа. Он влез в драку, как только отпала необходимость меня оберегать. Решив, что бой с двумя магами ей не интересен, Сонола быстро выскочила в коридор. Я, пошатываясь, тоже выползла, чтобы увидеть два валяющихся на полу мужских тела, надеюсь, спящих, как и Чхар.

– Она оглушила их, чтобы ворваться к тебе в комнату, – подтвердила мои предположения жрица дроу. – Но Бхинатар успел сообщить мне несколько заранее, так что пришлось прервать один деловой разговор и прийти к тебе на помощь. Очень удачно получилось, как ты считаешь?

Женщина улыбнулась и потрепала меня по волосам. От удивления я широко распахнула глаза, и дроу рассмеялась:

– Не знаю, кто ты на самом деле, но точно не простой двойник. Игрушка в руках богов? Возможно. Но не в руках Сонолы. Иначе она не пыталась бы тебя уничтожить прямо во дворце, идя на риск. Вдруг мы бы решили сообщить королю об этом?

– Но, скорее всего, вы бы не сообщили? – уточнила я.

– Конечно, нет. Сонола знает одну тайну, о которой молчит, пока у нас ее сын. Так что мы полностью зависим друг от друга.

– А почему тогда вы ее не уничтожите?

Услышав мой вопрос, женщина снова рассмеялась:

– Повторяю, мы полностью зависим друг от друга. А первое правило выживания молодых дроу звучит так: «Лишние знания могут как спасти жизнь, так и сильно сократить ее».

Я поняла тактичный намек и решила вежливо заткнуться, но напоследок задала еще один вопрос:

– А как вас зовут?

– Шинтафэй Торр`Итт, – кивнула мне женщина, и я, уже по привычке, проделала поклон младшего члена семьи старшему.

Дроу грустно улыбнулась:

– Не выживешь ты у нас, девочка. Может, в тебе и течет кровь Сонолы, но ее хитрости и изворотливости в тебе точно нет. Так что молись своей богине с утра до ночи и радуйся,

что рядом с тобой истейл и такой сильный маг, как Бхинатар. Твоему будущему мужу гораздо выгоднее принадлежать одной тебе, чем любой из благородных женщин рода, которая его пожелает.

Успокоив меня, дроу тоже отправилась куда-то по коридору, очевидно, продолжать свои деловые переговоры. А меня снова подхватили на руки, отнесли на кровать и привычно-родным голосом произнесли:

– Время обедать, леди!

И правда... Как быстро летит время. А я ведь даже позавтракать не успела...

Глава 15

Проблему с обедом мы решили традиционным путем, не гоняя никуда Рикиши. Он просто высунулся и приказал озаботиться этим одному из парней—охранников.

– Кстати, их сменили, – усевшись в кресло, Рики вытянул вперед ноги и тут же пересекся взглядом с Бхинатаром.

– Угу, – кивнула я, поглядывая то на одного, то на другого. Можно подумать, меня сейчас судьба двух парней за дверью волнует, когда у меня тут рядом только искры не сверкают.

Вдруг, очевидно по заказу публики, последовало сначала смазанное движение от кресла в сторону моего жениха, затем осязаемое даже мной движение слоев воздуха, и засверкали они родимые, искры... Как будто от резкого торможения машины.

Почти сразу материализовался и сам затормозивший объект. С удивительно спокойным выражением лица он демонстративно небрежно покручивал в руке ритуальный нож. Бхинатар, магически удерживающий Рикиши на расстоянии, выглядел чуть более напряженным и сосредоточенным.

Конечно, выяснять, кто из них сильнее и главнее, эти двое будут еще неоднократно, но кое—какие моменты следует прояснить сразу.

– Значит так, мальчики, в свободное время вы можете развлекаться, как вам угодно, но до моего переезда на ТинНи-

гх обсудите между собой и разработайте тактику взаимодействия по защите меня от посторонних. И ознакомьте меня с ней! – плевать мне было на эту тактику, я еще тот генералиссимус, но мне было нужно, чтобы эти двое осознали наличие общего совместного дела. – И помните, что вас тут трое.

– Чхар Ясс Зине еще не выполнил приказ Ллос, он опасен.

– Да, леди, за ним самим надо присматривать.

Мои брови взлетели домиком от возмущения. Спрашивается, зачем мы тогда его спасали, чтобы теперь за ним присматривать?

– Он поступил как трус. Ллос не приняла бы его, как жертву и вряд ли подарит ему легкую смерть. В его крови «Поцелуй паука», и он может начать действовать в любой момент.

– Леди Сонола не простила бы его смерти и отомстила бы потом всем.

М–да. Ну, договорятся со временем, притрутся, никуда не денутся. Но упоминание о том, что жизнь Чхара в буквальном смысле в руках божьих, мне не понравилось.

Вообще, сам факт, что боги дрею так вот по–простому приходят, разговаривают, выдают задания какие–то... он, даже на фоне полной анреальности происходящего, был еще более анреальным.

– То, что вы выбрали для всей семьи богиню–покровительницу Киарансали, не означает, что Ллос уступит ей Чхара, – выдал очередную реплику Бхинатар.

– И что вы тогда предлагаете? Может, убить его сразу бу-

дет проще? – не выдержала я. – Зачем он нам сдался? – и посмотрела на Рикиши, ожидая пояснений от него.

Жених нахмурился, я бы даже сказала, что напрягся. Такое ощущение, что он тоже по какой-то причине не хочет, чтобы Чхара убили.

Рикиши посмотрел на мирно сопящего на полу парня, которого так пока никто и не потрудился разбудить. Потом на меня, затем на Бхинатара. Тот молчал, выражая несогласие только выражением лица. Рики, судя по всему, обдумывал, насколько информацией, предназначенной для меня, следует делиться в присутствии моего мужа.

Очень вовремя появились трое слуг с большим столиком на колесах и принялись энергично сервировать стол в соседней комнате. Привезенное ими так вкусно пахло, что я сползла с кровати и встала в дверях спальни, чтобы полюбоваться на процесс. Желудок скрутило от голодных спазмов, мешая происходящим в голове размышлениям. Закрыв глаза и вдыхая аромат жареного мяса, я обдумывала, могу ли я делиться с Бхинатаром хоть какой-то информацией или пока продолжать доверять только Рикиши, раз уж начала. И о том, что нетопырский засранец знал, что на мой призыв могут откликнуться другие боги... Наконец, я приняла решение и позволила уже давно пытавшемуся пробиться в мою голову Рики облегченно выдохнуть и высказаться:

– Конечно, Чхар полукровка и магической составляющей в нем почти нет, но для любой семьи в Яхолии сын гораздо

важнее, чем дочь. Тем более, как это ни смешно звучит, леди Сонола любила его отца, – я не сдержала удивления от услышанного, оно отразилось у меня на лице, и Бхинатар, внимательно следящей за моей мимикой, насторожился. – Просто у леди Сонолы больше не будет детей, а леди Марими с самого начала была не способна к продлению рода. Если и леди Алиса окажется пустоцветом, древо семьи Тарнизо завянет.

Смутно уважительная причина, объясняющая, почему Сонола готова бороться даже за сына–полукровку, но я очень сомневаюсь в искренности ее переживаний.

– К тому же, как только умрет отец леди Марими, последний и на текущий момент единственный мужчина в семье Тарнизо, все древо будет взято под опеку более старшим. Или полностью поглощено, если у семьи не останется надежды на возрождение.

Ага, так более понятно, – конец вольной жизни, все богатство перетечет в другую казну... Возможно, конфликт с мужчинами старшего древа. Естественно, сыночек, воспитанный в матриархате и ничего не соображающий в здешних реалиях, – просто мечта для Сонолы и ее кузины.

– Леди Марими очень ругалась, узнав, что леди Сонола покинула Ноакиндомскую империю, оставив там сына. Именно поэтому меня подарили ей, чтобы я сумел выяснить, что же на самом деле произошло.

Вот так походя развенчана очередная правдоподобная ложь, выдаваемая мне. «Сестре было так грустно после смер-

ти мужа...» Ха!

– И как? – заинтересованно уточнила я, а мой интерес снова отразился на лице.

Бхинатар, сначала демонстративно проверивший все блюда на наличие яда и только потом приступивший к поглощению пищи, оторвался от супа, чтобы пристально посмотреть на меня. Я улыбнулась, ловя себя на желании помахать ему рукой.

– Официально там был вырезан весь Дом с последующей сменой власти. Леди Сонолу какое-то время везде приглашали, считая героиней, пожертвовавшей личной жизнью ради благополучия Яхолии. Считалось, что правящий Дом задумывал восстание, поэтому благородной леди пришлось воспользоваться древней враждой и помочь другому Дому уничтожить всю правящую аристократию. А затем она срочно покинула Ноакиндомскую империю, чтобы доложить о свершившемся перевороте своему королю лично, и настолько торопилась, что кое-что позабыла с собой захватить. На самом деле, леди Соноле пришлось убежать настолько быстро, что ей было слегка не до сына. Правда, она тут же вспомнила о нем, едва оказалась на родине. И даже искренне переживала за него, иногда, – даже в мыслях я почувствовала и как будто увидела ехидно-скептическую полуулыбку Рикиши. – Но я совершенно не понимаю, почему дроу вырастили Чхара, и зачем им так нужна леди Алиса, – я глубоко-мысленно покивала и снова улыбнулась Бхинатару. – И тем

более не понимаю, зачем она им понадобилась так срочно.

Мысленный разговор – довольно удобная вещь, оказываясь, хотя и сильно изматывающая. Приходится постоянно контролировать сознание и не давать пробиваться наружу лишним, не участвующим в беседе мыслям и эмоциям.

– Леди, хотите, я расскажу вам одну древнюю сказку моей родины? – я даже не сразу поняла, что Рикиши произнес это вслух.

– Конечно, хочу, только... – я озабоченно кивнула в сторону спальни. – Наверное, имеет смысл сначала разбудить Чхара и покормить его?

Бхинатар внимательно посмотрел на меня, как будто ожидая чего-то.

– Леди, вы сами отвергли покровительство Ваэрона, значит, ни о каком равноправии между женщинами и мужчинами даже речи быть не может. Ваш муж ждет четкого приказа.

– Он еще не мой муж, – открестилась я инстинктивно, хорошо хоть мысленно. А вслух поинтересовалась у Бхинатара: – Ты сможешь его разбудить?

– Да, мать Мируан.

Меня внутренне передернуло. Точно, мы же так и не договорились насчет титулов.

– Слушай, а как еще у вас можно уважительно обращаться к женщине?

У мужчины на лице ненадолго появилось очень задумчивое выражение, и он родил альтернативный вариант:

– Госпожа.

Рикиши как-то странно хмыкнул. Я сначала не поняла, почему, а потом вспомнила – он же так часто к Соноле обращался. Не "леди", а "госпожа".

– По моему "леди" звучит гораздо более возбуждающе, вы не находите? – как почувствовал, что про него думаю. Еще и ухмыляется, засранец... А ведь даже по ушам за соблазнение не надаешь, ведь последнюю фразу он произнес хоть и с томным придыханием, но мысленно.

Мы перешли обратно в спальню, где Бхинатар проделал несколько быстрых движений руками над лицом Чхара. И тут же отшатнулся, потому что мой брат резко подскочил, огляделся, увидел нас и снова уселся на пол.

– Иди есть, – махнула я рукой в сторону столовой.

Чхар упрямо поджал губы и посмотрел на меня из-под насупленных белых бровей. Замечательно... И как правильнее поступить? Оставить голодать, нарушая мой собственный приказ?

Сказать моим мужчинам, чтобы озаботились и накормили упряма? Забавно, но педагогически не верно. Рикиши только недавно стал меня более-менее слушаться, Бхинатар вроде как тоже соблюдает приличия... и тут такое вот капризничавшее недоразумение, которое я сама построить не в состоянии? Вот уж нет уж!

Я сосредоточилась, выставила ладонь на уровне груди и медленно двинула рукой от себя – вперед, разрезая поток

воздуха, и подула в сторону упрянца. Чхар плавно поплыл над полом в сторону столовой.

Сообразив, что происходит, он попытался встать и гордо выпрямиться, но у него ничего не получилось. А я почувствовала, как в мою силу аккуратно вплетается чья-то чужая. Нежно и осторожно, как бы предлагая, но не навязываясь. Сотрудничество объединяет, так что я не стала отказываться от помощи Бхинатара. Мы вместе долеветировали упертого барашка до столовой и водрузили его на стул.

– Ешь, или мне придется кормить тебя, – строгим тоном произнесла я, глядя на мальчишку.

Сколько он там сказал? «Первые сто два года своей жизни»? Интересно, это с учетом тех семи лет, что Сонола провела в Ноакиндомской империи или нет? Да, даже если с учетом... Средний жизненный цикл у темных эльфов составляет от шести до восьми сотен лет. Первое совершеннолетие у них наступает примерно в восемьдесят один год – возраст, когда юные дроу заканчивают обучение как жрицы, маги или воины. То есть... один к пяти, наверное, где-то так. Значит, Чхару примерно... двадцать два. Очень похоже на правду. Причем, в отличие от Рикиши, который сначала достиг двадцатилетия, а потом прожил пять сотен лет, этот ребенок достиг своего двадцатилетия совсем недавно, несмотря на сотню лет за плечами. И ведет он себя именно как мальчишка...

Зыркнул на меня злобно, потом на Бхинатара, как на предателя и врага народа. Казалось, еще немного и запыхтит,

как недовольный ежик. Однако то ли заложенное с детства уважение к женщинам, то ли презрение и отвращение к иб-литам... То ли элементарно проголодался и решил перестать выделываться... Но Чхар приступил к поглощению пищи, а я позволила себе слегка расслабиться и выдохнуть. Маленькая, совместная, но победа!

– Рикиши, ты мне сказку обещал, – напомнила я, усаживаясь на стул и наблюдая, как мой так называемый братик вгрызается в куски мяса. Аккуратно и жадно одновременно.

– Да, леди, – Рики тоже устроился на тот же стул, на котором и сидел раньше.

А вот Бхинатар прилеветировал из спальни кресло и с низким поклоном предложил мне пересесть в него. Я одобрительно улыбнулась – кресло значительно мягче и, вообще, в нем было гораздо удобнее. Рики едва заметно нахмурился, но тут же расслабленно откинулся на спинку стула и скрестил перед собой ноги.

– Когда боги создают очередной мир, то первыми запускают в него драконов. Те живут тысячи тысяч лет, наблюдая, как меняется мир, как одни расы сменяют другие. Стараются не вмешиваться, но иногда нарушают это правило. Избранная драконами раса процветает и развивается на зависть всем остальным. Потом драконы один за другим начинают терять интерес к жизни и засыпают, иногда парами, иногда поодиночке... иногда целыми семьями. Драконов можно убить, но сами они не умирают ни от болезней, ни

от старости. Покровители расы тоже засыпают, но чтобы не оставить своих избранников без защиты, они выбирают девять жрецов, и те могут говорить со спящими драконами, задавать им вопросы, а в случае крайней опасности, объединившись, разбудить их и обрушить всю их мощь на врага.

Судя по лицам обоих друу, они эту сказку слушали не в первый раз. А я вот про нее даже в учебниках не читала. Даже в мифах и легендах Яхолии ничего подобного не упоминалось.

– И вот на один из миров напали завоеватели. Они не верили в драконов, не хотели задумываться о том, что в их мире спит их собственный дракон. Они возжелали захватить и поработить чужого, считая, что это будет сделать очень просто. Но против захватчиков восстало сразу три мира, потому что первоначально, до большого взрыва, они были едины, и покровители у них были общими. А потомки девяти жрецов жили в этих мирах, соединяясь с другими расами и передавая от сына к сыну маску, которую необходимо надеть перед разговором с драконом.

М–да, есть у меня предчувствие, что вот–вот мне откроется не только причина начала межмировой войны, но и почему она так печально закончилась.

– Сначала победа была на нашей стороне, – ага, увлекся, проговорился! Так я и думала, что он успел повоевать, иначе, откуда столько подробностей различных битв знает? – Потом мы стали проигрывать, и тогда жрецы решили вызвать на

помощь драконов. Для этого им надо было собраться вместе у алтаря, но в пути двое из жрецов погибли, а их маски оказались утерянными, – дроу и Рикиши на минуту замолчали, как будто поминая неведомых мне существ. – И тогда правитель основного мира принял решение пожертвовать собой и своим народом ради сохранения тайны. Захватчики не знали ничего ни про маски, ни про жрецов. Они были уверены, что вызывать драконов умеет правитель и, возможно, его сыновья. Поэтому они придумали, как сохранить им жизнь... И принялись планомерно истреблять остальной народ. К счастью, они поверили в то, что два других мира оставили третий из разумной трусости, и заключили с ними договоры на более или менее приемлемых условиях.

– Эм–м–м, – только и смогла сначала отреагировать я. Потом откашлялась и попробовала выдать что–то более внятное. – И никто в Яхолии до сих пор не в курсе?..

– Только вы, я и, возможно, леди Сонола.

– Вот ведь... – я оборвала саму себя буквально в последний момент. Мало ли, может, у дроу тоже не принято, чтобы женщины выражались.

– Не стоит падать там, где можно выстоять и сохранить лицо, – Бхинатар одобрительно посмотрел на меня, и я порадовалась за себя, такую умную и сдержанную. – Только лицо у вас уж больно выразительное, госпожа. – М–да... Ну, и что мне теперь, паранджу носить, что ли?

Наевшийся Чхар добродушно хихикнул шутке соплемен-

ника, а не стал поминать иблитов. Может, он такой злой был, потому что голодный?

– Кстати, а как будет проходить завтрашняя свадьба? – поинтересовалась я, поглядывая то на Бхинатара, то на Рикиши.

Первый широко распахнул глаза и, смущаясь, выдал:

– А я думал, это вы мне расскажете, госпожа. У дроу нет такого понятия.

Я откашлялась, давая в себе желание показать кулак прячущему ехидную улыбку Рики.

– Точно... Нет. Все время забываю об этом.

Спокойствие, главное, спокойствие, как завещал великий Карлсон. А то я сейчас совершу какую-нибудь очередную глупость, получу улыбку-приз и разочарование мужа... Почему-то ни первого, ни второго мне не хотелось. Муж мне начинал нравиться, с Рикиши, вообще, все давно понятно, да даже сытый Чхар вызывал желание не придушить, а договориться, и, главное, спасти его от поцелуя с пауком, или как там этот яд у него в крови называется?

Так что я собралась с мыслями, сосредоточено обдумывая, что я еще не спросила важного, о чем неплохо было бы поинтересоваться.

– Но на ТинНигх и КийЛунь все в курсе той милой легенды про драконов? – неожиданно мои мысли с предстоящего бракосочетания вновь вернулись к рассказанной Рикиши сказочке.

– О, нет, госпожа. Тех, кто помнит про драконов, осталось очень мало, а уж знающих про жрецов, вообще, единицы, и все они поклоняются одной и той же богине, – улыбки Бхинатара тоже были быстрыми, но более заметными, чем у Рикиши.

Белые зубы сверкнули, подчеркивая черноту кожи. Губы и у него, и у Чхара были сероватыми, с едва заметным розовым оттенком. Брови и ресницы – чуть темнее, чем волосы. А глаза – блекло-голубые, только у брата с уходом в серый, а у мужа – в лазоревый.

– Какой же? – уточнила я, уже заранее догадываясь, каким будет ответ.

– Ревенансер Киарансали, Леди Мертвых. Она покровительствует Культуре драконов, жрецы которого верят в то, что смогут разбудить первородных.

– Ри–и–и–ики, – мысленно завопила я. – А как ты узнал, что именно она явится на мой призыв? И откуда ты знал, что эти двое относятся к тем единицам, при которых можно рассказывать про жрецов?!

– Леди, насчет богов и женщин знать что–то наверняка невозможно. Но я очень рассчитывал, что почуяв меня, Леди Мертвых проявит любопытство и заинтересуется. Правда, я не ожидал появления Ваэрона. Так что вы вместе с ним заставили меня слегка понервничать, – судя по мысленной улыбке, очень даже не слегка, но вряд ли мне сейчас в этом признаются. – А насчет того, что эти двое знают про жре-

цов... Скажем так, леди, я проверял одно свое подозрение. В любом случае они теперь под покровительством леди Ревенансер, а она жестко охраняет тайну своего культа и карает лишь за мысли о предательстве.

На меня вновь напал приступ кретинизма, обостренный дотошностью, и я мысленно уточнила:

– Но ведь эти двое раньше поклонялись Ллос, а Бхитанар сказал, что все знают лишь те, кто поклоняется Киарансали...

Наверное, на моем лице отразилось беспомощно–непонимающее выражение, заставившее моего мужа нахмуриться и недовольно зыркнуть в сторону Рикиши.

– Бхинатар знает тайну, потому что относится к избранным, посвященным в проблемы с леди Сонолой. И, к слову, он до этого поклонялся не Ллос, а другому богу, я прав? – едва заметный кивок от старшего дроу подтвердил все ранее сказанное. – А вот Чхар Ясс Зине преданный почитатель королевы пауков, в отличие от своего отца, погибшего вместе со всем своим Домом. Но он тоже знал про жрецов. Знаете почему, леди? – Рики мысленно улыбнулся мне и в моих глазах тоже засверкали смешинки.

Внимательно следящий за нами Бхитанар опустился возле меня на колени и нежно провел ладонью по моей икре. Кажется, меня пытаются отвлечь от другого мужчины, причем очень недвусмысленно.

– Потому что Чхар – потомок жрецов, как и его погибший

отец. И если вы сейчас рассчитываете на уединение с этим...

– С моим мужем, – подсказала я, тоже мысленно ехидно улыбнувшись.

Нет, Рикиши не злился и даже не то, чтобы ревновал, но... Он явно был не в восторге.

– Тут есть третья комната. Пожалуй, я отнесу туда Чхара, а то вдруг ему тоже захочется присоединиться.

Как только Рики исчез, захватив с собой моего брата, мне вдруг стало резко не по себе. Одно дело кокетничать с другим мужчиной, вызывая хотя бы намек на ревность у своего. И совсем все иначе выглядит, когда твой мужчина оставляет тебя наедине с посторонним, а сам тактично утаскивает с собой всех свидетелей... из тех, что могут не вовремя что-то вякнуть и спасти тебя от соблазнения. Собственным мужем...

И, вообще, у нас матриархат вроде? Чего без спросу руки распускаем?!

– Госпожа?..

Невидимая под платьем ладонь, нежно поглаживающая мою ногу уже под коленкой, резко замерла, как и ее владелец.

Нет, ну мне же все равно надо будет с ним спать... наверное. Муж же. А... Это... Контрацепция?! Я не хочу, чтобы меня в ближайшем будущем кто-то стал называть матерью с полным на то правом! И... и вообще... кругом столько всего невнятного и неясного, так что никаких детей!

Забавно, но когда я начинала спать с Рикиши, у меня да-

же мыслей таких не было. Мне помогала вера в то, что от вампиров не залетают. А вот от дроу – запросто! И Чхарик – живой пример... Пока еще живой... И...

– Я вам не нравлюсь?..

– Нравишься.

Красота была, конечно, сильно экзотическая за счет сочетания цвета волос и кожи, да еще из-за своей идеальности. Но даже то, что в этом мужчине я во много раз больше не уверена и не доверяю ему еще больше, чем Рикиши, не отворачивало. И никакой потребности знать, интересна ли я ему, как женщина. Наверное, тут играло роль то, что если с местными аристократками я хоть как-то могла конкурировать, то с эльфийками у меня не было никаких шансов. То есть я заранее смирилась, что для Бхинатара – странный экзотический уродец, с которым ему необходимо переспать...

– Дело не в тебе, – я встала с кресла, одернула платье и попробовала донести свои сомнения до мужа: – Если секс с тобой является непременным условием нашего брака, то давай сделаем это по-быстрому и успокоимся. Если же нет, – то просто секс ради секса мне не нужен. Мне нужна преданность. Нужно уважение. Нужна уверенность, что я могу тебе доверять.

– У нас в семьях не принято строить отношения на доверии, госпожа. Это ненадежно.

– Да? – я наморщила нос, как будто съела кислый лимон. В комнате запахло ложью. Бхинатар сам не верил в то, что

говорил, а, значит, пытался проверять меня. – И что же у вас служит скрепляющим фактором?

Муж нахмурился, услышав последнее слово. Согласна, погорячилась, вряд ли оно у них тут входит в разряд общепотребляемых.

– Взаимовыгода.

– Отлично, тогда давай выясним, чем мне выгоден ты. И чем я выгодна тебе. Ведь ты стал мужем иблит, это же позор, как я понимаю?

– Нет, я принес себя в жертву ради благой цели, – Бхинатар белозубо улыбнулся, смягчая смысл фразы. – И потом, в отличие от Чхара, моя жертва не так уж велика, – я остаюсь жить со своим народом, а не уйду в неизвестный мир служить чужому роду. Если бы Верховная мать пожелала от меня подобное, только страх перед гневом Ллос удержал бы меня от неисполнения ее приказа. – Выдержав паузу почти в минуту, Бхинатар продолжил: – Но она пожелала иного. И у меня будет очень много преимуществ. Об одном из них мать Шинтафэй уже упомянула. Я перехожу в семью, где пока что только одна женщина, и это избавляет меня от необходимости удовлетворять любую возжелавшую меня госпожу из Дома матери. Но моих обязательств как воина, мага и сына не отменяет, поэтому мы можем рассчитывать на покровительство старшего Дома, – я очень хороший маг, хотя и не лучший.

По–моему, меня пытаются запутать, не отвечая прямо на

поставленный вопрос. Обидно, досадно, но опыт борьбы с подобным у меня уже есть.

– Одно преимущество ты назвал. Еще? – я встала с кресла и подошла к окну.

– Постоянное стабильное положение отца Дома. Вы не сможете заменить меня другим мужчиной.

– Не смогу завести себе любовника? – сам виноват, буду задавать конкретные вопросы прямо в лоб, без всяких там красивых словесных оборотов.

– Любовников – сколько угодно, но при этом они будут оставаться бесправными, – в голосе только спокойная констатация факта. Отсутствие даже намека на ревность. Да и с чего бы?

– Еще? – сказал же, что много, вот и пусть перечисляет.

– Жизнь станет спокойнее, – Бхинатар вновь улыбнулся, только как-то грустно. – У меня не будет соперников, и я перестану быть соперником для братьев.

– А какие выгоды будут у меня?

– Судя по тому, что я сегодня видел, ваша жизнь тоже станет спокойнее, – а теперь улыбка моего мужа чем-то напомнила мне Рикиши. Ехидной хитринкой, наверное. – И с вами рядом буду я, – ну точно! Один в один...

– Тогда расскажи мне, зачем вам принципиально нужна была именно дочь Сонолы.

Бхинатар замялся, потом выдал:

– Это не моя тайна, госпожа.

Бедняга даже не понял, почему я рассмеялась, упав в кресло, и веселилась там до появления в дверях удивленных Рикиши и Чхара.

– Леди?..

– Да, это я! – все еще продолжая смеяться, я махнула рукой в сторону Бхинатара. – А это твой клон... или дальний родственник. И... Кстати, ты боишься щекотки? – уточнила я у мужа, почти успокоившись и вытирая слезы от смеха.

Все трое мужчин смотрели на меня с подозрением и недоумением. Наверное, решили, что сумасшествие выбранной мною богини заразно.

– Пытать сейчас буду, – пояснила я, уже просто тихо хихикая от предвкушения. – Это очень страшная пытка, ее не каждый выдержит. Раздевайся!

Я решила, что глупо впадать в истерику или стучать ногами, да и, вообще, я не против того, чтобы члены моей семьи хранили какое-то время чужие тайны. Но право на хранение надо будет заработать. Например, развлекая меня. Поэтому начнем со щекотки... А потом перейдем к более изощренным методам допроса. Ну, и напоследок всегда остается хорошая порка, если уж сильно достанут своей секретной таинственностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.